

Альманах

библиофила

Алларх Сѣмѣевъ и дѣти евои

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Форманах библиофила»
рассказывает о книгах и книжниках
прошлого и современности.

Выпуск **А** шестой

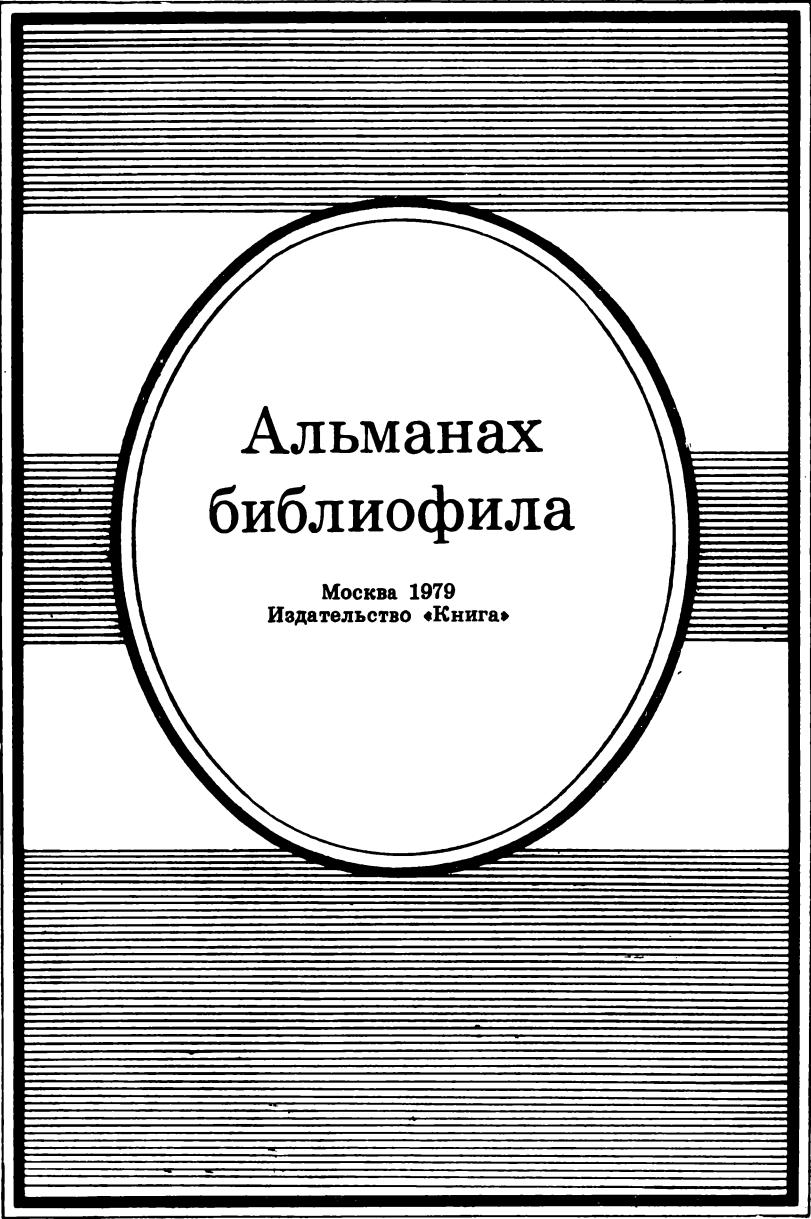
библиотеках и

библиофилах.

о поисках и находках
в книжном мире.

о делах минувших и современной жизни
книгочеловеческих в разных концах нашей
страны и в других странах.

Альманах библиофила

Москва 1979
Издательство «Книга»

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. М. Акутин
(ответственный секретарь)

В. И. Безъязычный
(зам. главного редактора)

И. А. Котомкин, А. И. Маркушевич,
А. Э. Мильчин, Л. М. Наппельбаум,
А. И. Овсянников, В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Книга и Жизнь

КНИГИ, ОТКРЫВАЮЩИЕ НАС

— Чингиз Торекулович! Как и когда Вы встретились с первой книжкой, какое впечатление произвела на Вас эта встреча?

— Я писал в одной из своих статей, что литературное творчество определяют люди и книги. Может быть, даже сначала книги. Я не думаю, что это преувеличение. Вспоминаю, каким ярким озарением на всю жизнь явилась для меня в ранние годы встреча с книгами Мухтара Ауэзова, помню потрясение от шолоховских романов; тогда я впервые понял, ощутил, что у слова есть свои недра; магия писательского слова была для меня настолько сильна, что у меня невольно возникало желание как бы приподнять с бумаги каждое слово и заглянуть: что за чудодейственная сила таится в нем?

Я убежден, что у слова есть свои недра...

Человек по-разному приходит к пониманию этой извечной истины. Многое зависит от того, как сложилась судьба, жизнь человека.

Моей первой фундаментальной «библиотекой», доставшейся мне по наследству от моих многочисленных сородичей, была напоенная песнями, легендами, сказаниями Таласская долина, край, где я родился и вырос. Здесь я впервые услышал голос манасчи — сказителя эпоса «Манас». А было мне в ту пору лет тринадцать. Но еще прежде я слышал «растворенный», «рассыпанный» в народе эпос; в повседневной речи часто доводилось слышать такую пословицу: «Победу одержали мы, а слава досталась Манасу».

Как все дети, осваивал классическую и современную литературу; была нам доступна и мировая классика, в

основном назидательного характера — призванная внушить: что такое хорошо, а что такое плохо.

Замечу, что я вовсе не против назидательной литературы, но считаю, что она хороша в детстве, когда ребенку необходимо внушить устойчивые основные понятия, принципы, когда его поведение по преимуществу подражательно и нуждается в прямом руководстве, в разъяснении: кому и чему должен подражать. Но уже подростку нужна литература, призванная внушить умение, необходимость мыслить самостоятельно, заставляющая «жить своим умом».

Мы же в жизни часто поступаем наоборот — взрослому, самостоятельно мыслящему человеку предлагаем назидательную книжку. Вот я против чего!

Когда-то в молодые годы я пытался бороться с такой назидательной, дидактической, утилитарной литературой, стремился воспрепятствовать ее размножению и существованию, теперь я с ней не борюсь. Я понимаю, что нельзя воспрепятствовать появлению такой литературы, иначе многие читатели лишатся своей опоры, остро почувствуют свою ограниченность, леность, ибо эта литература не будет их поддерживать, питать.

Я понимаю, не все должны восторгаться романом Маркеса «Сто лет одиночества». Это очень трудная для чтения книга, нужно выдержать тот уровень, то напряжение, то дыхание, на котором она написана. Не всем это может оказаться интересным.

Но читатель не должен быть иждивенцем. С книги, с этого высокого трамплина, на который ему надо взобраться, он должен прыгнуть к самому себе. Он должен проделать большую работу. Он должен осмыслить, осознать, кто он такой, к чему он на этой земле, что может он и на что способен...

— *Какова, на ваш взгляд, роль книги сейчас в жизни людей, переживающих информационный «бум»?*

— Книга выступает одним из звеньев в духовной связи людей, она заставляет их возвращаться к своим истокам, проникать в сокровенные глубины духа, контактировать с настоящим, прошлым и будущим. Книга связывает людей. Она объединяет людей и телевидение; это понятно, но для того, чтобы одолеть огромное количество литературы, накопленной человечеством за века,

творения Гомера, Данте, Вергилия, Толстого, Хемингуэя, Фолкнера и других гениев человечества, хотя бы часть этого богатства, а его можно осваивать без конца, следует от чего-то отказаться...

Восемь часов у человека уходит на сон, восемь на работу, если он будет просиживать часами у телевизора, ему некогда будет читать.

— *А как много времени уходит у Вас на чтение? Известно, что человеку пишущему удается не так уж много читать. Просто некогда, ибо рабочий день продолжается бесконечно долго...*

— Часто приходится читать по ночам или — в поезде. Обычно в поезд я беру те книги, которые не удастся мне прочитать в житейской суете.

— *По какому принципу Вы собираете библиотеку?*

— Специально книг я не коллекционирую. Покупаю только для того, чтобы иметь возможность в любое время иметь под рукой необходимую книгу, а затем — через месяц, через полгода — если будет надобность, вновь обратиться к ней. Раньше я часто ходил в библиотеку, теперь работаю только дома, так что для того, чтобы всегда иметь нужную книгу, должен непременно приобрести ее, купить. Наверное, у каждого человека должны быть свои книги.

— *Какие книги по преимуществу собраны у Вас?*

— У меня немало книг по истории Востока — древней, средневековой, современной. Это, если хотите, моя естественная потребность... Природная склонность. Хотя интересует меня, разумеется, не только тюркоязычная литература, но и другие — Среднего и Дальнего Востока. Они интересны во многих отношениях и прежде всего тем, что в них я вижу иной принцип выражения мыслей, чувств, мировосприятия, иной тип культуры. Мышление это существенно отлично от нашего, но мимо него нельзя пройти. Ибо это один из величайших опытов художественного сознания истории человечества.

А в общем, у меня библиотека самая обычная, никаких раритетов нет. Есть то, что водится почти у каждого.

— *И все же, Вы могли бы сказать, кого из писателей Вы более всего любите?*

— У меня нет определенного любимого писателя. Я многих ценю и уважаю, восхищаюсь мастерством мно-

гих, особенно классиков. Но любить — это значит относиться к кому-то некритически. Я не могу себе позволить такой любви.

— Кого Вы чаще всего читаете, перечитываете?

— Одну и ту же книгу нельзя перечитывать бесконечное количество раз, интереснее читать новую книгу, произведение современного автора. А вообще в последнее время, как уже говорил, не так уж и много читаю... Я имею в виду беллетристику.

Видимо, сказывается возраст. В молодые годы я больше стремился узнать разных авторов, сейчас круг чтения, быть может, несколько сузился, но зато я читаю более углубленно, основательно, по крайней мере, так хотелось бы думать.

К книгам относишься так же, как и к друзьям — в юношеском возрасте их много, но отношения с ними более поверхностные, некритические, легковесные; нравится, допустим, кому-то то же, что и тебе, ты и его уже считаешь другом, единомышленником, хотя, может, и общего-то между вами разве что одна полюбившаяся книжка... С годами круг знакомств сужается, может быть, остаются один-два человека, которых называешь друзьями, но зато уж это подлинные, испытанные друзья. Так и с книгами. К каким-то авторам, которыми увлекался в юности, уже нет особенного желания возвращаться — эти книги ты навсегда прочитал. С другими писателями наоборот. Вот Достоевский, он не только остается для меня тем же, кем и был, но и день ото дня укрупняется, вырастает в моих глазах. Эпоха его миновала, исчез, канул в Лету мрачный, призрачный Петербург, но творения Достоевского, дух его прозы, слово его — продолжают меня волновать, не дают мне покоя. Достоевский — беспокойный писатель, будоражащий нашу совесть, его читать — нелегкое, а порой и не всегда приятное занятие, но его читаешь, ибо он возвращает тебя к себе самому, к сути твоей, к совести; ему невозможно подражать, но учиться у него нужно. Чему же? Мне думается, в первую очередь — неподдельной любви к людям, состраданию к униженным и оскорбленным.

Круг друзей неизбежно сужается, но так же неотвратимо углубляется и любовь к ним. Есть тут определенная взаимосвязь.

Как ни странно, но я, пишущий прозу, которую критики называют то «лирической», то «лирико-философской», то «поэтической», постепенно утрачиваю интерес к чисто художественным произведениям. Не знаю, чем объяснить эту странность. Опять же, наверное, возрастом. Всему своя пора. Есть в жизни человека пора, наполненная бурными переживаниями, когда он больше занят чувствами, эмоциями, его одолевающими, — пора поэзии, затем — период увлечения художественной прозой и, наконец, пора пристрастия к прозе философской, мемуарной, деловой.

Художественному чтению сейчас я предпочитаю либо философскую литературу (я даже подписался на журнал «Вопросы философии»), либо научно-документальную, «строгую», сугубо деловую прозу.

Время от времени по настроению, по возможности читаю Гердера. Поразительный был человек! Диву даешься, сколько он мог в себя вместить мудрости и энциклопедических знаний! Мы сейчас поднимаемся на Луну, изобрели немало технических усовершенствований, таких, о которых люди его времени и не подозревали и не мечтали, а до гердеровского уровня мышления многие из нас, наверное, еще не поднялись. За исключением некоторых взглядов, продиктованных временем, он мыслит как вполне прогрессивный современный человек. Есть люди, которые только хронологически соответствуют нашему времени, ибо мыслят средневековыми категориями, а вот о Гердере смело можно сказать, что он — наш современник. Великий современник, хотя и жил более двухсот лет назад.

Мне думается, что приближается то счастливое время, когда и в литературе, и в других искусствах полностью найдет отражение новое мировоззрение. Не литературные произведения, а социальная, политическая революция и эволюция определяют этот процесс, но литература способствует ему.

Все в мире взаимосвязано — все культуры и литературы, если они не ставят себя вне единого мирового литературного процесса.

Я думаю, что существует общая система кровообращения всех литератур. Есть единая художническая мысль, питающая всех нас, и когда та или иная литература вы-

падает из этой единой системы, она невольно обрекает себя на самоограничение, на изоляцию от предыдущих завоеваний. И — затвердевает, канонизируется.

В общую систему культурного кровообращения включается, вероятно, не только литература, но и мифология; отрываясь от великого фольклорного начала, от первости, из которой возникла, литература неизбежно обрекает себя на бесплодное усыхание. Однако иные критики в обращении современных писателей к мифологическому наследию видят не насущную необходимость, не неизбежность, а скорее прием, чуть ли не желание во что бы то ни стало быть оригинальным.

Традиции дают нам опору. В традиции входит весь духовный опыт человечества, в том числе и народное творчество. А опора — это не прием. О приеме думаешь, когда надо, допустим, решить, с какого конца рубить бревно. Кто-то с одного, я — с другого. Или, предположим, каким образом вколачивать гвозди. Кто-то считает, что лучше обухом топора, а кто-то молотком. Со всего размаху или потихоньку. Это прием. А вовлечение мифов в творчество — это естественная человеческая потребность сконденсировать в себе весь опыт, начиная с Библии и Гильгамеша.

Конечно, мифология — это пласт, фон, на котором мы пытаемся проследить свою жизнь. Но без фона, без фундамента, без основы не будет и самой картины, самого здания.

Мы говорим о бурном расцвете латиноамериканской прозы на почве народной мифологии. Но ведь помимо мифов писателю нужна и современная высокоинтеллектуальная подготовка, чтобы в горниле своего духа переплавить сырье народного искусства, создать нечто новое, оригинальное, потрясающее нас своей мыслью и страстью.

Я не могу сказать, что мы можем полностью разделить концепцию автора «Ста лет одиночества», но этот великий роман и показывает, и доказывает, что нужно расширять традиционные представления о реализме. Если мы хотим учиться писать лучше, мы должны смело думать об этом; я понимаю, нелегко сознавать, что кто-то пишет лучше тебя, но мы должны смело перешагнуть через собственное самолюбие и сказать себе: «Давай, дорогой друг, мы еще с тобой поработаем, еще поучимся».

Я прочитал не так давно «Черного принца» Мердок. Я так никогда не писал и писать не буду — на то есть свои внутренние причины, — но я в состоянии увидеть достоинства этого произведения, тонкий, изощренный психологизм повествования, едва уловимые переливы чувств и настроений, глубочайший анализ мыслей и поступков героев, умение направить внимание, волю читателя на тот или иной предмет, погрузить его в ту или иную ситуацию, чтобы ты восхитился или ужаснулся увиденным...

Я никогда не был у нивхов, не знаком с их нравами и обычаями, но мне была доступна литература этого народа — я имею в виду прежде всего мифы, легенды, сказания, повести Владимира Санги. Кстати, сам же Владимир Санги и рассказал мне такую историю. Семилетним мальчиком он вместе со взрослыми выехал в море на охоту. Они попали в густой туман и потеряли ориентировку. По истечении двух дней, когда перестали надеяться на спасение, они увидели пролетающую птицу и взяли курс по направлению ее полета. Спустя некоторое время увидели землю. Это событие было взято мною за основу «Пегего пса...», но, как видите, все остальное полностью изменено.

— *Вы, естественно, творчески воспользовались этой рассказанной Вам историей, но пытались осмыслить житейский и этнографический материал в общечеловеческом значении...*

— Возможно и так... Истинная литература живет не день, не два, она не появляется на пустом месте. Истинная литература, хочется повторить, живет по принципу сообщающихся сосудов: многовековой опыт показывает, что, если одна литература живет изолированно от других, в стороне от мирового литературного потока, она обречена на уозость, национальную ограниченность.

Русская литература, ее язык, формы и строй мышления формировались по своим собственным, внутренним законам, отражающим формы народного бытия, но русская литература, а с нею и письменность испытывали на себе воздействие великих культур Франции, Германии, Англии, Греции; теперь она влияет на развитие мировой литературы, обогащает национальные литературы, открывая нам, писателям братских республик, выход в мировое искусство.

Говоря о книгах, нельзя не сказать о критике. Не скрою, когда-то я довольно-таки скептически смотрел на критику; сейчас, с годами, я вижу, как много она мне дает, — я имею в виду, конечно, подлинно высокую, настоящую критику, которая не идет вслед за литературным процессом, не повторяет давно известные истины, а помогает нам осознать свое творческое «я», свое место в мире, определить закономерности и тенденции в развитии мировой эстетической мысли.

Я прочитал книгу В. Кутейщиковой и Л. Осповата «Латиноамериканский роман», где наряду с анализом конкретных произведений показаны и всевозможные общественно-политические и эстетические причины, родившие латиноамериканский роман. В книге исследуется, как в синтезе мифов, публицистики, в горниле напряженной социальной борьбы возникло обостренное мировосприятие, отразившееся в латиноамериканском романе.

Многое для понимания общих закономерностей, явлений, происходящих в искусстве и общественном сознании, дают мне труды М. Бахтина, Г. Гачева, других критиков...

Но не только чтение обогащает нас.

Не так давно с группой американских писателей и критиков приезжал в Советский Союз американский публицист, редактор журнала «Сатердей ревю» Норман Казинс. Мы подружились с ним за время наших московских встреч, мы нашли общие темы для наших бесед. Попытаться вернуть человеку утраченную в результате специализации и разделения труда целостность мировосприятия, преодолеть дробность, фрагментарность, прерывистость нашего мышления — об этом шла речь.

Повторяю — не только чтение, но и — главным образом! — личные контакты имеют большое значение в работе писателя (в США, например, я встречался и беседовал с Куртом Воннегутом, в Москве, в Союзе писателей, с Уильямом Сарояном, во Фрунзе с Микеланджело Антониони...).

В таких встречах и беседах поверяешь другому свои мысли, которые приходили в свободные часы уединения, когда, сомневаясь, думал, волнуют ли они так же, как тебя, и твоих современников, твоих соотечественников, твоих зарубежных коллег...

Я дебютировал в середине 50-х годов — в периодической печати появились мои первые рассказы «Газетчик Дзюдо», «Мы идем дальше» и т. д. В первом речь шла о японском мальчике, разносчике газет, который между делом собирал подписи под Стокгольмским воззванием, во втором — о строительстве Волго-Донского канала, о применении там новой техники — земснарядов, о которых я вычитал тогда из газет. Не только конкретные реалии, что допустимо, но и сами проблемы были почерпнуты мною не из собственных жизненных впечатлений, а из книжных источников.

Такая вот «начитанность» вредит творчеству, живому общению с жизнью. Подобную «начитанность» каждый писатель должен в себе — рано или поздно — преодолеть.

Нет, это не запоздалая отповедь самому себе, не попытка как-то оправдаться. Что было, то было, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Я достаточно философски смотрю на тот ученический период своей литературной практики. Но я хочу сказать о том, какое пагубное влияние оказывает порой на неокрепший, неустоявшийся ум поверхностное усвоение прочитанного.

Если бы я впоследствии не обратился к реальной жизни с ее сложностями и противоречиями, если бы не вернулся в своем творчестве к родине, к Шекеру, к людям, которых я знаю и помню, которые были и остаются для меня духовной опорой в работе, — и здесь великий пример Михаила Шолохова, который оказал на меня благотворное, отрезвляющее воздействие, ибо я видел, как, описывая своих людей, свои хутора и станицы, он создал произведения, обогатившие мировую литературу, — я перестал бы писать. Труд литератора, если бы я продолжил в духе моих первых попыток, стал бы для меня постылой, обременительной повинностью, обузой. Я оставил бы ремесло литератора и обратился бы к более полезной деятельности. Был бы работником сельского хозяйства.

Мои последующие рассказы — «Сыпайчи», «На реке Байдамтал» — были уже ближе к жизни.

Но подлинным откровением, открытием, приближением к теме явилась для меня повесть «Лицом клицу». В ней я уже исходил из подлинных фактов жизни, хотя был и литературный, а вернее кинематографический первотол-

чок — кинокартина по Лавреневу «Сорок первый». Тогда не умозрительно, не начетнически я осознал, что значит реализм, я понял, что это та же реальная, не приукрашенная и не придуманная жизнь, но только облеченная в чудесные формы искусства. Тогда я открыл свою родину, свою землю, аил Шекер.

Каждая книга требует полной отрешенности от суетных дел, полной погруженности в тему, в систему образов — вся душа должна быть там. Иначе ничего не получится. Не знаю, но, наверное, во мне осталось испытанное некогда, еще в самом раннем детстве, благоговейное отношение к книге, к печатному слову.

Я всегда с трепетом брал в руки книгу, как нечто действительно святое. Для меня в ту пору не было плохих книг, я восхищался каждой буквой, а человек, написавший книгу, мне неизменно представлялся только таким, как Пушкин и Толстой. Увы, позднее пришлось узнать, что могут быть и плохие книги, равнодушные, написанные без искорки святости. Пусть это будет несколько наивно, но я и по сей день все же мечтаю, чтобы не было плохих книг, чтобы мы не разрушали того представления о книге и писателе, какое зарождается у человека в детстве. Наши книги, и в первую очередь книги о современности, не должны разочаровывать читателей своей художественной беспомощностью.

Много стало пишущих людей. Иногда перелистываю хронику журнала «Иностранная литература» и диву даюсь обилию романов на свете. В Испании, например, для того чтобы присудить премию за лучший роман года, жюри должно было прочитать, если я не ошибаюсь, около 150 романов. А ведь если один из них останется в памяти человечества, и то хорошо...

Много еще бытописательства, серой, бескрылой констатации жизни в книгах!

— *Какие же пути борьбы с «массовой» литературой открылись Вам теперь? Подрыв такой продукции изнутри?*

— Мне кажется, что каждый в меру сил должен заниматься своим делом. Осознать себя как личность, свои возможности, способности.

На свете немало писателей. Попросту невозможно заставить всех писать одинаково хорошо. Но я думаю, что философия, мысль — это главное.

Быт уходит, но дух остается. Дух человеческий. Это главное, и в этом плане мы должны пытаться себя проявить. Какие-то крупные философские обобщения, крупные движения человеческого духа — вот это меня больше привлекает, я думаю, и многих других писателей. Если бы, например, в Библии не было возвышенного обобщения, вряд ли сейчас она имела литературную и духовную ценность. Если бы она описывала только тогдашний быт, тогдашнюю повседневную текучую жизнь, она давно бы изжила себя, ибо быт меняется, люди меняются, обстановка меняется, а дух человеческий остается: проблемы жизни и смерти, проблемы любви и страданий, проблемы борьбы со злом. Они остаются, они вечны. Они не только вечны, они бесконечны. Сколько есть людей на свете и сколько их будет, всем хватит об этом думать, размышлять, писать.

На пути постижения человеческого духа, укрупненных философских обобщений, мне кажется, и должны и могут появляться ныне настоящие, большие, открывающие нас — книги!

— *Что Вы думаете о совместной работе писателей и организаций Общества любителей книги?*

— В последнее время налаживаются контакты между книголюбями и авторами книг, проводятся совместные встречи. Надо только думать о том, чтобы эти встречи проходили интересно, содержательно, чтобы они что-то прибавляли культуре книголюбца. Книголюб должен, насколько я думаю, отличаться от обычного читателя. Книголюб — это человек, который знает историю литературы, знает цену той или иной даже редкой книги, знает, что собой представляет книга прошедших времен, в чем ее смысл, в чем ее значение...

Беседу вел В. Левченко

Евгений Долматовский

* * *

Страна читателей! Такой
История не знала.
Люблю твой вечный непокой,
Когда тебе — все мало.

Как попадешь — от букваря
Под власть печатной силы,
Идешь, ее боготворя,
До самой до могилы.

И даже маг и чародей
Сдержать не в силах давки
На празднестве очередей
У полок книжной лавки.

Страна читателей! Я твой,
Я выращен тобою,
Склонилась русой головой
Ты над моей судьбою.

В летящем ритме поездов,
В тиши читальных залов
И в желтых окнах городов
Ты жить мне приказала.

Обложка или переплет —
Как маленькая дверца,
Приоткрывающая вход
И доступ в область сердца.

The image features a circular logo centered on a rectangular background. The background is filled with horizontal lines, with a white rectangular area in the center where the logo is placed. The logo itself is a circle with a double-line border. Inside the circle, the text "Библиотека и кинофильм" is written in a cursive script.

Библиотека и кинофильм

БИБЛИОТЕКА П. В. ГУБАРА

Около 70 лет из жизни Павла Викентьевича Губара отдано собиранию книг. Инженер-проектировщик, антиквар, издатель и коллекционер, он не был книголюбом-дилетантом. Труден был его путь к знаниям, нелегкой и дорога к старой и антикварной книге. Не один год работы на железной дороге, в том числе и на КВЖД, был за плечами, когда ему, сыну белорусского крестьянина-бедняка, удалось стать студентом Политехнического института. Еще не был закончен институт, а им овладела страсть к собиранию памятников русской культуры, преимущественно пушкинской поры. Страсть настоящая, на всю жизнь.

Искусствоведение и история живописи, книговедение и история книги, начиная с инкунабул, библиография и история литературы — вот далеко не полный перечень тех областей знаний, где Павел Викентьевич пользовался уважением искусствоведов и книговедов, коллекционеров и букинистов и был известен далеко за пределами родного города. О нем как деятеле книжного мира писали Ф. Г. Шилов и П. Н. Мартынов в своих книгах «Записки старого книжника» и «Полвека в мире книг».

С его помощью в 1918 г. огромная библиотека покойного издателя «Нового времени» А. С. Суворина, упакованная в пятьдесят больших ящиков, была передана в Публичную библиотеку и стала общенародным достоянием. После смерти известного коллекционера Н. К. Синягина он купил все его собрание. Это подтверждают экслибрисы Н. К. Синягина на многих книгах губаровской библиотеки.

Особенно повезло Губару, когда ему удалось получить карандашный рисунок Пушкина, ранее принадлежавший

издателю, литературоведу и библиографу П. А. Ефремову. На нем Кюхельбекер и Рылеев на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Первый — порывист, в руке у него пистолет, второй — спокоен, задумчив. Такими их нарисовал Пушкин в первую годовщину восстания, когда один из друзей был в заточении, а другой — казнен. Губар подарил этот рисунок Всесоюзному музею А. С. Пушкина в Ленинграде.

Павел Викентьевич и его жена Анастасия Григорьевна Ливер, преподавательница английского языка, сумели сохранить в дни блокады свои сокровища — библиотеку и собрание произведений изобразительного искусства. Как точно написал в своих «Подневных записках» директор Архива АН СССР в Ленинграде Г. А. Князев о простых ленинградцах, выстоявших в блокаду, это были «героические пассивные защитники» (имея в виду, что не видят врага и не могут нанести ему прямого урона)¹. В самом начале блокады рачительный хозяин коллекции все тщательно запаковал в мешки и прикрыл в квартире листами железа, а это оберегало и от взрывной волны и от мелких осколков. Губар глубоко верил, что дело его жизни пригодится людям после победы, и в этом видел скромный и посильный свой вклад в нее.

Не стало хозяина уникальной коллекции, но, зная волю и желание мужа, Анастасия Григорьевна решила подарить ее народу. Она повторила поступки К. А. Марцишевской и А. В. Голубовой, передавших в дар московскому Музею А. С. Пушкина библиотеки своих мужей — профессора И. Н. Розанова и писателя С. Н. Голубова. Ее дар — это не только библиотека, но и около пятисот произведений изобразительного искусства, все в подлинниках. Это гравюры и рисунки, литографии и акварели, альбомы. Музей сразу стал одним из самых крупных хранилищ изобразительных фондов среди литературных музеев страны.

Дар А. Г. Ливер — это картинная галерея и библиотека, Москва и Петербург пушкинского времени глазами художника и книжника, читателя и издателя. Прижизненные издания А. С. Пушкина, альманахи, в которых

¹ А. Адамович, Д. Гранин. Главы из блокадной книги. — «Новый мир», 1977, № 12, с. 105.

поэт печатал свои стихи и которые читал, книги его друзей, предшественников, современников и преемников. Даже внешний вид стройных рядов прекрасно сохранившихся маленьких томиков альманахов конца XVIII — первой трети XIX в. и иных форматов более поздних изданий, сверкающих золотом на корешках издательских и, в основном, владельческих переплетов, поражает глаз. Многие в строгих футлярах.

Почти во все книги вложены листочки, на которых четким почерком указаны страницы основных библиографических трудов, где описан данный том. Встречаются карандашные пометы «редка», «величайшая редкость» — итог тщательных библиографических разысканий. Владельческий каталог отображает даже особенности переплетов и обложек, надписи на книгах, автографы поэтов и писателей, оказывая неоценимую помощь при научном описании библиотеки и составлении музейных паспортов на каждую книгу.

Библиотека не так велика, в ней 484 тома, среди них около десятка конвюлютов, 264 альманаха и 220 книг, но сколько в ней редкого, редчайшего и просто уникального. 35 книг насчитывает пушкиниана, 406 изданий XIX в. и 4 рукописных сборника — вот не полный перечень основных ее разделов. Более 35 альманахов нет в богатейшем собрании Н. П. Смирнова-Сокольского. Среди рукописных сборников — один с юношескими стихами редактора «Собрания упражнений воспитанников II класса училища правоведения» А. М. Жемчужникова. Автор не включал их в собрание своих произведений, хотя и писал об их существовании в предисловии к первому изданию своих стихотворений 1892 г.²

На каждой книге — один из четырех экслибрисов Губара. Они тоже выражают дух его коллекции. На двух из них — в проеме окна в разном обрамлении книги, а на корешках дорогие имена: Пушкин, Гоголь... Один из экслибрисов особо поэтичен. На стопке книг сова — символ мудрости. Рядом сидит девушка в платье фасона начала XX в. Одиссея поисков книг и бескорыстного собирательства началась в 1910 г., когда молодому книгочею было всего 25 лет.

² См.: А. М. Жемчужников. Стихотворения. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1, Спб., 1898, с. XII, XIV.

Гордость любой книжной коллекции — издания XVIII в. У Губара их 30: 17 книг и 13 альманахов и сборников. История приобретения почти всех — это десятилетия неутомимых поисков и редкие минуты радости. Удивительное чутье коллекционера и глубокие знания антикварной книги приводили к успеху. Постепенно пополнялся домашний музей книжных раритетов. Здесь и первое издание 1770 г. «Пригожей поварихи» М. Д. Чулкова, и написанный в Бастилии «Мемориал графа Калиостро против господина прокурора». Под этим названием он был издан в Москве в 1786 г., в один год с петербургским «Оправданием графа де Калиостро». Оба — перевод одной книги выдававшего себя за графа Алессандро Калиостро авантюриста Джузепе Бальзамо. Перевод едкой сатиры французского писателя-моралиста Л. А. Карачоли на потерявших чувство меры модниц отпечатан в типографии Н. И. Новикова в 1789 г. Тут же у Губара «История роз» Шарля Мало на французском языке, украшенная 12 картинками в цвете художника П. Бесса. Книга представляет антологию стихотворений о розах вместе с ботаническим описанием бесчисленных разновидностей этих цветов.

Крепостной литератор и библиотекарь графа П. Б. Шереметева Василий Григорьевич Вороблевский известен как переводчик пьес и опер для графского театра в Кускове. Печатались они в очень ограниченном количестве и раздавались родным и знакомым графа. В коллекции Губара есть составленное Вороблевским «Описание путешествия... цесаревича и вел. князя Павла Петровича в Берлин и обратного его прибытия в Санкт-Петербург в 1776 году».

Только две крупнейшие библиотеки страны — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина и библиотека Академии наук в Ленинграде — располагают издательским конволютом Ивана Голеневского 1779 г. Экземпляр Губара сохранил немую издательскую обложку, защищенную полукожаным владельческим переплетом. Книга состоит из сборника стихотворений Голеневского «Дар обществу» и «Сборника сочинений с переводами». Последний выходил двумя годами раньше, но был переиздан плодовитым одописцем и переводчиком.

На одной из книг две карандашные пометы: «редка» и «1780». Это анонимные, «написанные от некоторой женщины», «Должности женского полу, по требованию знатного господина...». Оригинал на немецком языке, первое издание перевода, напечатанное в 1760 г. в типографии Московского университета, ныне отсутствует в библиотеке МГУ³. Нет его и в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского. На титуле не указан год издания, что объясняет ошибочную владельческую датировку. Впервые объявление о продаже появилось в «Московских ведомостях» 26 декабря 1760 г.

Книга состоит из 24 главок с афористичными наставлениями девушкам и женщинам как вести себя дома и в обществе, как относиться к наукам, блюсти честь, жить в браке и выбирать друзей и подруг. В годы, когда в России на престоле были женщины, здесь провозглашалось: «Жена!... Не мешайся в государственные дела... Искусство политического правления так сокровенно, как ключ на дне глубочайшего кладезя»⁴. Круг интересов, допустимых и приличных рядовой дворянке, расписан подробно и без всяких послаблений.

Сама императрица, «Тартюф в юбке и в короне»⁵, как справедливо назвал Екатерину II Пушкин, за 12 лет до запрещения масонских организаций решила осудить их в печати. Но сделать это открыто не посмела, заботясь о своей либеральной репутации среди просветителей Запада, и пошла на литературно-политическую мистификацию. Она написала памфлет на масонов по-французски, а ее статс-секретарь А. В. Храбровицкий перевел на русский эту сатиру мало осведомленного в делах и обрядах масонов автора, начинавшего побаиваться их «бредоумствований» и связей с врагами императрицы внутри и вне страны. Титул сознательно вводил читателя в заблуждение: «Тайна противо-нелепого общества (Anti-absur-

³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати 1725—1800. Т. 1. М., 1962, с. 306, № 1959.

⁴ Должности женского полу, по требованию знатного господина... М., (1760), с. 14.

⁵ А. С. Пушкин. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. М., «Худож. лит.», 1976, с. 165. В дальнейшем, кроме особо оговоренных мест, ссылки даются по этому изданию в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

de), открытая не причастным к оному. Переведено с французского языка. С фигурами. 1759». На всякий случай Екатерина II отодвинула на 21 год назад, в царствование Елизаветы Петровны, дату выхода книги.

При появлении «Тайны» трудно было предположить, что пройдет всего 13 лет и по приказу ее автора в Москве 11 февраля 1793 г. запыхает костер из 18 656 книг⁶, конфискованных после ареста Новикова в его типографии и книжных магазинах первопрестольной. А самоотверженного просветителя объявят организатором заговора, агентом иностранных держав и приговорят к 15 годам тюрьмы. Путь к позорному книжному аутодафе начался с «Тайны», стыдливо изданной анонимно.

Именно ее из всего обширного литературного наследия коронованной писательницы приобрел для своей коллекции Губар. Тому были и чисто библиофильские причины. «Тайна» знаменательна в истории русской миниатюрной книги. Ее формат во владельческом кожаном переплете с золотым тиснением чуть больше принятого у нас предела миниатюрных книг — 100 × 100 мм — и составляет 103 × 80 мм, а напечатана она была в 16-ю долю листа. «Тайна» появилась на 8 лет раньше первой подлинно миниатюрной книги «Искусство быть забавным в беседах» (1788 г., размер 60 × 75 мм, напечатана в 64-ю долю листа). Размеры «Тайны» делали ее событием в русской полиграфии, привлекая внимание высокой культурой издательского оформления, изящным видом. Формат тоже маскировал авторство самодержицы, так как все подписанные ею сочинения издавались книгами более крупного формата.

Несколько книг XVIII в. в собрании Губара очень большого формата — в половину листа. Одна из них с пометой на вкладном листе «очень редкое издание» и размером 400 × 270 мм — сочинение адъюнкта академии наук Христиана Крузиуса «Описание обоих триумфальных ворот, поставленных в честь... имп. Елизаветы Первой...» в Петербурге для ее встречи после возвращения из Москвы с коронации в 1742 г. На 18 страницах воспроизведены многочисленные надписи и описаны 56 эмблематических картин, украшавших одни ворота, и 48 — другие. Такого же

⁶ См.: М. И. Пыляев. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Спб., 1891, с. 80. Книга также есть в коллекции Губара.

размера и витиеватое приветствие адвоката и прусского надворного фискала Иоганна Лестока в связи с той же коронацией «натуральной имперской наследницы».

Автор «милорда глупого», который у Губара представлен 6-м изданием 1829 г., выпустил последнюю книгу в 1791 г. Это были «Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей Матвеем Комаровым». Здесь сказки и притчи, песни и басни, стихотворения и статьи, медицинские советы и хозяйственные наставления, словарь иностранных слов и «толк оных на русском языке», «Послание к слугам моим» Д. И. Фонвизина и первое произведение Комарова «Письмо к князю Хованскому». Книга у Губара во владельческом переплете и прекрасно сохранилась.

Среди изданий XVIII в. особо ценен небольшой томик в немой издательской обложке с акварельными рисунками гирлянд. Это первый русский прозаический перевод написанной гекзаметром поэмы «Весна» Эвальда Христиана Клейста. Напечатан в Москве в 1792 г. Поэма-идиллия namного пережила автора, человека трудной судьбы. Друг Лессинга, он вынужден был служить в прусской армии и в 45 лет умер от смертельных ран. Поэта хоронили с воинскими почестями. Сам он призывал в своей поэме перековать мечи на орала и отказаться от войн. Мысли пушкинского Алеко, осуждающего «неволю душных городов» (III, 146), очень близки пафосу «Весны» Клейста, заклинавшего людей удалиться «от зараженного воздуха, объемлющего ваши города»⁷.

Издание 1792 г. очень редкое. Его не удалось разыскать Н. П. Смирнову-Сокольскому, нет его и в фондах библиотеки МГУ, как свидетельствует «Сводный каталог» русской книги XVIII в. Тем дороже губаровский экземпляр, полностью сохранивший не только текст поэмы, но и «присовокупление» — биографию «сего славного стихотворца и храброго воина», как сказано на титульном листе.

Не забыли Клейста и русские альманахи пушкинского времени. Его стихи печатались в «Астраханской флоре» 1827 г. и в «Досугах Марса» 1834 г. В Астрахани были люди, переводившие Шиллера и Клейста, но не было типо-

⁷ Э. Х. Клейст. Весна. М., 1792, с. 26.

графщиков, поэтому набирали «Флору» в Петербурге в смирдинской типографии. В столичной типографии печатали и «Досуги Марса», хотя это тоже провинциальный альманах. Его авторы — офицеры полка, расквартированного в Старом Осколе. Все подписи — или инициалы, или псевдоинициалы, или псевдонимы — из одной буквы. Неизвестный офицер, скрывавшийся под псевдонимом В..., кроме стихов Клейста перевел его «Жизнеописание» более подробно, чем в издании 1792 г., и с упоминанием о «Весне». Губаровское собрание помогает еще раз прочитать первые страницы истории русского Клейста.

2

Пушкиниана Губара — это прежде всего прижизненные издания поэта, скромные и строгие с виду. Их 23. Большинство во владельческих полукожаных и кожаных переплетах, пять в кожаных переплетах «Во», очень редко встречается золотой обрез, сделанный по заказу позднейшего владельца. Самые дорогие сохранили мягкую издательскую обложку и обернуты хозяином в папиросную бумагу. Это четыре книги первого издания (III, IV—V, VI и VII главы) «Евгения Онегина». Просты и изящны наборные рамки. Одинаковый орнамент без малейших усиленных и вычурностей по углам подчеркивает неброскую красоту и спокойную сдержанность одного из лучших и типичных изданий 20-х гг. XIX в. Строг и художественно обоснован отбор текста на обложке. Название без имени автора говорит само за себя, указаны только номер главы, место издания и год. Именно с третьей главы обычная цензорская подпись была заменена грифом «С дозволения правительства», что отражало коварную «милость» царя, ставшего высочайшим цензором поэта.

Экземпляры III, IV—V глав «Онегина» дороги еще и тем, что владельческие надписи на них позволяют воссоздать необычную судьбу этих книг-тетрадошек за 150 лет их жизни. На каждой одной и той же рукой написано карандашом: «Подарено мне В. М. Юзефовичем 16 сент. 88 г. в Петербурге» и имеется ярлык букиниста В. И. Клочкова. Юзефович был сыном М. В. Юзефовича, штабс-ротмистра Чугуевского уланского полка. 27 июня 1829 г.

он вместе с Пушкиным принимал участие в штурме Арзрума, о чем лаконично сказано в 4 главе «Путешествия в Арзрум»: «Я приехал туда вместе с поэтом Юзефовичем» (V, 382). В 1880 г. М. В. Юзефович, поэт и известный археолог и археограф, напишет воспоминания о встречах и беседах с Пушкиным во время их полуторамесячного знакомства в действующей армии в 1829 г. Именно Михаилу Юзефовичу Пушкин рассказал о первоначальном замысле «Онегина», по которому герой должен был или стать декабристом или погибнуть на Кавказе. Губаровские экземпляры трех глав «Онегина» принадлежали сначала Михаилу Владимировичу, затем перешли к сыну, а тот подарил их в 1888 г., за пять лет до своей смерти, неизвестному лицу. Потом книги попали к букинисту Ключкову, от него к Губару, и, наконец, шестым и вечным их владельцем и хранителем стал Музей А. С. Пушкина в Москве.

Сохранность всех четырех экземпляров исключительная. Не одни Юзефовичи берегли, как дорогую реликвию, первые издания онегинских глав. Минувя букиниста, попали к Губару VI и VII главы. И только первое издание первой главы оказалось книгой с нелегкой владельческой биографией. На нем нет издательской обложки, титул и форзац разрисованы детскими каракулями. Но для Губара, как и для нас, это все равно огромная ценность, одновременно и горький документ легкомысленного читательского отношения к пушкинским первоизданиям.

В коллекции 19 первых изданий отдельных произведений и сборников стихотворений, повестей и поэм. Открывает собрание первенцев «Руслан и Людмила» 1820 г., в дорогом кожаном владельческом переплете с золотым тиснением и золотым обрезом. В книгу вклеены портрет автора и печатные сведения о дате выхода поэмы в свет. За портретом следуют гравированные М. Ивановым рисунки И. Иванова со сценами из «Руслана и Людмилы» и монограммой А. О. — Алексей Оленин, что еще раз подтверждает его работу над фронтисписом. К появлению поэмы в продаже фронтиспис не был готов, и его позднее раздавали покупателям. Губаровский экземпляр с фронтисписом особо ценен — ведь такие книги уже давно стали большой редкостью на антикварном рынке.

Интересны владельческие надписи на первом издании «Бориса Годунова», этого любимого детища автора, вы-

нужденного из-за грубого вмешательства цензора 5 лет ждать удобного момента, чтобы добиться разрешения печатать «Бориса» в «первобытной красоте» (IX, 311). Только предстоящая женитьба поэта и смелое письмо, посланное через Бенкендорфа царю, сыграли свою роль в судьбе рукописи. Николай I соизволил сделать подарок невесте поэта — дал согласие печатать непеределанного по его высочайшим «указаниям» «Годунова» за «личной ответственностью» автора, чтобы поправить денежные дела жениха.

На титуле две записи на немецком языке. «Подарок Януария Неверова. Берлин, 1839» и внизу «Varnhagen». Экземпляр Карла Августа Варнгагена фон Энзе. Приехав в Берлин в 1837 г., друг Станкевича и Тургенева Януарий Михайлович Неверов сблизился с Варнгагеном, учил его русскому языку, снабжал русскими книгами, знакомил с русской литературой, дарил сочинения Пушкина. Варнгаген первым в немецкой критике писал об авторе «Бориса Годунова» как о великом национальном поэте-реалисте.

До появления трагедии в печати известный гравер и литограф С. Ф. Галактионов в иллюстрациях к «Невскому альманаху на 1828 год» поместил гравюру «Пимен и Григорий». Здесь же как пояснение к ней был опубликован отрывок из сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». Еще в двух альманахах («Северные цветы» на 1828 г. и «Денница» на 1830 г.) появились небольшие куски из трагедии. Все эти альманахи в прекрасной сохранности есть у Губара, подтверждая трудный путь трагедии к русскому читателю конца 20-х — начала 30-х гг. XIX в.

Не более двухсот экземпляров «Повестей, изданных Александром Пушкиным» в 1834 г. было продано, хотя здесь впервые после журнальной публикации была напечатана ставшая сразу модной «Пиковая дама». Остальные экземпляры этого издания были сожжены после гибели поэта, чтобы не мешали распродаже первого посмертного собрания сочинений. Так «Повести» 1834 г. стали очень редки, но Губару удалось достать и этот томик в добротном владельческом полукожаном переплете.

Вереницу пушкинских первенцев завершает редчайший экземпляр сплетенных вместе двух частей «Поэм и повестей» 1835 г. В антикварных каталогах они встреча-

ются с пометой «редкое, зачитанное издание». Книга, приобретенная Губаром, подтверждает это замечание. В первой части утрачены шмуцтитул, титул и портрет Пушкина, гравированный Уткиным. Титульный лист восстановлен на машинке, зато ко второй части добавлена рукописная копия «Разговора книгопродавца с поэтом».

Летучим изданием 1831 г. были стихотворения А. Пушкина и В. Жуковского «На взятие Варшавы». Именно это сделало их большой редкостью на книжном рынке уже в прошлом веке, но Губар раздобыл даже два экземпляра. Один в темно-зеленом кожаном переплете с золотым тиснением и золотым обрезом, а второй в конволюте со «Сборником на 1838 год», изданным поэтом-сатириком А. Ф. Воейковым и составленным из произведений, подаренных ему литераторами в связи с открытием его типографии.

Шедевром типографского искусства было третье глазуновское издание «Евгения Онегина», набранное четким мелким шрифтом диамантом и распроданное после гибели поэта за три дня. А тираж его был самым большим из прижизненных изданий — 5000 экземпляров. В первом томе библиографического указателя «Миниатюрные книги СССР», посвященном дореволюционным изданиям, оно значится под номером 167, и размеры книги указаны как 65 × 93 мм. Экземпляр из библиотеки И. Н. Розанова имеет формат 100 × 60 мм⁸, а у Н. П. Смирнова-Сокольского в подробном описании внешнего вида книги указан размер 10,5 × 6,5 см, обрез⁹. У Губара есть два экземпляра в переплете «Во», один — в полукожаном, другой — в кожаном, и оба больше миниатюрного стандарта: первый 105 × 66, второй — 108 × 67. Экземпляры Губара и Смирнова-Сокольского убеждают, что при оценке старой книги по внешним данным без учета того, имеем ли мы дело с издательским форматом или форматом реального экземпляра, уменьшенного в результате владельческих заказных переплетов, можно легко допустить ошибку при определении: малоформатная это книга или миниатюрная.

⁸ См.: И. Н. Розанов. О редкой книге. (По материалам личной библиотеки автора). — В сб.: Книга. Исследования и материалы, сб. I. М., 1959, с. 291.

⁹ Н. П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 387.

Иногда дело и в типографском браке, когда неправильная обрезка блока превышает нормы предельных отклонений (1 мм) и делает книгу или «зарезанной», или увеличенной, что происходит нередко, как справедливо отметил знаток миниатюрных изданий П. Почтовик¹⁰. По-видимому, сам эмпирически принятый и традиционный критерий миниатюрности — 100×100 мм — особенно в отношении к старой книге, нуждается в уточнении. Надо учитывать размер самого текста, независимый ни от типографского брака, ни от уменьшений формата в результате заказа повторных переплетов.

Удивительно, что Губару очень редкие книги удавалось (и не раз) находить в двух экземплярах, тогда как и один мог быть гордостью любого библиофила-коллекционера. Дублеты таких изданий он не обменивал, а оставлял у себя, что странно на первый взгляд, но закономерно для собирателя раритетов, для которого редкие книги-близнецы — не средство обмена, не роскошь, а желанная и неотъемлемая особенность коллекции.

У «Графа Нулина» вдвойне необычная биография. Написан он был за два утра, закончен в день восстания декабристов. После публикации в «Северных цветах» на 1828 г. отпечатанный «Нулин» стал частью конволюта «Две повести в стихах» (СПб., 1828) вместе с «Балом» Баратынского. Губаровский экземпляр «Двух повестей» сохранил все три титула и издательскую обложку, прикрытую полукожаным переплетом работы А. Шнель. А сами повести, как свидетельствует владельческая надпись, в 1849 г. были подарены некоей «милой и любезной маменькой», затем принадлежали Н. К. Синягину и через антиквара В. И. Ключкова достались Павлу Викентьевичу.

Не часто удается найти Пушкина рукописного. Губар разыскал принадлежавший неизвестному нам современнику поэта Луцкому переплетенный, и даже с портретом работы Е. Гейтмана, список «Евгения Онегина». Всего за 13 дней, в мае 1832 г., еще до выхода первого полного издания романа его переписали в Боровичах. Здесь опущены эпиграфы к главам, нет нумерации строф, есть отступле-

¹⁰ См.: П. Почтовик. Мини-издания как они есть. — «Книжное обозрение», 1977, № 48, 2 декабря, с. 15.

ния от печатного текста. Список расширяет наше представление о читателе-современнике поэта, опережавшем печатный станок и спешившем через несколько месяцев после выхода отдельного издания последней главы иметь полный текст романа.

Посмертных изданий у Губара немного, всего семь, но они очень редкие. Вот третье «полное народное» издание «Стихотворений А. С. Пушкина», увидевшее свет в конце века в Лейпциге. Здесь звездочкой помечены запрещенные в России, спустя полвека после смерти поэта, стихи. Издал их Вольфганг Гергард, который уже не раз доставлял неприятности царской цензуре. В 1859 г. он перепечатал запрещенное первое издание «Стихотворений Н. Некрасова», и poeta заставляли писать протест против распространения в России лейпцигского издания его стихотворений. Но Некрасов хранил в своей библиотеке экземпляр книги и внес еще в него непропущенные цензурой строки. Этот экземпляр находится теперь в Музее А. С. Пушкина — в библиотеке И. Н. Розанова.

Первое издание пушкинских стихотворений Гергард осуществил в год падения крепостного права. В музей оно попало через сто с лишним лет и также хранится в уникальной библиотеке русской поэзии И. Н. Розанова. Третье издание в полукожаном переплете с тиснением на корешке и с полностью сохраненной издательской обложкой поступило в музей в собрании П. В. Губара, что дает теперь нам возможность воссоздать историю гергардовских изданий и впервые показать их москвичам и гостям столицы в доме поэта на Кропоткинской.

Уникален экземпляр «Незабудок украинца» Е. Ф. Дашковского, напечатанных в Петербурге в 1845 г. Помимо стихов автора на польском языке, тут переводы «Цыган», «Братьев-разбойников» и «Бахчисарайского фонтана»; текст украшен литографиями и виньетками. Очень трудно найти изданных в 1933 г. «Фавна и пастушку» Пушкина. Тираж — 495 нумерованных экземпляров. 16 страниц текста предназначались, как сказано на титульном листе, «для светотеатрального исполнения». Напечатаны «Фавн и пастушка» по распоряжению ленинградской Лаборатории искусства света и цвета. Так неожиданно юношеское стихотворение Пушкина оказалось в поле зрения энтузиастов цветомузыки и удостоилось

отдельного издания для специалистов, занятых поиском синтеза искусств. Частично это стихотворение впервые увидело свет без ведома автора в 1827 г. в альманахе «Памятник отечественных муз» Бориса Федорова. Пушкин в связи с делом о «Гавриилиаде» отрекался от этого фривольного стихотворения, называл его «идиллической нелепостью», а автором указывал то камердинера, то переписчика стихов Владимира Панаева, эпигона сентиментализма. Губар собрал и первую публикацию «Фавна» и издание 1933 г. с раскрашенными от руки иллюстрациями.

Знатор-собираатель Губар включил в свою пушкиниану широко известную в 1860-е гг. пародию-подражание пушкинскому роману в стихах — первое издание минаевского «Евгения Онегина» 1866 г. Книга имела подзаголовок «Роман в стихах. Сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком» и была полемически направлена против Писарева и его трактовки образа Базарова. В конце Д. Д. Минаев, глубоко любивший Пушкина, счел долгом извиниться, что «классический роман... перекроил по новой мерке и перешил на новый лад»¹¹. Его подлинные чувства к Пушкину точно передают стихи, написанные в связи с открытием памятника поэту в Москве в 1880 г. и названные «С неевского берега»:

Он — гордость лучшая Невы.
Нет, не уступим мы поэта:
Он наш не менее Москвы!

Это стихотворение есть в губаровской пушкиниане. Оно перепечатано в юбилейном сборнике «Русские поэты о Пушкине», составленном литературоведом и библиографом В. В. Каллашом и изданном к столетию со дня рождения поэта.

Русскую книжную пушкиниану в коллекции Губара дополняют переводы 19 стихотворений поэта на английский язык, принадлежащие перу Анны Абаменек-Баратынской, подписывавшейся псевдонимом «A russian lady». Впервые Пушкин видел Абаменек двухлетним ребенком, когда ее привозили в лицей. В 1832 г. он написал ей в

¹¹ Д. Д. Минаев. Евгений Онегин. Роман в стихах. Сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком. Спб., 1866, с. 56.

альбом стихи, где вспоминал «дивное дитя», а свое поклонение красавице-княжне выразил словами:

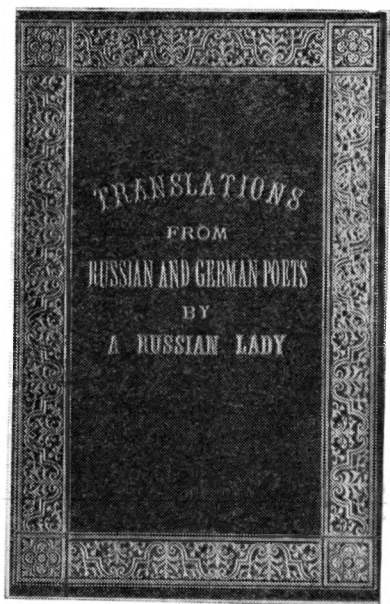
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Пережив поэта на 52 года, Анна Давыдовна гордилась тем, что знала Пушкина и его окружение, и охотно помогала Я. К. Гроту при сборе данных для полного критического издания сочинений Пушкина. Она — третий переводчик Пушкина на английский язык. Ее переводы любовной и философской лирики поэта высоко профессиональны. Среди них «Я помню чудное мгновенье», «Телега жизни», «Дар напрасный, дар случайный», «Поэт», «19 октября 1827 года». Последним в книге помещен перевод посвященного ей стихотворения под скромным заглавием «К...». У Губара эти переводы в издании 1882 г. Книга в роскошном кожаном владельческом переплете с красивым орнаментом-рамкой на обложках, золотым тиснением и обрезом.

На титуле указано, что это второе издание.

На самом деле это было третье, так как первое ошибочно называлось «Переводами из русских поэтов», тогда как там были и стихотворения Ф. Фрейлиграта в ее переводе.

Музей А. С. Пушкина не располагал изданием 1882 г., и это наиболее полное и интересное издание «Переводов из русских и немецких поэтов» А. Д. Абамелек-Баратынской восполняет важную лакуну в музейной пушкиниане.

*Обложка книги переводов
А. Абамелек-Баратынской*

Поэтическую книжную пушкиниану расширяют и дополняют альманахи и сборники. Собраны почти все из 45¹², где печатались стихи поэта при его жизни. Во многих случаях это были первые публикации отдельных стихотворений и поэм. У неутомимого собирателя в коллекции подобрано 39 таких альманахов и сборников. Здесь все 8 выпусков «Северных цветов» Дельвига, включая последний, изданный Пушкиным после смерти друга. Особенно редки экземпляры альманаха на 1828 г. с портретом Пушкина работы О. Кипренского, гравированным Н. Уткиным. Этот альманах представлен у Губара в двух экземплярах, оба с портретом. Один из экземпляров уникальный. Его подарил Дельвиг писателю В. Ф. Одоевскому с автографом: «Милому князю В. Ф. Одоевскому от Дельвига». Второй принадлежит к числу подносных экземпляров в нарядной белой твердой обложке, а изготовлялись они в крайне малом числе. Удалось Губару найти и обе книжки этого альманаха, перепечатанные издателем «Русского архива» П. И. Бартеневым в 1881 г.

Полностью подобран «Невский альманах» с первыми шестью иллюстрациями А. Нотбека к «Евгению Онегину» и четырьмя гравюрами С. Галактионова к «Бахчисарайскому фонтану». Из других губаровских альманахов с пушкинскими текстами назовем оба выпуска (1833 и 1834 гг.) «Новоселья» с «Домиком в Коломне» с гравюрой А. П. Брюллова «Кухарка бреется» и с «Анджелю», «Царское село» с «Зимним утром», «Уранию» на 1826 г. с «Дружбой» и «Движением», «Альбом северных муз» с «Талисманом», «Подснежник» Дельвига 1829 г. с двумя стихотворениями Пушкина и «Альциону» на 1832 г. с «Пиром во время чумы» и двустушием «На перевод Илиады».

Альманахи и сборники того времени, по справедливому замечанию Пушкина, «сделались представителями нашей словесности». «По ним, — писал он, — со временем станут судить о ее движении и успехах» (VI, 239). Но судить по ним можно не только об успехах российской словесности, но и о подлинной истории русской критики, о

¹² В это число не включены песенники, где, как правило, не было первых публикаций.

честных и нечестных приемах полемики, о литературной борьбе, принимавшей порой причудливые и недостойные формы. Наконец, именно альманахам обязана история нашей литературы появлению в печати мнимого Пушкина.

Несправедливая критика журнальных и альманашных зоилов отравляла поэту жизнь, начиная с выхода «Руслана и Людмилы». Однажды она была первым «приветствием любезного отечества» (V, 391). После поездки в Арзрум так недружественно его встретил на обратном пути первый русский журнал, увиденный им. Но журналисты и издатели преподносили Пушкину и более горькие сюрпризы. Особенно беспардонным среди них был второстепенный поэт и издатель трех альманахов — «Майского листка» (1824), «Сириуса» (1826) и «Северной звезды» (1829) — Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин.

Этот беспринципный человек и пьяница был однофамильцем и тезкой декабриста Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. Глубоко возмущаясь развязным и наглым поведением однофамильца казненного декабриста, Пушкин никогда не называл полностью фамилию этого лавочника от литературы. В «Собрании насекомых» адресаты эпиграмм не названы, а обозначены звездочками по числу слогов в фамилии, М. А. Бестужева-Рюмина Пушкин удостоил двух звездочек (Рюмин) и едко назвал «черной мурашкой». Перепечатывая «Собрание» в «Литературной газете» Дельвига, поэт предостерегающе обещал напечатать его в скором времени с «примечаниями и биографическими объяснениями». В памфлете «Альманашник», написанном в 1830 г., Пушкин уже прямо называл Рюмина Бесстыдиным и раскрывал технологию лжи, с помощью которой тот «собирал» материалы для своего альманаха. Бесстыдин поучал начинающего коллегу: «Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В.¹³ Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам стихотворения» (VI, 277). Здесь Пушкин не только не преувеличил жульнические трюки Бесстыдина-Бестужева, но (надеясь опубликовать свой памф-

¹³ А. П. — Александр Пушкин, Е. Б. — Евгений Баратынский, К. П. В. — князь Петр Вяземский.

лет) умолчал, что уже в «Майском листке» издатель пошел на подлог, равносильный доносу на ссыльного поэта.

Все стихотворения и эпиграммы в альманахе подписаны разными псевдонимами. В предисловии оговорено, что на то получено согласие всех авторов, а стихов издателя в «Майском листке» нет. На самом деле это была грубая мистификация, т. к. автором всех или почти всех 17 произведений был М. А. Бестужев-Рюмин, не постеснявшийся не только обмануть публику, но и бросить камень в только что вышедший в Москве «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. Издатель «Майского листка» уверял, что неспособен на «небольшую типографическую хитрость»¹⁴, на которую по настоянию автора пошел Вяземский, поместив в первом издании «Фонтана» помимо предисловия отрывок из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола. «Хитрость» же Бестужева была далеко не безобидной и давала повод правительству сделать соответствующие выводы по отношению к Пушкину. Чтобы придать альманаху прелесть полузапретного «весеннего подарка любительницам и любителям отечественной поэзии», он публикует на первой странице без ведома Пушкина 14 строк из ходившей по рукам «Деревни» с прозрачной подписью «П». Как стихи широко известные он их ставит эпиграфом к своей слабой элегии «Возвращение на родину».

Через два года в «Сириусе» он снова воспользовался этим эпиграфом. Первая половина «Деревни» под названием «Уединение» уже была напечатана в первом издании «Стихотворений» Пушкина. Прodelка с подписью «П» потеряла смысл, но Бестужев находит новый, и не менее беззастенчивый, способ присвоения пушкинских строк. Он вообще снимает подпись и печатает эпиграф тем же шрифтом, что и «Возвращение», отделив его лишь черточкой-астериском, пытаясь тем самым создать у не очень сведущего читателя впечатление, что это одно стихотворение. «Сириус» не был альманахом одного автора. Многие свои стихотворения издатель подписывал полной фамилией или псевдонимом Б-в-Р-н, но под «Возвращением» он на всякий случай оставил старый псевдоним «-ин» и в предисловии утверждал, что плохая отделка слога — важный, но простительный недостаток «в сем первом опыте»,

¹⁴ «Майский листок», Спб., 1824, с. XVI.

чтобы у читателя не было желания сравнивать его стихи с публикацией их в первом альманахе.

Открывает «Сириус» «Следствие комедии Горе от ума» в пяти письмах, и снова издатель демонстрирует полное неуважение к литературной собственности Пушкина и Грибоедова. По остроумному замечанию рецензента «Московского телеграфа», «хуже всего, что комедии в печати еще нет, а следствия уже тут, как тут...»¹⁵. Отваживаясь пересказывать и «дополнять» комедию Грибоедова, Бестужев не удержался от того, чтобы «оживить» свое прозаическое «следствие». В четвертое письмо, приписанное Чацкому, он помещает четверостишие из пушкинского послания «К Чаадаеву»:

Нетерпеливою душой
Я жду, с томленьем упованья,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.¹⁶

И снова прямо указывает, что «в сих прекрасных стихах П. заменен заветный стих»¹⁷.

Окончательно распоясавшись Бесстыдин-Бестужев в своем последнем альманахе «Северная звезда». Само название, напоминая о «Полярной звезде» декабристов Бестужева и Рылеева, было не актом гражданского мужества издателя, а свидетельством его неистребимого желания заработать политический капитал и разрекламировать свой альманах. В целях маскировки он высмеивает в критическом отделе манеру присваивать чужое, что «не только грешно, но и смешно»¹⁸, а в предисловии благодарит г. Ан(опуте), т. е. Пушкина, якобы приславшего 13 пьес, «из коих несколько помещено в сей книжке»¹⁹. На самом деле Пушкин пытался защитить свое имя от посягательств издателя-грабителя, заранее распустившего слухи, что Пушкин будет в числе авторов альманаха. Обращение Пушкина в цензуру с просьбой защитить его от Бестужева имело следствием только то, что обычную букву «П» издатель заменил в подписях на «Ап».

¹⁵ «Московский телеграф», 1827, ч. 13, с. 153.

¹⁶ «Сириус», Спб., 1826, с. 31.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Северная звезда», Спб., 1829, с. 276.

¹⁹ Там же, с. VI.

Под заголовком «К NN» впервые почти полностью, но со многими искажениями напечатано послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»). Опущен конец, начиная со слов «Товарищ, верь». Произвольные замены во многом обесмысливали пушкинские строки. Стихи

Нетерпеливою душой
Мы ждем с томленьем упования
Подруги, сердцу дорогой,
Как ждет любовник молодой
Минуты тайного свиданья²⁰

звучали как простая тавтология, делали непонятным упоминание об отчизне в конце и придавали интимный характер одному из лучших гражданских стихотворений поэта.

Подпись «Ап» стоит под семью стихотворениями, но пушкинских из них только шесть. Занимаясь литературным воровством, альманашик шел на двойное мошенничество, ставя одну подпись под стихами и Пушкина и Вяземского, одновременно «подчищая» неудобные для цензуры пушкинские строки. Последнее было тонко рассчитано издателем «Северной звезды» и не дало возможности Пушкину опубликовать написанный протест. Выступая как литературный критик, издатель под именем Аристарха Заветного позволял себе утверждать, что в «Онегине» есть строки, на которые не способен даже человек в бреду, а «Северные цветы» Дельвига стали не столь «ароматны... в сравнении с прежними»²¹.

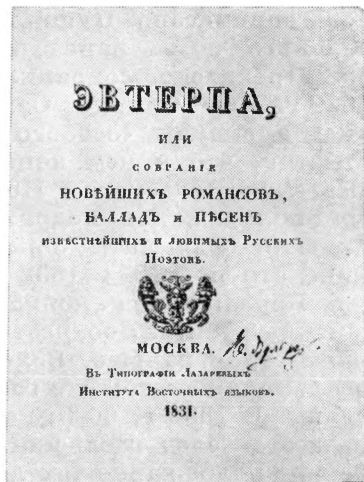
Все альманахи этого изворотливого журналиста есть в собрании Губара. «Северная звезда» принадлежала даже пушкинисту П. Е. Щеголеву, о чем свидетельствует его автограф. «Сириус» сохранил мягкую издательскую обложку, украшенную рамкой со стилизованным орнаментом, надежно защищенную полукожаным переплетом с золотым тиснением на корешке и инициалами неизвестного владельца Е. П.

Не один М. А. Бестужев-Рюмин приложил руку к публикациям стихов мнимого Пушкина. Первый среди альманашных дел мастеров такого рода, он не был, к сожалению, последним. Не раз еще Пушкин видел свою

²⁰ «Северная звезда». Спб., 1829, с. 50.

²¹ Там же, с. 279.

подпись под чужими стихами и в альманахах и в песенниках. Библиотека Губара наглядно подтверждает это. Вот «Эвтерпа» на 1831 г., полуальманах-полупесенник. На форзаце владельческая дворянская печать на немецком языке «Собственность В. Вульф». На титуле владельческая надпись орешковыми чернилами по-русски «Е. Вульф» и сделанный той же рукой на полях первых трех стихотворений, начиная с «Зимнего вечера» Пушкина, немецкий перевод отдельных слов. Снова редкий и дорогой для нас томик. Е. Вульф — это Вульф Евпраксия Николаевна, «Зизи, кристалл души моей», как называл ее Пушкин в посвященных ей строках «Онегина». Вскоре после выхода «Эвтерпы» она вышла замуж за барона Б. А. Вревского. Пушкин дарил ей с автографами главы «Онегина» и первое полное издание романа 1833 г. Любя ее, как брат, открыл он ей свое сердце перед роковой дуэлью. Тем дороже для нас ее маргиналии в томике «Эвтерпы». Потом альманах она подарила брату Валериану Вульфу, всего на пять лет пережившему Пушкина.

*Титульный лист альманаха
«Эвтерпа» (1831)*

Сам «подарок любителям и любительницам пения», помимо 8 произведений Пушкина, таит два чужих, подписанных его именем. Одно — «Свадьба» («Не невеста с женихом») С. П. Шевырева, а другое — «Я пал пред алтарем прекрасной» неизвестного автора. Кроме того, Денису Давыдову приписаны пушкинские «Усы» («Глаза скосив на ус кудрявый»). Издатель «Эвтерпы» не установлен; как к нему попала рукопись «Усов», остается невыясненным.

А вот «Весенние цветы» 1835 г. Этот неряшливо изданный М. Пономаревым сборник романсов, баллад и песен Белинский считал образцом литературной спекуляции. Стихотворение В. Туманского «За днями дни бегут тол-

пою» приписано Пушкину, зато без ведома и согласия великого поэта напечатаны его «Рассудок и любовь».

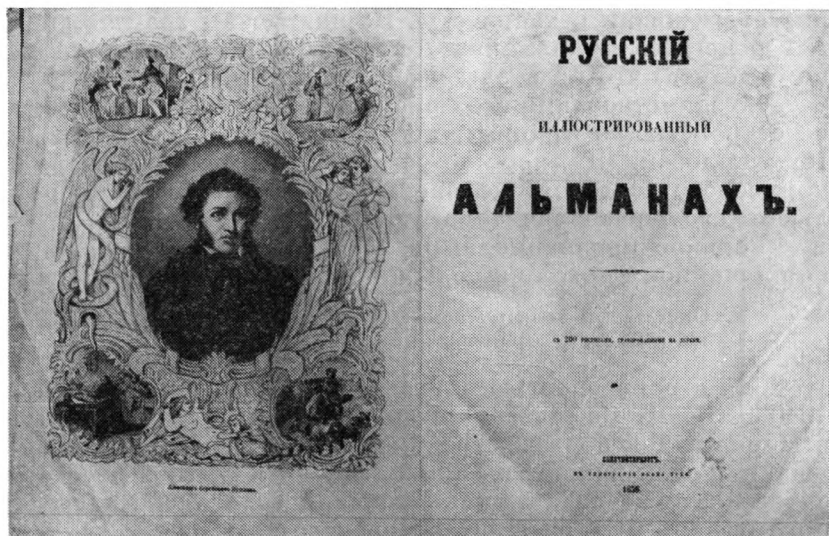
Прекрасно сохранился у Губара «Венок граций» 1829 г. Н. П. Смирнов-Сокольский считал, что по содержанию альманах «особого интереса не представляет»²², отметив, что в нем напечатан любопытный отрывок из «Евгения Вельского». Последний выделялся среди более чем полудюжины подражаний «Евгению Онегину», появившихся в печати до выхода в свет восьмой главы пушкинского романа в 1832 г.

Первая глава анонимного «Вельского», автором которого был М. И. Воскресенский²³, вышла отдельным изданием годом раньше. Вслед за отрывком из второй главы в альманахе в том же году опубликованы вместе II и III главы. В 1832 г. были напечатаны отрывки из IV главы, и на этом след «Вельского» обрывается, но он — единственное подражание тех лет, написанное онегинской строфой, которая оказалась камнем преткновения для эпигонов. Возможно, что этим объясняется пушкинский отзыв о «Вельском», написанный болдинской осенью 1830 г.: «... судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят „Евгения Онегина“ ниже „Евгения Вельского“» (VI, 314). А именно «Вельским» пытался унизить Пушкина Булгарин, нападая на VII главу романа. В 1936 г. большой знаток русской поэзии И. Н. Розанов, детально проанализировавший все подражания «Онегину», появившиеся до 1832 г., писал: «...к концу третьей главы автор Вельского уже превосходно усвоил себе манеру Пушкина..., цель автора дать собственную вариацию на новую выдвинутую Пушкиным тему: история современного молодого дворянина на фоне быта»²⁴. Это был отход от канонов романтических поэм, «голос с места», услышанный Пушкиным. Опубликованные в альманахе сцены свадьбы и семейной жизни старика-графа Знатова и 17-летней графини, которая «как поцелуй любви чиста...

²² Н. П. Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 139.

²³ Подробная аргументация авторства М. И. Воскресенского дана К. Ф. Турумовой в 1972 г. в статье «Евгений Вельский и его автор». См.: «Вопросы литературы», 1972, № 8, с. 106—125.

²⁴ И. Н. Розанов. Ранние подражания «Евгению Онегину». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 2. М.—Л., 1936, с. 227.

*Титульный лист и фронтиспис
«Русского иллюстрированного альманаха» (1858)*

и с миллионом и мила» ²⁵, делают его интересным и историком литературы и эрудированному читателю.

В губаровских альманахах и сборниках позднейшего времени мы находим одну из первых оценок деятельности Пушкина революционными демократами 1860-х гг. Большеформатный «Русский иллюстрированный альманах» 1858 г. с 200 рисунками, среди которых иллюстрации А. Агина, В. Тимма и Т. Шевченко, открывается биографическим очерком о Пушкине. Подпись Н. Лайбов и дата в конце — 23 сентября 1856 г. — указывают, что автором был двадцатилетний Добролюбов, которому Чернышевский уступил заказанную ему статью. Критик в основном повторил мысли Чернышевского и Белинского о Пушкине и очень сурово оценил в дневнике свою работу: «ровно ничего не сказал» ²⁶. Но на самом деле в конце статьи он вполне самостоятельно охарактеризовал послед-

²⁵ «Венок граций. М., 1829, с. 112, 114.

²⁶ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 8. М.— Л., 1964, с. 526.

ние годы жизни и творчества Пушкина как трагические. А в рецензии на альманах Добролюбов не мог с горечью не отметить, что издатель «счел священным долгом умолчать» о заимствовании всех рисунков, посвященных поэту, из старой «Иллюстрации», ибо печатались они с одних и тех же досок. «Да, хорошо устроен мыслительный снаряд у русского торгового человека»²⁷, — заканчивает Добролюбов свою разоблачительную рецензию.

Горькое признание вырвалось однажды у Пушкина по случайному поводу в годы николаевской реакции:

Он <старый колпак> поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.

Эти строки впервые напечатаны в «Невском альбоме» 1840 г. Н. И. Бобылева, который прожил несколько лет в Нерчинске и первый стал писать на темы из бурятской жизни. Годом раньше в Вильне вышли «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий белорусского учебного округа». Стихи А. Керсновского из минской гимназии, посвященные гибели Пушкина, ходили по рукам и были напечатаны в этом провинциальном сборнике. Другой автор — виленский гимназист О. Ляхович — с болью писал о смерти Пушкина: «Россия видела в нем исполина, но еще исполина в первом возрасте сил, она ожидала его возмужалости»²⁸. Губар собрал эти не столь известные издания. «Опыты» попали к нему из библиотеки историка М. И. Семевского, сохранив экслибрис прежнего владельца.

В первой книге сборника «Девятнадцатый век», издаваемого П. И. Бартеневым, в 1872 г. впервые были обнародованы 25 писем Пушкина к П. В. Нащокину и 11 ответных писем Павла Воиновича. Здесь же увидели свет и письма Рылеева к Пушкину. Сборник трудно разыскать. То, что не удалось даже Н. П. Смирнову-Сокольскому, посчастливилось Павлу Викентьевичу. Эту лакуну в би-

²⁷ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 2, с. 284, 285. (Отметим, что в кн. Н. П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.» на с. 257 воспроизведен другой вариант титульного листа «Русского иллюстрированного альманаха».)

²⁸ О. Ляхович. О смерти Пушкина. — В сб.: «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий белорусского учебного округа». Вильна, 1839, с. 288.

блиографии русских альманахов и сборников знаменитого книжника помогает заполнить губаровское собрание.

Из двух сборников XX в. в коллекции Губара один завершает альманашную пушкиниану знаменитым стихотворением А. А. Блока «Пушкинскому Дому», впервые опубликованным в «Радуге. Альманахе Пушкинского дома» в 1922 г.

Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Эти блоковские слова — ключ к окрыляющей всю жизнь Павла Викентьевича страсти к искусству пушкинской эпохи, к его книгам, к слову поэта.

Я рассказал об изданиях XVIII в., о книжной и альманашной пушкиниане в библиотеке Губара. О других разделах собрания замечательного библиофила постараюсь рассказать в недалеком будущем.

Москва

ВОРОНЕЖСКИЙ БИБЛИОФИЛ

Во всяком разговоре воронежцев о книге (если это не разговор о пресловутом «дефиците»), во всякой серьезной беседе о судьбах рукописного и печатного слова, книжных потерях и приобретениях всплывает обычно имя Олега Григорьевича Ласунского — литературоведа, краеоведа, библиофила. Заходит ли речь о редкостном издании, повествующем об истории воронежской крепости на засечной черте, вспоминают, что экземпляр его есть в библиотеке Ласунского. Говорят и о других замечательных изданиях, о прекрасно сохранившихся переплетах, великолепных иллюстрациях, заставках и концовках. И пойдет рассказ о том, какой долгий путь выпал книге, прежде чем она легла на полку собирателя.

Еще четверть века назад ценнейшей библиотеки «книг о книгах», редкостной коллекции старинных рукописей, автографов, писем, экслибрисов — всего этого не было. Многое из того, что теперь с большим тщанием отреставрировано и хранится на застекленных полках, не так давно находилось у случайных лиц, пылилось по чердакам, в небрежении валялось где придется, готовое со дня на день бесследно исчезнуть.

Несколько лет назад, когда началось повальное соби-
рание личных библиотек, один мой знакомый как-то за-
явил: «Чего их собирать, книги? Не лучше ли закупить
библиотеку на корню, оптом?» Конечно же, такой «книж-
ник» не поедет за тоненькой брошюрой в даль дальнюю,
не станет выстаивать у прилавка букинистического ма-
газина, не потратит свой отпуск (деньги и время) на при-
обретение нужного издания. Знакомый припомнился мне
по контрасту с Ласунским, в котором настоящего библи-

офила узнаешь сразу. Тех, кого больше увлекает в собирательстве складирование книг от пола до потолка, когда тома как бы «удушают» друг друга,— тех в библиотеке Ласунского может постичь некоторое разочарование. Размерами она не поражает. Ибо, по мысли собирателя, подлинная библиотека красна не числом книг. «Парадоксально, но на первых порах собирательства,— говорит Олег Григорьевич,— моя библиотека была обширнее нынешней. Подписные издания, ходовые или яркие по внешности книги, — строгий отбор безжалостно вымел их...»

Хорошая личная библиотека — второе «я» владельца. Она не бездушная, застывшая груда бумаги. Обогащая его духовную жизнь, она и сама как бы живет внутренней жизнью, находясь в непрерывном развитии. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку,— говорили древние мудрецы-диалектики. Точно так же нельзя дважды войти в одну и ту же библиотеку. Движение книг в ней послушно отражает динамику идейных и нравственных исканий библиофила.

Книговедение, краеведение, редкие и курьезные издания XIX—XX вв.— вот основные разделы сегодняшней библиотеки Ласунского. Остальное (рукописи, автографы, письма, экслибрисы, иконография) прежде всего дополняет главные линии. На протяжении пятнадцати лет Олег Григорьевич успешно занимается теорией, историей и методикой книгособирательства; в прессе, в библиофильских изданиях об этом говорилось не раз и подробно, поэтому здесь скажем о самом существенном.

Исключительный размах книгособирательства в нашей стране, возрастающее число библиофильских кружков, клубов, объединений означили как вопрос вопросов этическую сторону библиофильства. Ласунский размышляет об этом, и его статья «Нравственный облик библиофила» («В мире книг», 1973, № 8) — не единственное тому свидетельство. Он встречался с библиофилами старшего поколения, хранившими воспоминания о своих предшественниках, таких, как Д. В. Ульянинский и А. П. Бахрушин, с «книжниками» молодыми, только расставляющими первые вехи в мире книг, и постоянно размышляет о формировании библиофила нового толка, взявшего все лучшее из традиций знаменитых российских собирателей.

Библиотека для Ласунского — одновременно и ученая лаборатория и, как говаривали встарь, «аптека для души».

Чего только не увидишь, например, в его книговедческом разделе! Тут монографии и сборники статей, каталоги, справочники, памятки библиофильских заседаний и другие летучие издания, указатели редких книг, журнальные и газетные вырезки, букинистические ценники, описания старых частных библиотек, многие из которых отсутствуют даже в классическом труде Д. В. Ульянинского. Здесь представлены в обилии особые экземпляры — именные, нумерованные, подносные, с владельческими надписями, в необычных переплетах... Словом, музей книги в миниатюре!

Продолжая лучшие библиофильские традиции, кружок «Воронежский библиофил», председателем которого является Ласунский, выпускает специальные библиографические издания. В рамках общего тиража делается небольшое количество нумерованных, именных экземпляров, переплетенных особым образом. Так появилось, например, четыре выпуска снискавшего популярность среди книголюбов указателя «Библиофильство на страницах русских журналов».

На книгах Ласунского наклеены экслибрисы. Чаще других можно видеть знак, исполненный киевским художником Георгием Малаковым: корабль в книжном море и на мачте — впередсмотрящий, вооруженный подзорной трубой. Великие книжные сокровища открываются ему...

Рассматривая экслибрис как свидетельство культуры книги и книжника, Ласунский организовал в Воронеже ряд выставок видных мастеров экслибриса (в частности, Г. А. Кравцова, А. И. Калашникова, Е. Н. Голяховского, Л. А. Литошенко, В. А. Фролова, К. С. Козловского и др.), сопроводив каждую обстоятельным каталогом. Издание библиофильской продукции — дело, необходимое сегодняшнему и, в особенности, завтрашнему дню книговедения. Поэтому кружок «Воронежский библиофил» систематически печатает иллюстрированные памятки своих заседаний (снабженные нередко художественно выполненными вкладками), различного рода библиографические указатели и т. п.

Экслибрисы библиотеки О. Г. Ласунского

В прошлом году по инициативе Ласунского была организована в Воронеже выставка редких книг, посвященная революционному движению.

К ее открытию вышел каталог с нумерованными экземплярами, один из которых, уже нарядно переплетенный и украшенный вырезками из газет, нашел приют на полках огромного шкафа, где теснится книговедческая литература. Оттуда, из глубин бездонного шкафа, собиратель извлекает одну за другой книжные жемчужины.

А напротив — три шкафа, которые образуют своего рода библиотечный ансамбль. Здесь находится «воронежана». Собираение материалов по краеведению имеет принципиальное и несомненное значение. Мы должны держать в поле зрения книги, выпущенные в провинциальной глубинке и которым часто грозит забвение и гибель. Всегда ли мы проявляем понимание их историко-культурной ценности? Увы, далеко не всегда. В результате обедняем самих себя, свое прошлое.

Вот Острогожск, некогда знаменитый уездный город, «Воронежские Афины», пенаты Станкевича, Крамского, Маршака. Это знают многие. Но мало кто знает, что здесь, в небольших типографиях, печатались поэтические сборники, книги, брошюры. Чаще, конечно, брошюры, потому-то следов уездной издательской деятельности почти не сохранилось. Такое положение проясняет вопрос, почему Ласунский с особым усердием разыскивает именно тоненькие книжки, отдельные оттиски, буклеты и другую печатную мелочь. Монументальные издания, фолианты, подчас совершенно пустые по содержанию, владельцы обычно стараются сохранить, их просто жалко выбрасывать. Судьба же брошюры немногим лучше судьбы газеты: посмотрят и выбросят! При переездах, а также после смерти книголюбца наследники избавляются прежде всего от них.

У Ласунского множество брошюр — все они переплетены просто, но любовно и надежно. Нередко встречаешь библиофилов-«гурманов», любое издание стремящихся упрятать под дорожкой, роскошный переплет. Для воронежского собирателя переплет — это прежде всего защитная одежда книги, призванная сохранить ее для будущих поколений.

Но вернемся к краеведческому разделу библиотеки. Полка старинных книг... Темно-коричневые переплеты, налетом времени покрытые страницы... Первопечатные воронежские издания: болховитиновское «Описание Воронежской губернии» (1800), «Николая Унштета путешествия по обвороженному миру» (1801), «История державного ордена св. Иоанна Иерусалимского...» (1803). В этой коллекции раритетов провинциальной печати — первая памятная книжка для жителей Воронежской губернии, юбилейный сборник, изданный к трехсотлетию города, опыты безвестных местных литераторов, адрес-календари и путеводители. Вот золотообрезный экземпляр альбома «Очерк замечательных древностей Воронежской губернии» (1891) с предисловием и рисунками Е. Маркова — писателя, этнографа, художника. Рассматриваю рисунок редчайшего геологического памятника — легендарного Буил-Камня, читаю описание очевидца. Ныне Буил-Камня и многих других геологических и архитектурных памятников, о которых живописует книга, уже

нет. Поэтому она приобретает для нас значение первоисточника.

Или, например, литографированный атлас Генерального штаба Российской империи, предназначенный для квартирмейстеров (1838). Дело даже не в том, что это особый экземпляр с печаткой «Депо карт». Когда рассматриваешь это необычное издание, читаешь названия городов и сел Воронежского края (в старом правописании), как бы преодолеваешь полуторавековую давность, незримо присутствуешь в том времени, в тех селах, где жили твои прадеды...

Самая большая ветвь на краеведческом древе библиотеки — кольцовиана, наиболее полная в нашей стране... Первое посмертное издание стихотворений поэта (1846) со статьями Белинского и знаменитой горбуновской литографией. Добролюбовское «Чтение для юношества. Алексей Васильевич Кольцов. Его жизнь и творчество» (1865) — глазуновское издание. Хрестоматия «Русская лира» (1860), ее открывают имена трех поэтов: Пушкина, Кольцова, Никитина.

На кольцовой полке можно увидеть множество невзыскательных, простеньких на вид сборничков, так называемых «книжек-копеек», отпечатанных на грубоватой бумаге, в мягких, лишенных всякого украшения обложках. Спрашивается, зачем они нужны, когда рядом стоят добротные академические издания воронежского поэта? А для того чтобы воочию убедиться в справедливости кольцовского титула — «народный поэт России».

Раньше кольцовские сборники часто дарили лучшим ученикам училищ и гимназий, делая на форзаце соответствующую надпись. В таких экземплярах есть свое очарование. Они — не только свидетельство любви к стихотворцу-прасолу, но и характерная примета ушедшего в прошлое быта.

Есть в библиотеке экземпляр полного собрания сочинений А. В. Кольцова под редакцией А. И. Лященко, изданного в Петербурге в 1911 г. Он испещрен разноцветными карандашными пометками. Этот экземпляр, имеющий музейно-архивную ценность, принадлежал известному ученому А. М. Путинцеву, лучшему знатоку кольцовой поэзии... Или еще одна не совсем обычная книга. Воронежский писатель Владимир Кораблинов, автор романа

«Жизнь Кольцова», готовя свое произведение для переиздания, сделал на рабочем экземпляре многочисленные вклейки, сокращения, добавления и прочие авторские пометки. Перед нами как бы приоткрывается дверь в творческую лабораторию романиста.

Ласунский составил небольшую, но весьма ценную книгу, выпущенную в свет Центрально-Черноземным издательством: «Слово о Кольцове» (1969). Она представляет собой ответы видных советских писателей на специальную «кольцовскую» анкету. Им же подготовлен указатель литературы об А. В. Кольцове за 1951—1971 гг. Столь же богато представлено в библиотеке и имя другого поэта-земляка — И. С. Никитина. Это естественно. Кольцов и Никитин были неразрывны в сознании людей XIX в., неразлучны они и сегодня.

Прижизненные издания автора «Руси» (в частности, экземпляр с дарственной надписью А. П. Нордштейну), «Сочинения» Никитина (1878) из библиотеки А. С. Суворина, «Каталог библиотеки В. В. Юркевича, бывшей Никитина в Воронеже» (1887), никитинский трехтомник, подготовленный А. Г. Фоминым, — десятки книг, дающих верное и целостное представление о творческой судьбе поэта при его жизни и сегодня. Есть и вовсе забавные вещицы, вроде самодельного миниатюрного «издания» никитинского стихотворения «Засохшая береза», выполненного на бересте писателем-библиофилом А. И. Анушкиным (Ялта). Подраздел библиотеки, посвященный выдающимся поэтам-землякам, составлен по сути дела коллективными усилиями. Здесь много даров от иногородних друзей-книголюбов.

Еще один шкаф — редкие, ценные, чем-то выделяющиеся из общего ряда, издания. Книги в благородных старинных переплетах.

«Диянино древо, или Торжествующая любовь. Спб., 1792. Печатано в типографии И. Крылова с товарищи».

«Сын Отечества» за сентябрь 1812 г. Тревожный час России... Наполеоновское нашествие... В номере напечатаны благодарственные письма Кутузова к жителям Калуги.

Увесистый том с двумя экслибрисами на кожаном переплете. «Приключения Телемака, сына Улисса, сочиненные Фенелоном» (Спб., 1805). На шмуцтитуле —

выведенная старательной рукой надпись: «Подарена кадету Шефлеру за благонравное поведение и отличное прилежание 1824 года мая в 28-й день». Эпоха-то ведь какая! «Полярная звезда», декабристы, дух вольности. А тут — благонравный кадет Шефлер... «Собрание русских стихотворений...», изданное В. Жуковским (М., 1810). На форзаце надпись: «1825 года декабря 15 дня. Куплено в Санкт-Петербурге». Рядом приписка на древнегрузинском языке: «Книга сия принадлежит князю Закарию Орбелиани». В глаза бросается зловеющий штрих: вчера — героическая и трагическая страница отечественной истории, восстание декабристов, гром пушек на Сенатской площади, а сегодня — деловая интонация сиятельного покупателя. А ведь приобретена книга, быть может, в лавке, в сотне шагов от Медного всадника, вокруг которого еще не смыты пятна крови.

За каждой книгой — колорит эпохи, человеческие судьбы. Вот «Двенадцать спящих бутушников. Поучительная баллада. Сочинение Елистрата Фитюлькина» (М., 1832). Экземпляр подарен вдовой собирателя И. Н. Розанова — К. А. Марцишевской. От души смеешься, читая эту язвительную сатиру на московских полицейских. Между тем, С. Т. Аксакову, который, будучи цензором, дал разрешение на выход ее в свет, было не до смеха: его отстранили от службы, а книгу конфисковали.

Перевод шекспировского «Короля Лира» (Спб., 1865) — экземпляр П. А. Ефремова, отпечатанный на тонкой бумаге разных цветов. Любая книга из ефремовского собрания — это праздник для библиофила.

А книги будто просят: «И на меня взгляни! Хоть минутку поддержи в руках — не пожалеешь». Вот новейшее переиздание «Письмовника» Николая Курганова с замечательными иллюстрациями Н. В. Кузьмина. В экземпляр вклеен собственноручный рисунок художника, изображающий Курганова.

Или, скажем, вот эта книга. Футляр, две суперобложки, цельнотканевый любительский переплет, выкрашенный красной краской обрез. А внутри! Филигранная печать, элегантный шрифт, на отдельных листах наклеенные цветные иллюстрации. Это — «Суета сует», библиофильское издание рассказов И. А. Бунина, отпечатанное тиражом в 33 экземпляра. Ценность воронежского

экземпляра возрастает еще оттого, что на форзаце наклеен автограф Бунина, присланный Ласунскому из Англии дочерью писателя А. И. Эртеля.

Встречаемся в библиотеке и с курьезными книгами. Одна из них: «Бессмертные звуки сердца. Стихотворения Н. Д. Немцова. С портретом автора. Борисоглебск, 1912». Полиграфически вполне пристойное издание, но стихи — лучше не читать: сугубо графоманские! На розовой бумаге — вкладка: «Поэт и драматург самоучка Николай Дмитриевич Немцов. Сочинение можно получить только от автора и его коммивояжеров». Видать, не давали покоя доморощенному провинциальному «поэту и драматургу» лавры Кольцова. На задней крышке переплета сохранилась наклейка, сообщавшая точный адрес сочинителя: «с. Копыл Ростошинской волости Борисоглебского уезда». Весь тираж находился, оказывается, на хуторе Немцова.

По-своему любопытна и такая «дамская» книжка — «Наши артистки о парфюмерии т-ва парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова» (М., 1912). Выпущенная в целях торговой рекламы, она отразила нравы своего времени. Среди авторов, высказывающихся вполне восторженно о продукции провизора А. М. Остроумова, мы видим А. В. Нежданову, Н. В. Плевицкую и др. Тут же воспроизведены фотографии актрис и факсимильно — сами высказывания.

Разумеется, в библиотеке Ласунского — не только книги. Нельзя не подивиться подборке ранних воронежских экслибрисов. Библиофилами страны по достоинству оценен «Книжный знак» (1967) — интересная монография, в которой Ласунский исследует проблемы изучения и использования экслибриса. Экслибрис и его владелец составляют неразрывное целое, и так же как владелец должен ведать о своем знаке, так и последний должен «поведать» о своем владельце: в нем непременно должны быть отражены наклонности, пристрастия, сама сущность библиофила. Экслибрис, сколь бы ни был он высокохудожествен, нельзя отрывать от книги и рассматривать в сфере «чистого искусства». Книжный знак «действителен» прежде всего своей связью с книгой и ее обладателем. Этот вопрос не только теоретический, но и злободневно-житейский: сколько ныне развелось горе-коллекционеров,

готовых живьем содрать экслибрис с любого издания, дабы упрятать в свои папки!

Значительную часть собрания Олега Григорьевича составляют, наконец, разные разности: коллекции старинных визитных карточек, фотографий из дореволюционных частных архивов, альбомов прошлого века, сатирических журналов 1905—1907 гг., исторических документов, воспоминаний и рукописных книг. Большое место занимают материалы литературного происхождения: рукописи, авторские корректуры, письма, списки произведений К. Рыльева, А. К. Толстого, В. Короленко, С. Елпатьевского, А. Н. Толстого, Б. Эйхенбаума, А. Веселого, Ф. Гладкова, И. Эренбурга, М. Исаковского, А. Прокофьева и многих других...

Воронеж

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ТАТИЩЕВА

Долгое время биографы В. Н. Татищева считали, что он — выпускник Артиллерийской школы. Пришли к этому выводу чисто логически. Василий Никитич был отличным, как бы мы сказали сегодня, квалифицированным артиллерийским офицером. Артиллерийская же школа была под началом Я. В. Брюса — патрона и покровителя Татищева.

Однако тщательные розыски, предпринятые историком Л. Д. Голендухиным в архивах, показали, что фамилия В. Н. Татищева не встречается в списках ни одной из школ того времени. Выяснилось, что Татищев вообще нигде не занимался — ни в русских школах, ни в зарубежных университетах (хотя за границей бывал и научился там многому).

И тем не менее Василий Никитич Татищев был не только одним из образованнейших людей России и Европы, но и крупнейшим ученым первой половины XVIII в. Его называют отцом русской истории и географии, первым светским философом России. Он был автором работ по лингвистике, этнографии, археологии, палеонтологии, экономической мысли...

Самообразование, книги — вот путь Татищева к науке.

Видимо, первым, кто заронил и разжег в Василии Татищеве неумемную страсть к науке, к книгам, был Я. В. Брюс, которого Пушкин называл «русским Фаустом». Яков Виллимович являлся не только талантливым военачальником. Великий поэт увидел в нем главное: фаустовскую страсть к познанию мира. Никогда, даже во время военных походов и сражений, Брюса не покидала ненасытная жажда знаний, неистребимое стремление постигнуть

«вселенной внутреннюю связь», разгадать тайны мироздания, понять суть жизни и смерти. Имя Брюса прочно вошло в историю многих наук: астрономии, механики, математики, географии... Он с блеском владел многими специальностями, свободно читал и писал на восьми языках, переводил на русский книги по астрономии и фортификации, трактаты по механике и математике, составлял словари, писал предисловия и редактировал переводы ученых трудов по разным наукам.

Брюс собрал одну из крупнейших для своего времени библиотек с «очень хорошим подбором книг»¹.

Встреча драгунского поручика Татищева с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом была большой удачей для первого. Брюс приблизил к себе умного и любознательного офицера и стал его учителем и покровителем.

Вместе с Брюсом весной 1712 г. Татищев едет «за моря... для смотрения тамошнего военного обхождения». А поскольку Брюс собирается перевести его в артиллерию, то он должен учиться в Европе и «инженерному искусству».

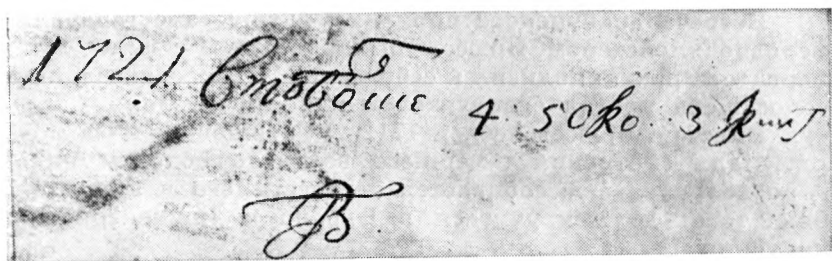
Поездка была недолгой — всего два месяца. Но уже на следующий 1713 г. Татищев снова отправляется за границу. И опять с Брюсом. На этот раз надолго — почти четыре года будет он путешествовать по европейским странам, лишь иногда возвращаясь в Россию.

Лейпциг, Берлин, Бреславль, Дрезден... Татищев не только осваивает военное дело, но и соприкасается с миром европейской науки. И двери в этот мир перед ним распахнул Брюс. Они вместе посещают в Берлине королевскую библиотеку, встречаются с учеными.

Правда, по вызову Петра I Брюс вскоре вернулся в Россию, но он уже успел заразить своего ученика страстью к познанию.

¹ С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 203. «Библиотека Брюса, — пишет автор исследования, — не коллекция, а рабочее собрание книг, необходимых его владельцу, она полностью отражает область его научных интересов. Здесь мы почти совершенно не находим случайных книг, которые составляли подчас значительную часть книжных собраний других крупных деятелей той эпохи. И последнее, библиотека Брюса — это библиотека научной литературы, библиотека ученого, а таких еще не было ранее на Руси, начиная именно с Брюса этот тип библиотек будет встречаться все чаще и чаще, отражая быстрые успехи науки в России».

И мы чувствуем эту страсть по той жадности, с которой Татищев набрасывается на книги. Он покупает их всюду. Пожалуй, это единственное, на что он не жалеет денег. О круге татищевских интересов нам говорит часть его библиотеки, хранящаяся сейчас в Свердловском краеведческом музее. На старинных фолиантах рукою Татищева обозначено время и место их приобретения. На книгах, купленных в 1712—1717 гг., стоят названия самых разных европейских городов. Есть книги по военному делу, «инженерии». Но большинство книг не относится к его пря-

Автограф В. Н. Татищева

мой профессии. Имеются и просто любопытные. Здесь и «Искусство галантного разговора и правила хороших манер в обществе», и руководство «Как составлять письма и комплименты для персон высших и низших сословий». Но больше всего книг по философии, истории, политике, географии, о театре, о путешествиях...

С увлечением бросается Татищев в таинственный мир знаний. Уже по одному подбору книг можно судить, как упорно он учится. Не развлечения, а труд, постоянная учеба — вот главные его занятия за границей. Годы, проведенные в Европе, стали для него своеобразным университетом.

В 1716 г. Татищев возвращается в Россию и служит артиллерийским офицером, выполняя при этом специальные поручения Брюса. Он составляет практическую планиметрию и работает над книгой по машиностроению. Эти задания Брюса говорят сами за себя — лишь немногие из русских офицеров могли бы тогда справиться с подобной работой.

В 1717 г. Татищев еще раз едет по служебным делам в Европу и опять привозит оттуда целый сундук книг для себя и для Брюса. Покупает он книги и на Аландских островах, куда сопровождает Брюса для переговоров со шведами.

В 1719 г. Петр I определил Татищева к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной Российской географии с ландкартами». С увлечением берется Василий Никитич за новую работу: собирает нужные книги и карты... Отныне его главным научным занятием станет география и история. Именно по этим двум наукам больше всего соберет он книг для своей личной библиотеки. Он будет выписывать их из европейских стран, покупать в разных городах России: Москве, Петербурге, Тобольске, Риге — всюду, где ему придется бывать по делам службы.

Но занятия географией пришлось временно прервать — нашлись более неотложные дела. Так случалось в жизни Татищева не раз: как только он прочно настраивался на порученное ему дело или сам выбирал дорогу, по которой собирался идти далеко и долго, так судьба его делала совершенно неожиданный поворот и заносила совсем в другую сторону.

Чем только не занимался Татищев в своей жизни: строил заводы на Урале, был советником Берг-коллегии, ездил в Швецию для «научения» тамошней промышленности и финансов, пополнения своей библиотеки, выполнял роль церемониймейстера при императорском дворце, управлял Оренбургской экспедицией и Астраханской губернией... И одновременно, во всяких условиях, вел научную работу.

Это был великий труженик. Основное содержание его жизни — работа. Все остальное — что отнимает много времени, что отрывает от работы — почти исключено из его жизни. Он никогда не знал отдыха, никогда не ездил специально лечиться, хотя часто и тяжело болел.

Татищев не занимал научных должностей, не состоял членом Академии наук, годами был оторван от крупных центров культуры, но в его научной работе не было и налета провинциализма. Наоборот, он перерос многих академических ученых. Быть в курсе последних достижений науки ему в основном помогали книги. Он собирал их тщательно и упорно.

Первая (по крайней мере, известная нам) библиотека Татищева насчитывала к 1737 г. более 1000 томов. Судьба ее довольно примечательна.

В 1734 г. Татищев, назначенный горным начальником заводов Урала и Сибири, приехал в Екатеринбург с большими планами, в том числе и просветительскими, и организовал на Урале целую сеть школ. Мамин-Сибиряк отмечал, что «одна уже просветительская миссия доставила бы Татищеву вечную память на Урале». В 1735 г. горный начальник создал в Екатеринбурге при Канцелярии горного правления «казенную горную библиотеку» и использовал каждую возможность для ее пополнения. Так, например, в том же 1735 г. по его «указу» горный чиновник А. И. Порошин, ездивший в Москву и Петербург, закупил для горной библиотеки 555 книг на сумму 390 руб. 85 коп.

При отъезде в 1737 г. в Оренбургскую экспедицию Татищев подарил Екатеринбургу и свою личную библиотеку, которую собирал около двадцати лет. Вскоре после отъезда он писал в Екатеринбург, что в прошлом году «кунгурские земские старосты прислали мне в часть денег 989 рублей 47 коп. ... а понеже я своим жалованьем доволен, того ради оные [деньги] надо употребить в пользу здешних школ и, купя на оные деньги разных языков, також и моих собственных [книг] прибавя, отдать пастору в хранение...»².

Через несколько месяцев Татищев прислал в Екатеринбург из Самары еще 170 книг, среди них — грамматики греческого, итальянского, английского, немецкого, латинского языков, руководства по добыче золота, по артиллерии, по черчению, а также труды Гибнера, Пуффендорфа, Майерберга...

Созданная Татищевым Екатеринбургская казенная библиотека уже насчитывала более двух тысяч книг и в середине XVIII в. «по праву считалась крупнейшей и лучшей горнозаводской библиотекой нашей страны»³. Недаром, когда в 1773 г. в Петербурге создавалось горное училище, а при нем — библиотека, то значительная часть книг для нее была затребована из Екатеринбурга. Через два года с той же целью в столицу из уральской гор-

² Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, с. 87.

³ Там же.

ной библиотеки отправили еще 300 книг. Кроме того, книгами из Екатеринбурга помогали вновь созданным библиотекам Барнаула, Нерчинска и других сибирских городов. Вполне возможно, что среди этих книг были и татищевские.

Тем не менее екатеринбургское собрание книг продолжало расти и к середине XIX в. ценилось как «весьма редкая библиотека по вопросам горного дела как по количеству книг, так и по систематическому подбору их»⁴. В начале 1860-х гг. уральский историк и краевед Н. К. Чупин занялся тщательным разбором книг этой библиотеки и обнаружил около 120 книг с автографами Татищева. Но уже в восьмидесятых годах след татищевских книг затерялся. По крайней мере Мамин-Сибиряк уже не мог их найти, хотя и считал, что они и «посейчас в Екатеринбурге, но у кого — мы не могли добраться»⁵.

Книги из личной библиотеки Татищева вновь были «найжены» в 1961 г. при переезде в другое здание научной библиотеки Свердловского краеведческого музея. Вот как рассказывает об этом краевед В. Г. Федоров: «На столах и на полу вырастали стопки редких книг отдела иностранной литературы. Каждый стремился хотя бы полистать отдельные книги, взглянуть на их титульные листы. Таким образом попала мне в руки первая книга, на титульном листе которой оказался автограф В. Н. Татищева. Всего в краеведческой библиотеке оказалось около ста книг с его пометками и около двухсот книг, которые предположительно могли ему принадлежать»⁶.

Сейчас нам известна только десятая часть первой библиотеки Татищева. Какие же книги могли входить в другую, большую часть татищевского собрания?

Попытаемся представить это хотя бы приблизительно.

Все книги, хранящиеся в Свердловском краеведческом музее, — на иностранных языках. Но Татищев, безусловно, покупал многое из того, что издавалось тогда в России на русском языке.

Какие же именно книги мог приобретать Татищев?

Вспомним, что он был артиллерийским офицером, отлично знал фортификацию, интересовался литьем пу-

⁴ «Екатеринбургская неделя», 1890, № 36.

⁵ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. Т. 12, Свердловск, 1951, с. 247.

⁶ Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, с. 80.

шек и т. д. Вполне вероятно, что он купил сделанные по указу Петра I переводы книг австрийского офицера А. Э. Боргсдорфа «Побежденная крепость» и «Поверенные воинские правила, как неприятельские крепости силою брать» (обе вышли тремя изданиями), Ф. Блонделя «Новая манера укрепления городов», «Римплерова манера о строении крепостей», Камбре «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана» и др.

Много книг было у Татищева по географии. Установлено, что он держал под рукой до двадцати описаний путешествий по разным странам света и России.

Еще в 1725 г. в письме кабинет-секретарю Черкасову, вспоминая о поручении Петра I заняться географическим описанием России, Василий Никитич сообщал: «того ради прилежал я особливо до географии принадлежащие истории собрать, из которых уже большею частию купил»⁷.

Возможно, Татищев приобрел переводы Я. Брюса: «Геометрия, славянски землемерие» (три издания) и сочинение К. Гюйгенса «Книга мироздания, или Мнение о небесноземных глобусах», излагающее учение Коперника. Наверняка купил известную книгу Бернгарда Варения «*Geographia generalis*» в переводе Ф. Поликарпова, «Земноводного круга краткое описание...» И. Гибнера и некоторые другие переводные географические труды.

При Петре I в России были изданы и многие исторические сочинения: «Синописис...» И. Гизеля, «Введение в историю Европейскую» С. Пуффендорфа в переводе Г. Бужинского, труд Квинта Курция об Александре Македонском, «Рассуждение... о Северной войне» П. Шафирова и др. Все эти книги были знакомы Татищеву и, нужно думать, имелись в его личной библиотеке.

Покупал Василий Никитич исторические труды и на иностранных языках. Еще в 1722 г., вернувшись с уральских заводов в Петербург, Татищев о своем «намерении» продолжать работу над русской историей «графу Брюсу и архиепископу Прокоповичу объявил», которые ему «имевшимися у них потребными книгами и выписками вспомогли и к тому которые нужно из Германии выписать

⁷ П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. Спб., 1864, с. 27, 28.

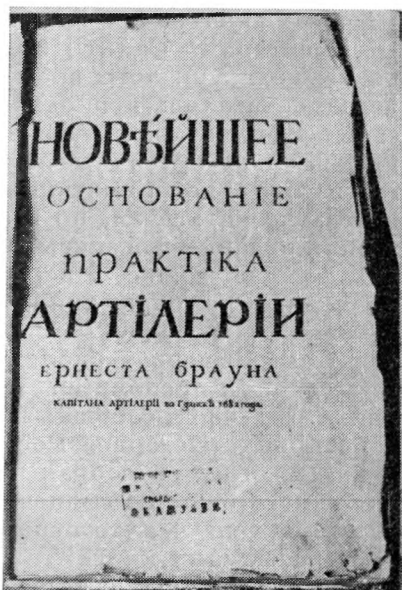
известие дали», по которому Татищев «несколько книг из Германии получил»⁸.

Вообще, можно предполагать, что большая часть книг из первой татищевской библиотеки была исторического содержания. Ведь в своей «Истории Российской...» Татищев делал ссылки на десятки, даже на сотни древних и новых историков. Кроме того, он имел в своем распоряжении большое количество русских летописей и рукописных книг.

Татищев наладил прочные связи с Академией наук и особенно с ее библиотекарем Шумахером, с которым он вел многолетнюю переписку. Его письма к последнему полны просьб о присылке книг, изданных Академией. «При сем прошу вас услужно,— писал Татищев Шумахеру в ноябре 1730 г.,— чтоб по приложенной при сем росписи, купя мне книги, и прислали с кем возможно»⁹.

В первой «росписи», появившейся в 1737 г., содержится перечень 49 изданных книг и 6 находящихся в печати. По крайней мере большинство из них было в библиотеке Татищева.

Начиная с 30-х гг. XVIII в. Академия наук предпринимает издание иноязычных словарей-полиглотов и грамматик иностранных языков. Татищев сам занимался составлением многоязычных словарей, и, конечно, приобретал подобные новинки.

Титульный лист книги
«Новейшее основание»

⁸ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 1, М.— Л., 1962, с. 6.

⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 6, л. 174.

С 1728 г. начал выходить первый научный журнал «Комментарии Санкт-Петербургской Академии наук» на языке науки того времени — латинском. На русском языке печатались периодические выпуски «Краткого описания Комментариев Академии наук» и научно-популярный журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Татищев был не только читателем, но и автором этих первых периодических изданий и выписывал их для себя.

Вообще можно утверждать, что мимо Татищева не проходила ни одна книжная новинка, появлявшаяся в то время в России.

Подарив первую библиотеку Екатеринбургу, Татищев, естественно, продолжал приобретать необходимые ему книги. В 1743 г., сообщая в одном из писем о продолжении работы над «Историей Российской...», Василий Никитич отметил, что уже «собрал число книг более 1000». Доктор Лерх, посетивший Татищева в октябре 1745 г. в Астрахани, вспоминал потом, что губернатор имел «большую библиотеку из лучших книг»¹⁰.

Очень активно Татищев собирал книги и в своем имении Болдино, где он провел последние пять лет своей жизни (1746—1750 гг.). Переписываясь с Шумахером, Татищев буквально забросал его просьбами о книгах:

«Ноне прошу вас, государь, прислать мне роспись книгам продажным, печатанным при Академии, да Буксбаума ботанические все книги, и весьма бы изрядно было, ежели оные иллюстрированы были» (апрель 1745 г.).

«Прошу, как выписанные для меня книги привезут, немедля ко мне прислать» (май 1746 г.).

«Я весьма присланным от вас книгам новой печати удовольствовался» (август 1747 г.)¹¹.

Судьба второй библиотеки Татищева оказалась трагической. Очевидно, часть ее погибла во время пожара в селе Грибаново, где хранились многие его рукописи и книги. Другая часть библиотеки и архива находилась в Москве, в доме сына Василия Никитича — Евграфа. Но, как заметили современники, сын был «очень равнодушен к памяти и заслугам отца». Через одиннадцать лет после

¹⁰ Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, с. 429.

¹¹ «Исторический архив». Т. VI, 1951, с. 245, 317.

смерти В. Н. Татищева в доме его сына обнаружили «большое количество русских книг, большая часть которых истлела и не может быть использована»¹².

Василий Никитич Татищев был не просто страстный собиратель и ценитель книг. Он придавал книгам исключительное значение в истории человечества и наметил свою схему развития всемирно-исторического процесса, содержание которого определялось, по его мнению, «всемирным умопросвещением». Татищев видел способы «умопросвещения»: «первое... обретение письма»; «другое — чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление, чрез которое весьма великое просвещение мир получил, ибо чрез то науки вольные возросли и книг полезных умножилось»¹³.

Последний способ «умопросвещения» Василий Никитич считал важнейшим в истории развития человечества. Ибо «чрез то, оные книги всяк имея способнее к распространению наук многие училища и академии по разным местам устроены и чрез оные большой свет истинного разума открыли»¹⁴.

Как передовой человек своего времени Татищев сокрушался, что «книготиснение» в России «единственно казенное, а вольное не допущено». Он считал, что «... если вольного книготиснения допущено не будет, никак книгам полезным и наукам нужным распространяться невозможно»¹⁵.

Горячо ратовал Татищев и за свободную торговлю книгами, говоря, что «ежели бы книгопродавство допущено было, то б, конечно, более народ пользы имел, нежели ныне...».

---

¹² В. Н. Татищев. История Российская. Т. VII, Л. 1968, с. 35.

¹³ Там же, т. I, Л. 1962, с. 92.

¹⁴ Там же, с. 97.

¹⁵ Там же.

**БИБЛИОТЕКА РОССИИ
В ПАВЛОВСКОМ ДВОРЦЕ-МУЗЕЕ**

Город Павловск некогда был загородной дачей и резиденцией Павла I. Его дворец с прилегающим огромным роскошным парком представляет собой замечательнейший памятник мирового искусства второй половины XVIII и первой четверти XIX столетий.

В проектировании и сооружении Павловского дворца, ныне дворца-музея, в разбивке парка и убранстве помещений участвовала целая плеяда выдающихся архитекторов (Ч. Камерон, В. Бренна, Д. Кваренги, А. Н. Воронихин), скульпторов (И. П. Прокофьев, И. П. Мартос, В. И. Демут-Малиновский), художников и живописцев (П. Гонзаго, А. Мартынов, Д. Скотти), инженеров, а также многих талантливых мастеров самых различных специальностей и профессий.

Вместе с этими знаменитыми деятелями архитектуры и искусства ценный вклад в строительство дворца внес Карл Иванович Росси (1775—1849), гениальный русский зодчий, выдающийся представитель высокой классики в отечественной архитектуре. По его проектам были воздвигнуты неповторимые по красоте памятники архитектуры в Петербурге и других городах России.

С именем Росси связано и строительство библиотечных зданий. Так, в Ленинграде, на площади Островского всеобщее внимание привлекает сооруженный в 1828—1833 гг. великолепный главный корпус Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Для своего времени россияне залы — особенно верхнего этажа здания — представляли собою образцы библиотечных помещений. Многочисленные читатели, книголюбцы не только Советского Союза, но и зарубежных стран, в боль-

Библиотека Росси в Павловском дворце-музее

шей или меньшей степени осведомлены об этой замечательной сокровищнице знаний из имеющейся обширной литературы.

Однако мало кто, даже из числа библиотечных работников, знает, что несколько ранее (1822—1824) Росси построил библиотеку в Павловском дворце. Один из биографов Росси, В. Панов, относит ее к числу самых крупных сооружений дворца.

Видный знаток Петербурга и его окрестностей В. Я. Курбатов писал, что в XVIII в. книги располагались не только по всем комнатам Павловского дворца, но и по всем павильонам парка. Пожар 1803 г. уничтожил значительную часть книг. После этого печального события, произведшего большое впечатление, приказано было директору Павловска, генералу Фридрицу построить при дворце особое помещение для библиотеки. Строительство было поручено архитектору Росси.

Перед Росси встали большие трудности: воздвигнуть новый фасад деревянного сооружения в уже существую-

щем комплексе дворца.¹ Предстояло возвести сравнительно тяжелую постройку над легким зданием. И Росси блестяще справился с поставленной задачей. Помещение библиотеки он построил над открытой галереей Гонзаго. Сохранив общий стиль здания, Росси очень остроумно решил проблему фасада. Он поставил пять больших полуциркулярных окон и применил лепной строгий декор стен. У каждого оконного проема перед фасадом были посажены подстриженные липы, а между ними расположены пьедесталы с бронзовыми бюстами.

Внутри библиотека представляла собой большой, слегка изогнутый по кругу светлый зал с высоким сводчатым потолком, расчлененным однотонной росписью, с окнами по одной стене. Три других стены были заставлены высокими, в два яруса, книжными шкафами карельской березы с резными украшениями. В простенках были размещены статуи муз и вазы из порфира и яшмы. Середина зала была занята тремя столами: одним овальным и двумя длинными прямоугольными со шкафчиками, великолепной бронзовой чернильницей, корзиночками из слоновой кости, семейными сувенирами. Под окнами стояли витрины и стулья из волнистой березы с резьбой, окрашенной под бронзу. Дверь напоминала книжный шкаф.

Вся мебель — шкафы, витрины, столы, стулья, а также вазы, люстры, канделябры, настольные украшения, изготовленные по рисункам Росси, придавали библиотеке парадный вид.

Библиотека Павловского дворца возникла на основе дорожной библиотечки Екатерины II, которая подарила ее своему сыну Павлу I. В библиотеке было представлено чуть ли не все, что печаталось на Западе и в России во второй половине XVIII и в первые десятилетия XIX в., — художественная литература, исторические исследования, путешествия, мемуары...

Кроме книг, библиотека располагала собранием гравюр, чертежей, рисунков и фондом рукописей. По данным В. Я. Курбатова и других авторов, в библиотеке хранилось 7097 названий книг в 20 895 томах, 1354 листа чертежей и оригинальных рисунков, 1294 гравюры и 454 рукописи (62 церковно-славянского допетровского письма, 392—XVIII—XIX вв.) и 57 связок разных исторических материалов.

Книги небольших форматов размещались в верхних ярусах шкафов, а в нижних — стояли фолианты: атласы, папки с чертежами, гравюры, альбомы рисунков. Фонд был расставлен в систематическом порядке по 22 отделам весьма примитивной схемы: 1. Математика. 2. Естествознание. 3. Путешествия. 4. География. 5. История России. 6. Новая история. 7. Древняя история. 8. Записки, биографии. 9. История Франции. 10. Религия, нравоучение, воспитание. 11. Искусство и ремесла. 12. Языки. 13. Роман. 14. Археология. 15. Изящные искусства. 16. Древние писатели. 17. Политические науки. 18. Стихотворения. Театр. 19. Словесность. 20. Энциклопедии. 21. Смесь. 22. Собрания сочинений.

Нетрудно понять, что эта схема не представляла ни практического, ни тем более научного интереса даже для своего времени. В ней нет ни логики, ни связей между отделами: здесь смешаны содержания произведений, их формы и жанры. Однако примечательно, что религия отнесена на 10-е место, а не на первое, как это было принято во многих классификациях. Но зато составитель схемы связал религию с «нравоучением», «воспитанием» и тем самым указал, на чем должно зиждиться воспитание.

Теперь посмотрим, какими книгами были заполнены эти отделы.

Писатель и издатель исторического журнала «Русская старина» М. И. Семевский обстоятельно ознакомился с содержанием библиотеки и архива дворца и частично рассказал об этих собраниях на страницах своего журнала и в очерке о Павловске, опубликованном в 1877 г. Некоторые наиболее интересные издания книг, гравюр, альбомов, а также рукописные материалы называет в своем Путеводителе В. Я. Курбатов. В «Сборниках русского исторического общества», в 9 и 15 томах, а также в журнале «Русская старина» за 1873 г., том 8, и 1874 г., тома 9—11, опубликованы рукописные материалы из архива Павловского дворца — письма Екатерины II к Марии Федоровне и Павлу I, дипломатические документы, относящиеся к истории России XVIII в.

Поэтому в нашей заметке ограничимся упоминанием лишь нескольких, наиболее редких и ценных изданий, названных в работах В. Я. Курбатова и М. И. Семевского. Например: «Новый Завет» на французском языке, 1559;

П. Иовий, Н. Герберштейн «Московская летопись, то есть обстоятельное описание, или История могучего и сильного великого князя Московского», Франкфурт на Майне, 1576; Олеарий. «Подробное описание путешествия в Московию и Персию» — представлено двумя немецкими изданиями 1656 и 1663 гг. и опубликованным в Амстердаме в 1727 г. на французском языке.

Весьма любопытна не столько в библиографическом отношении, сколько в историческом изданная в Париже в 1694 г. книга о фортификации. Автор — Вобан, известный маршал Франции, крупный знаток и реформатор военно-инженерного искусства. Описанный экземпляр, о чем свидетельствует собственноручная подпись на его титульном листе, принадлежал Францу Таммерману, учителю математики Петра I.

Большой редкостью является дневник Корба, освещающий события времен стрелецких казней при Петре I. Интересна история и судьба этой книги. Иоганн Корб, секретарь посольства, был послан императором Леопольдом Первым в 1698 г. в Москву к Петру Первому. Здесь он пробыл с 11 января 1698 г. по 27 сентября 1699 г. Все виденное и слышанное в Московском государстве и свои о нем впечатления Корб весьма подробно записывал в дневник, который в 1700 г. опубликовал в Вене на латинском языке. Об этой книге в течение долгого времени знали лишь немногие библиофилы. Дело в том, что по настоянию Московского правительства, усмотревшего в дневнике Корба некоторые оскорбительные записи, большая часть этого издания была уничтожена в 1701 г. Уцелело, как утверждает М. И. Семевский, всего несколько экземпляров, из них в России имелось пять или шесть, причем лучшим и наиболее полным, со всеми 18 иллюстрациями, являлся экземпляр Павловской дворцовой библиотеки. К библиографической редкости, но мало интересной по содержанию, относится книга Манвийона «История Ивана III», вышедшая в Лондоне в 1766 г.

В библиотеке хранилось большое число иллюстрированных изданий, некоторые из них отличались высоким качеством исполнения: труд Фонтана, посвященный описанию Ватикана (Рим, 1694), работа Шейхцера «Священная физика» (Париж, 1732—1737), включавшая более 500 великолепных эстампов на меди. Заслуживают быть

упомянутыми два труда по орнитологии: Одебера и Лейвайлляна. Эти издания, появившиеся в Париже соответственно в 1802 и 1806 гг., ценны тем, что рисунки в них даны в натуральную величину. Интересны работы известного в свое время архитектора, художника и декоратора, внесшего свою лепту в строительство Павловского дворца, — Пьетро Гонзаго. Его книга «Музыка глаз и театральная оптика» представляет известный интерес для специалистов и в наше время.

Собрание гравюр, по мнению крупнейшего знатока и историка гравировального искусства Д. А. Ровинского, не содержало особенных редкостей. Но тем не менее некоторые произведения отечественных и зарубежных художников заслуживают быть названными. Имеется ввиду, например, портрет Жуковского, выполненный Вендрамини, виды Павловска — работа Галактионова, портреты испанской королевской фамилии, исполненные Франческо Гойя, вид инженерного Михайловского замка работы Колпакова. Любопытна гравюра неизвестного художника, изобразившего гулянье 1 мая 1800 г. в Екатерингофе. Гравюра красочна и отпечатана на довольно узкой ленте в несколько метров длиной. Серия гравюр с картин Фрагонара. Несомненный интерес представляет коллекция из более чем тысячи гравированных и акварельных портретов и эстампов, собранных Иоганном Лафатером, отцом физиогномики — так называемой науки о выражении лица.

Известный библиограф Ф. Аделунг составил из этой коллекции в 1826 г. четыре альбома, расположив материал в систематическом порядке.

В первом альбоме подобраны рисунки предметов (религиозных, мифологических, исторических) и изображения людей различного возраста (детей, юношей, мужчин, женщин, стариков). Во втором — изображения различных человеческих страстей. В третьем — разум в его проявлениях. В четвертом альбоме — народные сцены, бытовые картины и т. п.

Гордость библиотеки составлял ее рукописный отдел. В его фондах имелись подлинные монгольские и тангутские молитвенники, латинская Библия XIII в., латинские и немецкие часословы XIV—XVI вв., латинский астрономический календарь. Из старинных рукописей можно

назвать несколько Псалтырей, Октоих XVII в., популярный в том же веке сборник «Пчелка», «Жизнь Александра Македонского» — рукопись XVII в. с рисунками, «Великое зеркало» — собрание разных духовных повестей XVII в., подлинные «Записки о России» (1727—1744) Христофора Манштейна, представляющие собой историю России за время царствования Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны. Записки Семена Порошина о воспитании цесаревича Павла Петровича, письма Екатерины II, письма Жана Ла Гарпа, профессора литературы Парижского лицея, Павлу I и многие другие рукописные материалы.

В библиотеке, кроме книг и рукописей, хранились коллекции редких бабочек, минералов, раковин, гербарии, медали, монеты и слепки с античных печатей.

Такова весьма в общих чертах история и характеристика библиотеки Павловского дворца-музея или, как ее продолжают именовать по сей день, «Библиотека России».

Естествен вопрос, какова дальнейшая судьба библиотеки? В каком состоянии она находится в настоящее время?

В начале 30-х гг. некоторые издания поступили в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оставшиеся материалы в годы временной оккупации Павловска фашистами (1941—1944) были разграблены и вывезены в Германию.

Павловский дворец фашистские вандалы, как известно, при отступлении взорвали. Сильно пострадали и помещение библиотеки и ее оборудование. После войны около 10 тыс. книг были возвращены. К сожалению, невозможно точно назвать число пропавших книг и их названия, так как в библиотеке никогда не существовало никаких каталогов. Нет каталога и сейчас — книги пока упакованы в пачки и хранятся на стеллажах.

Что касается помещения библиотеки России, то оно и его декоративная орнаментальная живопись восстановлены. Временно здесь устраиваются тематические выставки. Одна из последних — «Павловск в искусстве». До этого экспонировались акварели и миниатюры XVIII—XIX вв. из фондов Павловского дворца-музея.

Поиски и находки

КНИГА ЗАГАДОЧНОЙ СУДЬБЫ

В начале февраля 1885 г. на страницах петербургского журнала «Книжный вестник» появилась следующая краткая информация: «В Берлине на днях вышел перевод русского романа г-жи Ланской „Лавры и терния“. Переводчик, скрывая от читателей свой труд по переводу, выдает роман за собственное оригинальное произведение. Такая смелость недобросовестного пользования чужим литературным трудом прикрыта лишь изменением некоторых фамилий действующих лиц, как, например, г-жа Родендрон названа г-жею Дрентельн, Испантьева (Ошибка: следует „Ислентьева“) — Игнатъевой, Тавлеева — Яковлевой, Губмайер — Бурмейстером, генерал Копейкин — генералом Копьевым, Шкловский — Бродским <...>, доктор Шлехт — Шенефельдом и проч. Не знаем, почему переводчик предпочел свои вымышленные фамилии фамилиям, означенным в оригинале, и что побудило его решиться на присвоение чужого литературного труда»¹.

Эта информация могла привлечь внимание некоторых и русских, и немецких читателей того времени, но рассказанная история приобретала явно загадочный и даже скандально-сенсационный характер после того, как эта заметка была полностью перепечатана известным еженедельником П. А. Гайдебурова — с прибавлением всего только одной фразы: «Эти вымышленные имена напротив, имена н а с т о я щ и е; но каким образом они с такой точностью могли быть известны в Берлине, — эта загадка может быть объяснена только тем, что перевод сделан ка-

---

¹ «Книжный вестник», 1885, № 4, 15 февр., с. 138.

ким-нибудь жителем Киева, хорошо знающим его благодетелей в эпоху последней войны»².

Что же это за роман с несколько загадочным названием «Лавры и терния»? Почему привлек он внимание немецкого переводчика, хорошо знавшего изображенные в нем события, относящиеся ко времени русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и связанные с Киевом? Что это за лица, чьи имена претерпели столь странную метаморфозу? И, наконец, что известно об авторе романа «Лавры и терния», той самой «г-же Ланской», имя которой названо было в журнальной информации?

Для того чтобы попытаться ответить на эти и многие другие вопросы, потребовалось обратиться к документам из многочисленных архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Смоленска, Калуги... Нужно было перелистать сотни номеров столичных и провинциальных периодических изданий 1870—1900 гг., таких, как «Неделя», «Смоленский вестник», «Киевлянин», «Заря» и др.

Однако остаются неясными многие обстоятельства, связанные с изданием романа «Лавры и терния» и его судьбой, в том числе и с возможным переводом его на немецкий язык. Более того: потребовалось приложить немалые усилия, чтобы восстановить биографию писательницы, в творчестве которой названный роман был далеко не единственным произведением.

Дело в том, что ее имени нет ни в одной русской энциклопедии, ни в одном справочном издании. Даже С. А. Венгеров, обычно внимательно учитывающий «второстепенных» писателей, ограничился более чем лаконичной справкой:

«Л а н с к а я Н. (Надежда Владимировна Яковлева), беллетристка 1880—1890 гг.»³.

Может быть, литературные труды «беллетристки 1880—1890 гг.» не заслуживали внимания, были случайным эпизодом в ее жизни? Оказывается — нет! Н. В. Яковлева, выступавшая в литературе обычно под псевдонимом «Н. Ланская», начала свою журналистскую деятельность еще в начале 1870-х гг. и продолжала ее до послед-

² «Неделя», 1885, № 10, 10 марта, стб. 396.

³ С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. 3. Пг., 1914, с. 391.

них дней своей жизни, перешагнув семидесятипятилетний рубеж и оставив после себя два романа, несколько сборников повестей, рассказов и очерков и сотни газетных публикаций... Современница крупнейших событий в общественной жизни России и Европы — начиная со второй половины девятнадцатого века вплоть до той поры, когда вот-вот должна была вспыхнуть первая мировая война — Яковлева отличалась ярко выраженным гражданским темпераментом, заставлявшим ее постоянно вступать в борьбу со всякого рода злоупотреблениями, несправедливостями и беззакониями. Она видела в печатном слове действенное средство общественной борьбы, которой отдавала все свои силы и несомненный талант, ярче всего проявлявшийся в обличительных тенденциях ее разнообразного литературного творчества.

Жизнь ее сложилась трудно: выйдя из семьи богатого помещика Калужской губернии, рано лишившись матери, окончив закрытое дворянское учебное заведение, она не получила наследства, которое промотали ее родственники, а когда овдовела, была вынуждена жить главным образом за счет нелегкого труда литератора-газетчика. Последние годы ее жизни были отмечены полным одиночеством и почти нищетой...

Как удалось установить на основании архивных документов, Надежда Владимировна Ланская родилась 23 января (4 февраля) 1839 г. в сельце Игнатьевском Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Она была дочерью довольно богатого помещика, отставного подпоручика Владимира Николаевича Ланского (1796—1857), известного рациональным ведением своего хозяйства. Детство будущей писательницы прошло в обстановке большой семьи — у Надежды Владимировны было двенадцать братьев и сестер: В. Н. Ланской, овдовев в 1827 г., через девять лет женился вторично ⁴.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 24, ед. хр. 312, л. 13. Об отце писательницы см.: С. Яновский. В. Н. Ланской (некролог). — «Земледельческая газета», 1857, № 42, 24 мая, с. 334. См. также: Описание сельского хозяйства В. Н. Ланского. — Там же, 1858, №№ 15 и 16. Состав семьи В. Н. Ланского указан в кн.: «Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу на 1-е октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1895 г. Калужская губерния». Калуга, 1908, с. 50, 51. Калужские дворяне Ланские не имели родства со своими однофамильцами графами Ланскими, равно как и со вторым мужем Н. Н. Пушкиной.

Сельцо Игнатьевское раскинулось на правом берегу живописной речки Лужи, прихотливо извивающейся близ небольшого городка Малоярославца, хорошо известного по событиям Отечественной войны 1812 г. Эти места принадлежат к числу тех очаровательных уголков средней полосы России, откуда вышло немало прославленных деятелей русской литературы. Ранние годы жизни будущей писательницы прошли в близости к родной природе, к крестьянской жизни: именно здесь зародилось большое чувство любви к родине, к народу, к великому русскому языку.

Пробыв некоторое время в частном пансионе губернского города Калуги, Надежда Ланская в 1849—1855 гг. обучалась и воспитывалась в Москве, в закрытом Екатерининском училище для «благородных девиц». Выйдя замуж за воспитанника Московского университета, врача Льва Семеновича Яковлева (1831—1885), она жила то в Орле, то в Мозыре, то в Киеве, а позже в Смоленской губернии, где писательница пережила тяжелую драму — смерть мужа, после чего жизнь ее резко изменилась. Она живет то в Смоленской губернии, у своих близких друзей, то в Старой Руссе, то в родных местах, где имения Ланских находились в полном упадке и вскоре окончательно разорились. Приходит одинокая, неустроенная и необеспеченная старость, и писательница вынуждена испрашивать помощь у Литературного фонда, проживая в Петербурге, в общежитии для нуждающихся литераторов. Последние полтора-два года Н. В. Яковлева-Ланская жила в селе Михайловском, бывшем пушкинском имении, где был учрежден приют для престарелых писателей. Там и закончила она свою жизнь 8 (21) мая 1914 г., найдя успокоение недалеко от могилы великого Пушкина...⁵

⁵ Собранные документально-архивные и другие материалы о Н. В. Яковлевой-Ланской позволяют восстановить основные вехи ее жизненного пути и журнально-литературной деятельности. В результате сплошного просмотра «Недели» за время сотрудничества Н. В. Яковлевой-Ланской в этой газете (с начала 1870-х до конца 1890-х гг.) выявлено несколько сот ее различных публикаций из Мозыря, Киева, Смоленской и Калужской губерний, Старой Руссы и других мест, где она жила или находилась как газетный корреспондент. Эти публикации помогли разысканию ее многочисленных писем к разным лицам (М. В. Ватсон, Д. В. Философов, А. С. Суворин и др.), сведений о ее жизни в смоленском имении, а также о последних днях в Михайловском. Архив писательницы не сохра-

Надежда Владимировна Яковлева-Ланская была активной натурой, жаждавшей действия, живо откликавшейся на запросы общественной жизни той эпохи, которая в памяти старших современников еще хранила воспоминания о героическом порыве первых русских революционеров-декабристов. Как личность она формировалась в обстановке подъема общественного движения, особенно ясно определившегося в грозные шестидесятые годы, когда продолжатели дела декабристов, великие русские революционные демократы, обращались к народу с пламенным призывом бороться за свое освобождение.

Портрет Н. В. Яковлевой

Могучее воздействие идей этой эпохи испытали на себе несколько поколений. Именно в эти годы возрастает значение передовой русской печати, верной демократическим традициям шестидесятников. Среди периодических изданий начала 1870-х гг., принадлежавших к передовому лагерю, не последнее место занимал еженедельник, издававшийся П. А. Гайдебуровым. В «Неделе» печатались статьи известных публицистов-народников П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Особенностью газеты была широкая сеть провинциальных корреспондентов.

С самого начала 1870-х гг. среди местных корреспондентов «Недели» появилась Н. В. Яковлева-Ланская, которая стала помещать на страницах петербургской газеты свои очерки и корреспонденции, сообщавшие о событиях в Мозыре — небольшом городке тогдашней Минской губернии, в котором муж Н. В. Яковлевой-Ланской служил по гражданскому ведомству с 1868 г. Уже некоторые из

них. По сообщению С. С. Гейченко, директора Пушкинского государственного заповедника (с. Михайловское Псковской обл.), Н. В. Яковлева-Ланская была похоронена на кладбище в Святых горах, на так называемой «Тимофеевой горке». Никаких следов могилы не сохранилось.

этих корреспонденций содержали критические выпады против действий местной администрации⁶. В 1871 г. Л. С. Яковлев в результате катастрофы лишился ноги и был вынужден прекратить службу, так что литературная работа была для писательницы серьезным материальным подспорьем в жизни. Начиная с этого времени, Н. В. Яковлева-Ланская становится постоянным сотрудником газеты П. А. Гайдебурова, на страницах которой регулярно печатается в течение долгих лет, вплоть до 1893 г.

В ее корреспонденциях все чаще и настойчивее появляются нападки на всевозможные противозаконные действия местной администрации — об этом свидетельствуют сами заголовки⁷.

В конце 1876 г. супруги Яковлевы переезжают в Киев, где для литературной деятельности писательницы, уже ставшей профессиональной журналисткой с именем, открылись гораздо большие возможности, чем в захолустном Мозыре: Киев был не только центром губернии, городом достаточно интенсивной общественной и культурной жизни, но и важным пунктом в глубоком тылу событий начавшейся в апреле 1877 г. русско-турецкой войны. Через Киев отправлялись за Дунай и далее, за Балканы, воинские части русской армии, обозы и эшелоны с военным снаряжением, амуницией и продовольствием. Обратно возвращались раненые, многие из которых размещались в самом Киеве и его окрестностях, другие отправлялись дальше... Киев был местом, где находились штабные учреждения, отвлекавшие офицеров от участия в войне. Здесь же разворачивалась бурная деятельность интендантов, наживавших баснословные суммы на военных поставках, а также всякого рода финансовых махинациях.

⁶ Причины «прискорбных недоразумений» (письмо из Мозыря). — «Неделя», 1872, № 34, 25 авг., стб. 1274—1276; Конец «прискорбных недоразумений» (письмо из Мозыря). — Там же, № 36, 8 сент., стб. 1339, 1340; Закрытие гимназии в Мозыре (письмо из Минской губернии). — Там же, № 51, 23 дек., стб. 1879, 1880.

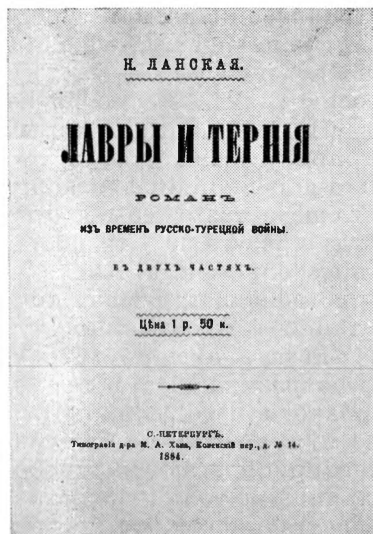
⁷ Беспорядки по набору (письмо из Мозыря). — «Неделя», 1876, № 2, 11 янв., стб. 69—72; Еще о беспорядках по набору (письмо из Мозыря). — Там же, №№ 13—14, 30 мая, стб. 469—471; По поводу мозырских историй (письмо в редакцию). — Там же, 1878, № 12, 20 марта, стб. 433—436.

К темам «мозырских событий» (злоупотребления местной администрации во время рекрутских наборов, от которых за взятки и путем подлогов освобождались некоторые лица из местного населения) писательница возвращалась многократно в ряде своих очерков и корреспонденций.

Факты, сообщенные Н. В. Яковлевой-Ланской в корреспонденциях из Киева, вскрыли вопиющее безобразие, когда тяжелораненные лежали на грязной соломе, а то и прямо на полу в больницах и госпиталях... Несмотря на «опровержения», появившиеся в «Неделе» и в некоторых других газетах, жестокая правда, прикрывавшаяся лжепатриотической шумихой и суетливо-показной «благотворительностью» киевских дам из «высшего света», была предана гласности... Можно без труда представить ту обстановку, в которой находилась писательница в Киеве — особенно с той поры, когда ее авторство в нашумевших корреспонденциях перестало быть тайной. Несомненно, что отъезд супругов Яковлевых из Киева в августе 1878 г. был, по существу, бегством из-за разразившейся над головой писательницы бури «благородного негодования»...

Надежда Владимировна и ее муж уезжают в Смоленскую губернию, где в том же 1878 г. приобретают имение — село Ворытышино. И там писательница не только не оставляет своей боевой литературной деятельности, но, напротив, полностью в нее уходит.

Особенностями сложившегося литературного таланта отличается роман «Лавры и терния», который содержит прямые отголоски событий из киевской жизни писательницы, выведенной здесь как Анна Николаевна Тавлеева. В романе показана целая галерея лиц, которых читатели-киевляне узнавали под прозрачными именами-масками, причем среди них были самые крупные представители городской знати. Достаточно сказать, что в числе персонажей романа, изображенных отнюдь не идилически, находились Варвара Романовна Родендрон и ее супруг, которого все называют «наш Егор Егорович» — это Александр Романович Дрентельн (1820—1888) — генерал-адъютант, назначенный в 1872 г. на пост командующего войсками Киевского военного округа. Более того, после окончания русско-турецкой войны (во время которой он был начальником военных сообщений русской армии) А. Р. Дрентельн в 1878—1880 гг. был шефом жандармов и начальником Третьего отделения. В то время, когда «Лавры и терния» вышли в свет и роман с особенным интересом читали киевляне, А. Р. Дрентельн снова появился в Киеве как командующий войсками Киевского военного округа и Киевский, Подольский и Волынский ге-

Титульный лист книги
«Лавры и терния»

ных имений не только в разных местах России, но и в Италии⁸.

Заслуживает внимания персонаж романа, носящий имя «барона Шкловского», в лице которого изображен один

⁸ См.: «Русский биографический словарь. Т. «Дабелов-Дядьковский». Спб., 1905, с. 680—686. Ср.: С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. М., 1960, с. 136—139. Об А. Р. Дрентельне и его деятельности в Киеве имеются сведения в ряде мемуаров, напр.: Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила. Киев 1910, с. 106—116 («Александр Романович Дрентельн»). Автор этих воспоминаний — С. Г. Ярон. См.: А. И. Живоглядов. Несколько слов по поводу воспоминаний старожила (Сергея Григорьевича Ярона) «Киев в 80-х годах». Киев, 1910.

⁹ См.: «Русский биографический словарь», указ. том, с. 209. См. также: Памяти П. П. Демидова. Спб., 1885.

В 1871—1876 гг. П. П. Демидов, князь Сан-Донато, был киевским городским головой, а во время войны — чрезвычайным представителем Санкт-Петербургского Красного Креста в Киеве. Появившийся на страницах киевской газеты некролог рисует его человеком отзывчивым, но легковерным. См.: «Киевлянин», 1885, № 15, 18 янв., с. 2.

Любопытная характеристика этого лица содержится в книге: «Наши знакомые». Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик... Вл. Михневича. Спб., 1884, с. 73.

нерал-губернатор. На этом посту он оставался до конца жизни, оставив по себе в Киеве память ревностного администратора⁸.

Любопытна фигура другого представителя киевской знати, выведенного под именем «графа Монте-Кристо» — еще молодого, но основательно подорвавшего силы светского льва. Это — хорошо известный в Киеве той поры далекий отпрыск знаменитого русского промышленника Демидова, получивший очень сложным путем итальянский княжеский титул, — Павел Павлович Демидов князь Сан-Донато (1839—1885). Он являлся владельцем сибирских и уральских рудников и заводов, а также обшир-

из сыновей известного миллионера Израиля Бродского. Его сын Лев Бродский («барон Шкловский») — крупный банковский деятель, член правления различных промышленных и торговых предприятий, главный акционер крупнейшего на юге России Александровского товарищества сахарных заводов. Это был один из тех ловких и предприимчивых дельцов, которым война приносила колоссальные прибыли. О Лье Бродском поговаривали, что он водил дружбу с одним из представителей императорской фамилии, принцем Константином Петровичем Ольденбургским, известным прожигателем жизни, и ссужал его деньгами, которые тот «забывал» ему возвращать¹⁰.

Таковы лишь некоторые лица из числа хорошо известных в Киеве (а подчас и не только в Киеве) представителей военной администрации, аристократической знати и крупных предпринимателей, изображенных на страницах романа столь верно, что их без труда узнавали читатели «Лавров и терний» — разумеется, в первую очередь, киевляне. Вскоре после выхода романа появилась небольшая статья, написанная одним из жителей Киева, И. И. Ханенко, который хорошо знал изображенные писательницей события и без труда узнал, хотя, по вполне понятным соображениям, и не раскрыл в своей статье, подлинных лиц в персонажах романа. Впрочем, весьма характерно, что И. И. Ханенко совершенно определенно называет книгу «Любопытными мемуарами» и говорит о романе «... Тут совсем нет вымысла, а литературное достоинство обуславливается только правдивостью». Отмечая полное сходство персонажей романа с подлинными лицами («как не угадать киевского старца Амброжевича с его пятницами, и камер-юнкера Огрызкова, и барона Шклового?»), автор статьи подчеркивает: «Нельзя не сознаться, что обличительная сторона романа „Лавры и терния“ подтвердилась на деле: некоторые из тех, кого изображает чуждая вымысла хроника, действительно сели на скамью подсудимых»¹¹.

¹⁰ С. Ю. Витте. Указ. соч., Т. 1, с. 164, 165, 178, 179; т. 3, с. 659, 660.

¹¹ Любопытная книга. — «Русский архив», 1884, кн. 3, с. 184—187. Подпись: И. Х. как псевдоним И. И. Ханенко раскрывается в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масановым.

Обрисовка отдельных персонажей романа, наделенных легко угадывавшимися приметами конкретных лиц, составляет, несомненно, одну из сильных сторон «Лавров и теркиев», причем писательница обнаруживает талант тонкого наблюдателя-сатирика. Таков судья Роман Петрович Кубаркин, «представитель славянской идеи» в масштабах уездного городка, «отличавшийся большим, почти славянофильским патриотизмом».

Изображая тип либерального болтуна уездного масштаба, писательница совершенно определенно показывает истоки его псевдопатриотической фразеологии, заимствованной из официозной прессы, задававшей тон в Москве и Петербурге и пытавшейся отвлечь общественное внимание от наболевших вопросов русской действительности, играя на искреннем сочувствии славянским народам балканских стран в их борьбе с турецкими угнетателями.

Едва ли не самая уничтожающе острая характеристика дана на страницах романа тому, кто назван «бароном Шкловским», олицетворявшим собой могущественных капиталистических хищников. Однако сколь ни правдивы и сколь ни сильны характеристики «героев» романа, в силу чего он приобрел по выходе такой жгучий интерес у современников, особенно у свидетелей и участников описанных событий, — этими особенностями отнюдь не исчерпывается значение «Лавров и теркиев».

Эта сторона романа с течением времени утратила свое значение. К тому же, нельзя забывать и того, что многие обличительные страницы, изображавшие отдельных «героев», были, несомненно, своеобразным выражением оскорбленного самолюбия. Роман мог бы так и остаться фактом личной биографии автора, которому удалось свести личные счеты со всеми этими графами и баронами, генералами и дамами-благотворительницами.

Однако есть в «Лаврах и терниях» нечто такое, что придает им не только по-газетному злободневный отклик на конкретные события с удачными филиппиками против подлинных участников этих событий, но и сообщает «роману-хронике» несомненно широкий общественно-политический смысл. Это делает книгу Н. В. Яковлевой-Ланской безусловно интересным явлением своего времени, заслуживающим пристального внимания. Речь идет о совершенно отчетливой демократической позиции автора, сказыва-

вающейся в общей оценке событий изображаемой исторической эпохи.

Так, размышляя об увиденном, писательница показывает, кому достались лавры, а кому — терния.

После всего, что сказано о содержании романа «Лавры и терния», легко представить себе, какое впечатление произвела эта книга по выходе в свет. Сообщение о появлении перевода книги на немецкий язык, сорвавшее все прозрачные «маски», еще более усилило это впечатление, придав ему характер настоящей сенсации. Однако и у оригинала, и у перевода сложилась странная судьба. В печати того времени появилось несколько откликов на роман — пожалуй, наиболее интересным из них была упомянутая статья И. И. Ханенко, отмечавшая точное соответствие подлинным событиям.

Но обследование мемуаров, относящихся к Киеву того периода, не обнаружило никаких откликов на роман. Отзывы столичной критики были эпизодическими и сдержанными. Конечно, это в значительной мере объясняется характером эпохи, в которую общественное внимание привлекали более значительные события, чем выход в свет «скандального» романа. Отголоски залпов русско-турецкой войны заглушались эхом выстрелов народовольцев: убийство шефа жандармов Мезенцева (и последовавшее неудачное покушение на его преемника, «киевского» Дрентельна), покушение Веры Засулич и взрыв в Зимнем дворце, убийство харьковского губернатора князя Крапоткина и, наконец, императора Александра II — это события, непосредственно предшествовавшие появлению «Лавров и терниев». Заканчивалась героическая эпопея «Народной воли», в России наступала пора реакции.

С целью выяснения обстоятельств, связанных с романом «Лавры и терния», пришлось обратиться к киевским газетам того времени. Внимание привлекла короткая, всего в несколько строк, информация о том, что в первых числах марта 1885 г. германский генеральный консул в Киеве, барон Мюнхгаузен, был забаллотирован на выборах в члены Киевского Дворянского клуба. В связи с этим событием четыре члена клуба демонстративно вышли из его состава, что потребовало дополнительных выборов¹².

¹² «Киевлянин», 1885, № 52, 6 марта, с. 2. Ср.: — «Заря» (Киев), 1885, № 54, 8 марта, с. 2 (отд. «Хроника»).

Скандалное происшествие в Киевском Дворянском клубе точно совпало по времени с появлением перевода «Лавров и терниев», в котором были сорваны «маски» со многих именитых киевских дворян... Естественно возникает вопрос: а нет ли связи между этими событиями? Ведь вполне уместно предположить, что или германский генеральный консул в Киеве имел сам отношение к переводу, или же — что, забаллотировав его, киевское дворянство тем самым выразило свое отношение к лицу, представлявшему державу, в столице которой появился «оскорбительный» перевод. Пока что прямых доказательств справедливости этой гипотезы нет, но ее правомерность едва ли может быть оспорена.

Но здесь необходимо обратить внимание на одно чрезвычайно важное и даже загадочное обстоятельство... Дело в том, что единственным источником сведений о наличии перевода на немецкий язык остается сообщение «Книжного Вестника», перепечатанное в «Неделе» с весьма существенным уточнением. В «Книжном Вестнике» не указано, откуда почерпнута информация и, кроме того, не сообщается ни имя переводчика, ни даже название книги в переводе (вполне возможно, что оно отличается от заглавия оригинала). Говорится о том, что немецкий переводчик не указал оригинала, а также не сообщил имя автора... Все это, конечно, крайне затрудняет возможность разысканий, которые автор статьи продолжает сам и принять участие в которых призывает читателей статьи...

Несмотря на предпринимавшиеся весьма энергичные усилия, до настоящего времени не удалось не только разыскать самый перевод романа на немецкий язык, но — даже найти ссылку на этот перевод в библиографических указателях! Ни немецкого перевода, ни даже сведений о нем нет в крупнейших книгохранилищах нашей страны, в том числе и в Государственной Публичной библиотеке СССР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина с его отделом «Rossica» — фондом сочинений иностранных авторов о России. Были обследованы библиографии германских книг, имеющихся в библиотеках нашей страны, но сведений о переводе книги русской писательницы найти не удалось.

Наконец, я обратился за помощью к специалистам Германской Государственной библиотеки (Берлин), которые проделали немалый труд — обследовали четыре круп-

нейших берлинских газеты («Neue Preußische Zeitung», «Berliner Zeitung», «Berliner Börsen-Zeitung», «Vossische Zeitung») за январь-март 1885 г., когда там могли появиться какие-либо отклики или упоминания о переводе... Результат тот же самый — ни единого слова. Работники Германской Государственной библиотеки прибегли к помощи своих коллег из Германской Академии наук в Берлине (Институт славистики) — опять ни слова не удалось найти о переводе...

Все это выглядело столь загадочно, что совершенно естественно возник вопрос: а был ли перевод? Другими словами: не было ли сообщение о нем своеобразной мистификацией, которая понадобилась лишь для того, чтобы назвать подлинные имена «героев» романа и тем самым предать их публичному осмеянию, более того — осуждению и поношению?! Ведь в арсенале средств, которыми искусно пользовалась русская печать, наряду с «эзоповским языком», всякого рода намеками и полунамеками и прочими ухищрениями, хорошо известными историкам журналистики и литературы, подобная мистификация вполне возможна.

Но этим не исчерпываются загадочные обстоятельства, связанные с романом. Дело в том, что роман «Лавры и терния» сохранился в совершенно ничтожном количестве экземпляров. Более того, в силу каких-то неизвестных причин он не попал даже в такие крупнейшие дореволюционные библиотеки России, как Императорская Публичная библиотека в Петербурге и Библиотека Румянцевского музея в Москве, — а ведь эти библиотеки получали обязательный экземпляр русских книг. И это при тираже в две тысячи экземпляров, которым были напечатаны «Лавры и терния».

Когда отмечалось 25-летие русско-турецкой войны 1877—1878 гг., то автор одной обширной и весьма содержательной статьи, посвященной отражению событий войны в русской печати, по собственному признанию, не смог «достать и прочитать» роман Н. В. Яковлевой-Ланской и был вынужден ограничиться только теми сведениями, которые содержались в статье И. И. Ханенко¹³.

¹³ Вл. Апушкин. Война 1877—1878 гг. в корреспонденциях и романе. — «Военный сборник», 1903, кн. 6, с. 194—196.

В настоящее время в книгохранилищах СССР удалось выявить только два экземпляра: один в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (приобретен в 1960 г.), другой — в Киеве, в Центральной научной библиотеке Академии наук Украинской ССР. При этом надо иметь в виду, что достоверных сведений о запрещении романа «Лавры и терния» после издания нет: он не указан в известном исследовании Л. М. Добровольского, в котором собраны материалы по истории русской запрещенной книги за восемьдесят лет, от восстания декабристов до 1905 г.¹⁴

В чем же дело? И снова возникает предположение — на этот раз о том, что тираж романа был скуплен теми, кто был задет в «дерзком сочинении», и — уничтожен... Например, таким деятелям из числа «оскорбленных», как пресловутый «барон Шкловский», или «граф Монте-Кристо» с их богатствами и связями подобная акция была вполне посильна. Может быть, такая же участь постигла и перевод? Если такой перевод был — приходится повторить еще раз...

Может быть, эта статья заинтересует специалистов-книговедов и библиографов... Возможно, экземпляры загадочной книги русской писательницы найдутся еще в каких-либо государственных библиотеках или личных собраниях. Я стремился воссоздать в некоторой степени жизненный и писательский облик автора романа «Лавры и терния», который, думается, заслуживает внимания современных историков русской литературы, журналистики, общественной мысли.

---

¹⁴ Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. В некрологе, появившемся после смерти писательницы, указывалось: «За роман из русско-турецкой войны „Лавры и терния“ покойная была лишена пенсии, оставленной ей после покойного мужа» («Исторический вестник», 1914, т. 136, июнь, с. 1183). Проверить достоверность этого указания не удалось, но вполне возможно, что оно основано на некоторых слухах, связанных с тем, что писательница не раз привлекалась к судебной ответственности за свои выступления в печати.

ОДА КНИГЕ

*И книжному искусству вразумил.
А. Пушкин*

1

Книги пахнут временем
И тленьем,
А на их источенных
Страницах
Тленью неподвластное
Хранится.
Прахом, пылью полоч,
Прелью талой
Пахнут книги... Славой и опалой!
Дымом, боем,
Марсианской трассой,
Новизной
И типографской краской!

2

Библиотечные залы, —
Соборная тишина —
Как замершие вокзалы,
Где справочная не нужна,
Где разберутся сами
Эпохи, как их не дурили б,
В пергаменте и сафьяне,
Картоне и ледерине,
Здесь, где, как в колумбарии,
Рядом, разнясь лишь посудой,
Кумиры стоят и парии,
Только векам подсудные,
Здесь, где шаги, как шествие,
Шепот, как зов пророческий,
Шелест страниц — торжественней
Грохота смертных почестей.

3

Вы думаете — книжные шкафы
Молчат, а книги дремлют втихомолку?
И никогда на ваших книжных полках
Движения не замечали вы?
И не бывало, чтобы фолиант,
Сверкающий, как божий лик в окладе,
Вдруг утром оказался где-то сзади,
За тощей книжкой, ставшей в первый ряд?
И чтоб она, одеждою бедна,
Судом времен от горя и забвенья
Отторжена, вельможных сочинений
Насущнее вам стала, — в рост видна?

4

Талант! А что же он по сути
Такое? Божий дар? Огонь?
Где нарекают им? Кто судьи
В определении икон?
Гул восхищенья голосует!
А если — тихо, гула нет?
В счастливом случае рассудят!..
В чем этих случаев секрет?
Без них талант скорее странность,
Нелепость, рожа среди лиц,
Да крест семьи, да безымянность
Мышам доставшихся страниц!

5

Встаньте, прошу вас!
Почтим молчанием
Рукописи,
книгой не ставшие,
Спаленные авторами
в отчаянии
Иль убиенные
их не писавшими.

6

Монах в обличье водяного,
Об истину точивший слово,

8

Книги, сожженные книгоубийцами на кострах,
Книги, сраженные пламенем
бомб и времянок,
Носит еще где-то по свету ветер
ваш прах,
Книги, погибшие смертью
солдат безымянных.
Памятник надо поставить,
по совести, вам.
Время идет, все отчетливей
к лучшему сдвиги...
Но в назиданье иным
неразумным векам
Памятник нужно поставить —
«Замученной Книге»!

9

Вы, что в мýке писаны,
Для добра,
Исступленьем истинного
Пера!
В вас дорогой вечности
Держит путь
Совесьть человечества —
Наша суть.

10

Темным-темно. Полночная свобода.
Я славлю книгу! Я пишу ей оду.
По черным окнам ламп
склоненных блики.
Вы спать легли. Вы отворили книги...
Я славлю книгу, ту, что этой ночью
Спасает вас в любом
из одиночеств.
Я славлю книгу! Оду ей пишу.
Я вашего сочувствия прошу.

ПЕРВАЯ В МИРЕ

Прозрачным сентябрьским полднем 1931 г. из красного здания ленинградской типографии «Профинтерн», что находилась на Екатерингофском канале, вышел высокий, крепко сбитый человек. Тяжелые пачки книг пригибали его к земле, оттягивали руки. Было не по-осеннему солнечно. Но человек не замечал, казалось, ни тяжелой ноши, ни полуденной жары. Энергичной походкой он направился к ближайшей трамвайной остановке. Путь предстоял неблизкий — в центр города.

Приехав домой, человек нетерпеливо распаковал одну из пачек, отсчитал тридцать экземпляров книжки, обложку которой украшали портрет высоколобого старика в простых очках и изображение ракеты. Задумчиво, словно взвешивая, подержал отсчитанные книжки в руках, а затем, завернув их в плотную бумагу и заклеив бандероль, написал адрес: Калуга, улица Брута, дом 81. Константину Эдуардовичу Циолковскому.

Драгоценная посылка в тот же день ушла в Калугу, где ее давно ждали. В посылке находилась первая в мире книга, посвященная серьезному научному анализу трудов Циолковского. Автор книги, профессор Ленинградского института инженеров путей сообщения Николай Алексеевич Рынин, был счастлив благополучным завершением давнего труда. Возвращаясь с почтамта пешком, специально немного в обход, он уже не спеша шагал тихой, зеленой набережной Крюкова канала и восстанавливал в памяти историю почти двадцатилетнего творческого общения с Константином Эдуардовичем.

Знакомство профессора с работами изобретателя из Калуги произошло в самом начале века. Выходец из про-

винции, из Симбирска, Рынин упорным трудом, талантом и невероятной энергией добился получения высшего образования и возможности заниматься научной деятельностью. Поэтому он с пониманием и сочувствием относился к изобретателям-самоучкам, тем, кто, не щадя своих сил и скудных средств, отдавал все любимому делу.

В статьях и книжках Циолковского его привлекала разносторонность ученого и мыслителя. Рынин хорошо помнил, как, раскрыв однажды один из номеров «Научного обозрения» за 1903 г., был поражен необычным названием статьи Циолковского — «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Исследование мировых пространств! Что это — фантазия или строгий инженерный расчет?

Рынин прочитал статью с волнением. Затем еще и еще раз, уже с карандашом в руках.

В 1911 г. в институте по настоянию Рынина была организована лаборатория аэромеханики. Профессор мечтал создать при лаборатории образцовую библиотеку, состоящую из книг по воздухоплаванию. Тогда же он написал Циолковскому в Калугу — просил изобретателя прислать для библиотеки, если возможно, все его работы. Так началось заочное знакомство с человеком, другом и единомышленником которого Николай Алексеевич Рынин станет очень скоро.

Исследователи жизни и творчества Циолковского предполагают, что Циолковский и Рынин могли встретиться и познакомиться лично в апреле 1914 г. в Петербурге на III Всероссийском воздухоплавательном съезде¹. Рынин был заместителем председателя съезда и, конечно же, знал об участии в его работе Циолковского. Друг и помощник Циолковского Павел Павлович Каннинг от его имени читал на съезде доклад о цельнометаллическом дирижабле. К сожалению, документальные данные о возможных встречах и беседах Циолковского и Рынина пока не отысканы.

После Великой Октябрьской социалистической революции Николай Алексеевич Рынин нашел истинное при-

¹ Б. М. Цирков. Научные связи К. Э. Циолковского и Н. А. Рынина. — Труды 2-х чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М., 1968, с. 52. Вл. Львов в повести «Циолковский в Петербурге» описывает встречу Циолковского и Рынина. — Вл. Львов. Загадочный старик. Л., 1977, с. 204—213.

ложение своей неистощимой энергии. Советская республика кровно была заинтересована в создании мощного воздушного флота. Фундаментальные знания и разносторонний опыт профессора оказались крайне необходимыми. В двадцатых годах появилось немало книг Рынина, посвященных различным проблемам воздухоплавания. Книги выходили на серой бумаге, ничтожными тиражами и тотчас же исчезали с прилавков: по этим книжкам учились авиаторы и авиационные инженеры, их с увлечением читала молодежь. Не случайно поэтому многие из них ныне практически не находимы. Мне довелось видеть список лакун Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В списке оказалось несколько книг Рынина, изданных в послереволюционные годы.

На моем рабочем столе лежит одна из книг этого периода — «Измерительная перспектива и ее применение в аэрофотографии», Петроград, 1918 г. Книга уникальна — это одна из первых работ по аэрофотосъемке².

В 1924 г. возобновилась переписка с Циолковским, а спустя два года у Рынина возникла мысль о невероятном для того времени издании — энциклопедии «Межпланетные сообщения».

Со свойственными ему энергией и упорством Николай Алексеевич Рынин приступил к осуществлению задуманного. Энциклопедия должна была состоять из трех томов, каждый из которых включал бы три выпуска. Один из выпусков, по замыслу Рынина, целиком посвящался Циолковскому.

6 июня 1926 г. Рынин сообщает Циолковскому о своем намерении написать о нем книгу. «Я сейчас пишу историю развития полетов — большой труд (листов 30!) и очень желал бы отдать должное Вашим работам в области межпланетных сообщений. Прочитав и изучив все доступные мне Ваши труды (7 назв.), я составил краткое изложение Вашей теории и Ваших результатов... Не откажите в любезности сообщить, не встретится ли с Вашей стороны возражений к упомянутому мной намерению»³.

---

² В моем собрании хранилось несколько работ Н. А. Рынина. Часть их подарена мною Музею истории космонавтики в Калуге.

³ Письма Н. А. Рынина к К. Э. Циолковскому. Архив АН СССР, ф. 555, оп. 4, ед. хр. 548, л. 4, 5.

Менее чем через неделю, 11 июня 1926 г., Циолковский пишет Рынину: «Посылаю Вам свои автобиографические сведения... Против Ваших добрых намерений я разумеется ничего не имею и благодарю за них...»⁴.

Работа над книгой шла медленно и трудно. Параллельно Рынин собирал материал для первых двух выпусков первого тома энциклопедии — «Мечты, легенды и первые фантазии» и «Космические корабли в фантазиях романистов». Они увидели свет уже в 1928 г.

Начав писать о Циолковском, Рынин понял, что изученных им семи работ ученого мало. Он углубляется в труды Циолковского. Вот их изучено уже двадцать, двадцать пять, пятьдесят. Теперь, пожалуй, можно продолжить.

Весной 1927 г. был завершен первый вариант рукописи. Кипа исписанной бумаги лежала на столе профессора, а он все не решался передать написанное в издательство. Ему казалось, что чего-то в рукописи недостает: может быть, большего приближения к трудам Циолковского? Тогда же, в мае 1927 г., он пишет в Калугу: «В настоящее время мною закончена в рукописи посвященная Вам и Вашим работам книга. Прежде чем изыскивать способы издания этой книги, я считаю своим долгом обратиться к Вам с просьбой.

1) Разрешите ли Вы посвятить Вам эту книгу?

2) Указать условия, на которых в этой книге могли бы быть сделаны перепечатки из Ваших книг, заключающих теорию полета ракет...»⁵.

Циолковский, как всегда, без промедления отвечает: «Издавая Вашу книгу, Вы делаете очень хорошее дело. Осветить, с точки зрения ученого, ракетный вопрос крайне важно.

1) Посвящение мне книги может быть для меня только лестно.

2) Без всяких условий Вы можете перепечатать из моих работ все, что находите нужным»⁶.

---

⁴ Н. А. Рынин. Русский изобретатель и ученый Константин Эдуардович Циолковский. Его жизнь, работы и ракеты. Л., 1931, с. 8.

⁵ Письма Н. А. Рынина к К. Э. Циолковскому. Архив АН СССР, ф. 555, ед. хр. 548, л. 17.

⁶ Письма К. Э. Циолковского к Н. А. Рынину. Архив АН СССР, р. 4, оп. 14, № 209, л. 76.

Столь доброжелательный ответ успокоил бы, наверное, самого требовательного автора. Но Николай Алексеевич привык работать основательно. Он решает направить рукопись на обсуждение во Всесоюзную Ассоциацию натуралистов.

Проходят месяцы. Минуло полгода, а вестей от Ассоциации нет. Наконец Рынин узнает, что рукопись обсуждалась, одобрена, однако окончательного решения о публикации не принято.

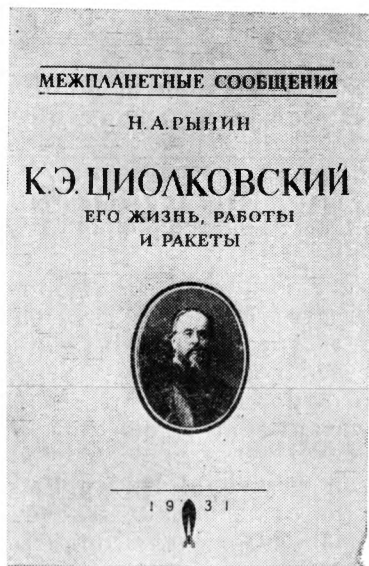
Только через полтора года в Ленинград, на Коломенскую улицу пришли хорошие вести. Необходимые исправления и дополнения в рукопись внесены. 24 октября 1930 г. Рынин извещает Циолковского: «После долгих хлопот удалось, наконец, получить разрешение и сдать в типографию книгу о Вас. Печатание на свой счет и в долг»⁷.

Не спешите удивляться, дорогой читатель! Книга Рынина о Циолковском, действительно, была издана за счет автора. Полной суммы денег, необходимых для оплаты бумаги и типографских работ, у Николая Алексеевича не нашлось, и он занял деньги у своих коллег и друзей.

Почему же так получилось? Почему заботы об издании книги и расходы, связанные с этим, не приняло на себя какое-либо издательство? Сегодня, когда имя Циолковского у всех на устах, когда даже дошкольники знают о гениальном ученом — отце космонавтики, отказ издательства того времени от предложений профессора Рынина кажется странным и удивительным. Но... велика сила инерции. В двадцатые годы находились еще издатели и даже ученые, которые не понимали значения работ великого мечтателя для будущего. Друг Циолковского, знаменитый советский ученый Александр Леонидович Чижевский в своих воспоминаниях «Вся жизнь» рассказывает, каких усилий стоило отстоять приоритет Циолковского в области теории реактивного движения. Как-то в одной газете была помещена заметка о зарубежных ученых-ракетчиках Оберте и Годдарде. Чижевский позвонил в редакцию и попросил дать сообщение о трудах Циолковского. Сотрудник газеты обещал проконсульти-

---

⁷ Письма Н. А. Рынина к К. Э. Циолковскому. Архив АН СССР, ф. 555, ед. хр. 548, л. 19.

Титульный лист книги
Н. А. Рынина

роваться со специалистами. Через несколько дней он сообщил Чижевскому: «Мы навели справки в авиационных кругах. Наиболее крупные специалисты считают, что вопрос о ракетах — вопрос нелепый»⁸.

Николай Алексеевич Рынин, бесспорно, проявил мужество ученого и гражданина, пошел на моральный и материальный риск, когда принял решение за свой счет издать написанную им книгу о трудах Циолковского. Большой ученый, организатор науки, он видел дальше многих своих современников, продолжавших считать утопией задачу создания космической реактивной техники.

Посылая последний вариант рукописи Циолковско-

му, он просил ученого внести в нее все исправления и изменения, какие найдет нужным сделать, чтобы он мог внести эти изменения в корректуру. И сообщал: «Книга будет по выходе в свет продаваться по себестоимости и без авторского гонорара»⁹.

Циолковский, прочитав рукопись, сделал лишь минимальные поправки и уточнения, но благодарность его профессору Рынину была столь огромной, что он, казалось, не находит слов, чтобы выразить ее далекому другу и единомышленнику. В конце октября он пишет в Ленинград: «Ваше великое сердце будет оценено потомством... Ваши прекрасные труды и благородство Ваших чувств создадут Вам бессмертное имя»¹⁰.

⁸ А. Л. Чижевский. Вся жизнь. М., 1974, с. 103.

⁹ Письма Н. А. Рынина к К. Э. Циолковскому. Архив АН СССР, ф. 555, ед. хр. 548, л. 19.

¹⁰ Письма К. Э. Циолковского к Н. А. Рынину. Архив АН СССР, р. 4, оп. 14, № 209, л. 85.

Что же представляет собой книга Рынина о Циолковском? Уже в предисловии к ней автор подчеркивал приоритет ученого в создании теории реактивного движения. «Настоящий 7-й выпуск, посвященный жизни и трудам К. Э. Циолковского, — писал Рынин, — выходит в серии „Межпланетных сообщений“ потому, что работы К. Циолковского в этой области являются весьма обширными, он первый дал теорию полета космической ракеты...»¹¹.

Отдавая свою книгу на суд читателю, ученым-специалистам, поборникам и недругам развития космонавтики, Рынин понимал, что ему как современнику Циолковского, может быть, не все удалось рассмотреть с достаточной полнотой («большое видится на расстоянии»), но в одном ученый был уверен твердо: такая книга своевременна, она столь же нужна будущему науки, сколь необходима ее истории. «Хотя современникам вообще трудно дать правильную оценку работ и описать жизнь человека, выделяющегося из общего уровня, — замечал Рынин, — однако, нам казалось, что описание его жизни и главнейших работ было бы интересно уже и теперь, хотя бы оно по указанной выше причине было и не совсем полно и объективно.

Издание этой книги приурочивается к наступающему в 1932 г. 75-летию со дня его рождения»¹².

Книга «Русский изобретатель и ученый Константин Эдуардович Циолковский. Его жизнь, работы и ракеты»¹³ содержит пять глав. В первой автор дает общую оценку научной деятельности Циолковского, сопровождая ее насыщенной интересными подробностями автобиографией ученого. В приложении к первой главе приводится перечень печатных работ и рукописей Циолковского.

Вторая глава посвящена обзору главнейших работ ученого по аэродинамике, дирижаблестроению и авиации.

Третьей главе, которая носит название «Ракеты К. Э. Циолковского», предпослана специально написанная Циолковским вводная статья. Содержание этой главы

¹¹ Н. А. Рынин. Русский изобретатель и ученый Константин Эдуардович Циолковский. Его жизнь, работы и ракеты. Л., 1931, с. 3.

¹² Там же, с. 5.

¹³ Тираж книги Рынина — 1000 экз. Она давно уже стала библиографической редкостью.

не может оставить безучастным и современного читателя. Без волнения невозможно знакомиться с чертежами составной пассажирской ракеты... 2017 г., читать об остроумном решении Циолковским системы жизнеобеспечения космического корабля, предусматривающем даже создание на нем оранжереи.

Ядром книги несомненно является четвертая глава — «Теория полета ракеты». С аналитическим блеском Николай Алексеевич Рынин излагает в этой главе принципы полета ракеты, сформулированные впервые Циолковским еще в 1903 г., а затем развитые им в позднейших трудах. К этому времени Рынин уже и сам как исследователь занимался проблемами теории реактивного движения: восьмой выпуск энциклопедии «Межпланетные сообщения» был озаглавлен «Теория космического полета»; в трудах Ленинградского института инженеров путей сообщения в 1929 г. была опубликована статья профессора Рынина «Теория реактивного движения»¹⁴.

В заключительной, пятой главе книги Рынин выделяет и анализирует то новое, что содержалось в книжке Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», изданной в 1926 г.

Даже самый краткий обзор содержания книги Рынина о Циолковском позволяет утверждать, что появление ее было важным событием в жизни как отечественной, так и мировой науки. Путь книги к читателю был долг и тернист, но судьба ее оказалась славной. Первое в мире научное исследование, посвященное анализу творчества гениального ученого, на долгие годы стало своеобразным введением в теоретическую космонавтику. Книгу Рынина использовали как пособие те, кто в нашей стране в тридцатые годы закладывал основы ракетной техники, кто уже тогда планировал будущие успехи советской космонавтики.

Высоко отзывался о книге и ее авторе Циолковский. Он писал Рынину вскоре после выхода книги в свет: «Фактически больше всего я обязан Вам, Вашим трудам.

---

¹⁴ Циолковский среди немногих советских и зарубежных ученых, работавших в то время над проблемами космического полета, называет и Н. А. Рынина (К. Э. Циолковский. Исследование мировых пространств реактивными приборами, Калуга, 1926, с. 127).

жертвам, смелости»¹⁵. В одной из своих книг Циолковский посвящает Рынину проникновенные строки, подчеркивая, что именно он «... своими прекрасными работами, обширными сведениями по литературе вопроса, беспристрастием — особенно способствовал распространению идей звездоплавания. Можно сказать, что первый специалист по этой части у нас проф. Рынин»¹⁶. «Благодаря им — Н. А. Рынину... и другим, приоритет и научность моих работ не оспаривается даже на Западе»¹⁷.

Николай Алексеевич Рынин, конечно же, заслужил своей деятельностью подобной высокой оценки. Неутомимый труженик науки, первопроходец многих новых ее путей, он опубликовал около трехсот работ по различным отраслям знания. Важнейшие из них посвящены проблемам теории и практики авиационной науки и теории реактивного движения. Он обладал даром популяризатора, и многие его книги представляли читателям в доходчивой форме новейшие достижения той области науки, которой занимался их автор. Задолго до начала космической эры он выпустил в свет энциклопедию «Межпланетные сообщения».

Ученый никогда не страшился трудностей. К преодолению всевозможных препятствий Николая Алексеевича приучила сама жизнь. Отец умер рано. Надо было помогать матери. И учиться очень хотелось. Гимназист бегал по Симбирску в поисках уроков, успевал готовить к занятиям других и отлично учился сам. Затем добился поступления в одно из лучших высших учебных заведений того времени — в Петербургский институт инженеров путей сообщения.

Блестяще окончив институт, Рынин остается при кафедре. Вот где он смог, наконец, показать себя! Работал, как одержимый, занимался без усталы теоретическими изысканиями, и в лаборатории ему не было равных. В 1911 г. Рынин сдал множество экзаменов, чтобы получить право летать на всех типах летательных аппаратов — на аэроплане, дирижабле и воздушном шаре. И летал на них на всех. К началу первой мировой войны он, про-

¹⁵ Письма К. Э. Циолковского к Н. А. Рынину. Архив АН СССР, р. 4, оп. 14, № 209, л. 86.

¹⁶ К. Циолковский. Космические ракетные поезда. Калуга, 1929, с. 7.

¹⁷ К. Циолковский. Новый аэроплан. Калуга, 1929, с. 38.

фессор, «налетал» сто семь часов, установил национальные рекорды продолжительности и дальности полета¹⁸. Уже в советское время он стал одним из создателей Ленинградского института инженеров гражданской авиации¹⁹.

Недавно в Ленинградском Доме ученых и в Институте инженеров железнодорожного транспорта научная общественность города на Неве отметила столетие со дня рождения Н. А. Рынина. Демонстрировались его труды, много говорилось о глубине и широте его таланта, о педагогическом мастерстве, о высоких гражданских качествах замечательного ученого.

...На одной из полок моей библиотеки — прижизненные издания работ К. Э. Циолковского. Снимаю с полки тонкие брошюры, изданные в начале века, в двадцатые годы в Калуге. Как трудно пробивались они к читателю-другу, сколько непонимания встречали на своем пути! «Причина космоса», «Монизм Вселенной», «Космическая ракета. Опытная подготовка», «Космические ракетные поезда», «Звездоплывателям»... В те годы лишь отдельные читатели относились всерьез к этим тонюсеньким книжечкам. Выход книги Н. А. Рынина был, может быть, поворотным пунктом: она привлекла внимание к идеям и трудам Циолковского, к его неповторимой личности. И ныне она по праву стоит рядом с трудами великого ученого и мыслителя.

---

¹⁸ См. Вл. Львов. Загадочный старик. Л., 1977, с. 207—208.

¹⁹ О больших заслугах Рынина в становлении высшего авиационного образования в нашей стране пишет видный организатор советского гражданского воздушного флота В. М. Вишнев: «... петроградский профессор Николай Алексеевич Рынин, инициативе которого был обязан своим существованием факультет воздушных сообщений ЛИИПС, из которого впоследствии вырос Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота» (В. М. Вишнев. 30 лет в авиации. Неопубликованные воспоминания. Л., 1940, с. 46—47).

МЕТАМОРФОЗЫ НИКОЛАЯ БРУСИЛОВА

Писатель Брусилов почти неизвестен не только книголюбам, но и историкам русской литературы. Он лишь мельком упомянут в нескольких современных исследованиях и одном-двух учебниках. Не упомянуто имя Брусилова и во многих справочно-библиографических указателях. В конце прошлого и начале нынешнего века были напечатаны четыре небольшие обзорные статьи¹ о писателе и издаваемом им журнале. Но они не дают хотя бы приблизительного представления о его литературной деятельности, содержат неточности и ошибки. И это не удивительно. Подробных сведений о жизненном и творческом пути Брусилова не сохранилось, книги его стали редкостью еще в первой половине XIX в., а метаморфозы в жизни писателя были столь неожиданны и трудно объяснимы, что исследователи предпочитали их не касаться.

Между тем литературное наследие Брусилова представляет несомненный интерес, а его «Журнал российской словесности» был незаурядным явлением в русской периодике 1800-х гг. Перечитывая сочинения писателя, можно обнаружить много материалов, интересных для библиофилов. Именно с этой точки зрения я и хочу рассказать о его писательской работе, журнале и книгах.

---

¹ В. Ф. Боцяновский. Предисловие к «Воспоминаниям Н. П. Брусилова». — «Исторический вестник», 1893, № 4, с. 37—46; его же: Брусилов Николай Петрович. — В кн.: С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI, Спб., 1904, с. 77—88; Г. А. Максимов. «Журнал российской словесности» 1805 года, издаваемый Николаем Брусиловым. — «Литературный вестник», 1904, т. VIII, с. 185—202; Вл. Греков. Брусилов Николай Петрович. — «Русский биографический словарь». Том «Бетанкур-Бакстер», Спб., 1908, с. 385—387.

Род орловских дворян Брусиловых известен с XVII в., они несли «службу в разных чинах и жалованы были в 1676 и других годах поместьями»². Николай Петрович Брусилов родился 19 сентября 1782 г. в Орловской губернии, в поместье отца³. Он писал в «Воспоминаниях»: «Я помню себя с трех лет. Воспитывался я у бабушки, которая, как все бабушки вообще, любила меня без памяти и баловала напропалую. Я был упрям и до крайности застенчив. Много стоило трудов втолкнуть меня в гостиную, если кто-нибудь был там посторонний, а особенно дамы: я боялся их как огня. Эти милые качества и до седины меня не оставили»⁴. С детства мальчик овладел французским языком. Одновременно занялись и его обучением: «По шестому году посадили меня за букварь и часовник. В нынешнем веке смешно такое образование, но такое начало не совсем худо. Оно с юных ногтей знакомит с родным языком» (с. 47).

Мальчик было потянулся к книгам, но не успел посмотреть и нескольких — на восьмом году его отправили через Москву в Петербург и благодаря оказанной протекции отдали в Пажеский корпус. Вот как описывает Брусилов течение занятий: «В половине восьмого часа утра звонок сзывал нас в классы. Их было четыре: в первом учили русской грамоте и начальным правилам арифметики; во втором — греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам, грамматике, древней и новой истории, географии и арифметике и алгебре; в третьем продолжались те же предметы, и, сверх того, преподавали геометрию, минералогию, учили фехтованию; в четвёртом классе — высшие науки и фортификацию. Танцевальный и рисовальный классы были общие. Верховой езде обучали в придворном манеже» (с. 50).

На первый взгляд, образование давалось основательное. Но на самом деле учили очень небрежно, бессистем-

² Александр Бобринский. Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Российской империи. Ч. II, Спб., 1890, с. 311.

³ См.: П. П. Александров. Словарь орловских уроженцев. — «Орловский вестник», 1894, №№ 38, 46. То же в кн.: Орел. Материалы для описания Орловской губернии. Издание П. Александрова. Рига, 1903, с. 69, 70. В заметку о Брусилове вкрались ошибки.

⁴ «Воспоминания Н. П. Брусилова». — «Исторический вестник», 1893, № 4, с. 46, 47. Далее при цитировании «Воспоминаний» ссылки на страницы даются в тексте статьи.

но, в классах не было порядка. Брусилов страдал от свойственной ему застенчивости, продолжал с увлечением заниматься изучением французского языка и впервые проявил склонность к литературным занятиям: «С самого малолетства вселилась в меня страсть к авторству. В корпусе начал я издавать рукописную газету, в которой осмеивал, как умел, своих товарищей. Благоразумный Клостерман, инспектор классов, запретил мне эту шалость» (с. 49).

Но необходимость отказаться от сочинения и распространения сатирических опытов не удручила пажа. С 1793 г. Брусилов начал дежурить во дворце, стал свидетелем придворной жизни, с любопытством следил за иногда удивительными для него поступками окружавших людей. Громадное впечатление произвел на него А. В. Суворов. В мальчишке все больше развивался интерес к военной службе, к военным наукам. Начало правления Павла I прервало учебные годы будущего писателя. По указанию императора он вместе с товарищами был выпущен поручиком в армию и направлен в Московский гренадерский полк⁵. Брусилов был чрезвычайно доволен своей участью: «Я был страстен к военной службе и хороший фронтовик. На 15-м году командовал я ротой по фронтовой части. Быть на ученье для меня было лучшим занятием, я готов был учить солдат с утра до вечера. Боже мой, какая радость была, когда я в первый раз пошел за капитана в главный караул. Я воображал себя не менее, как главнокомандующим» (с. 63).

Казалось, судьба юноши определена: успешная военная карьера, увлеченное занятие любимым делом. Но случай решил по-иному. Спустя два года юный поручик по неопытности и несдержанности принял чересчур горячее участие в событиях, связанных с ложной тревогой в полках⁶. Проступок был незначителен и оставлен начальством без последствий. Но воинским подвигам Брусилова пришел конец: «Опасаясь новых проказ, которые, может быть, не так бы легко сошли с рук, батюшка взял меня в отставку и определил по гражданской службе

⁵ См.: Г. А. Милорадович. Материалы для истории Пажеского е. и. в. корпуса 1711—1875. Киев, 1876, с. 141; О. Р. фон Фрейман. Пажи за 183 года. Вып. I, Фридрихсгамн, 1894, с. 86.

⁶ См.: «Воспоминания Н. П. Брусилова», с. 63, 64.

«...» (с. 64). Николай Петрович вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. Он так и не смог преодолеть застенчивости, которая иной раз толковалась не в его пользу: «Когда я занимал впоследствии довольно важные должности, многие поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, как застенчивость. Я иногда не кланялся, не отвечал точно по застенчивости» (с. 48).

Служба не обременяла Брусилова, он продолжил образование и все свободное время отдавал чтению. Однако от склонности к ратному делу он избавился не сразу: «...» военный жар во мне не простыл. Открылась славная кампания 1799 года. Я следил шаг за шагом за всеми движениями войск, горячо вступался, если кто осмеливался критиковать действия русской армии, и однажды чуть не подрался с m-r Delphast, моим французским учителем» (с. 64).

До той поры Николай Петрович, казалось, навсегда забыл о своих ранних попытках сочинительства. Но вот произошло первое превращение: «Война кончилась, и военный жар мой начал простывать; но другая страсть, в тысячу раз губительнее, родилась во мне: страсть к бумагомаранию» (с. 64).

Брусилов увлечен чтением Вольтера, французских энциклопедистов, Руссо, русских поэтов XVIII в. и с особым вниманием перелистывает журналы Н. И. Новикова, М. Д. Чулкова, Н. И. Стрехова, альманахи Н. М. Карамзина. Его привлекает сатирическая направленность русской периодики, просветительские идеи, звучащие на ее страницах. Интересует его также творчество французского писателя Мерсье. Переводы из его книг печатались в «Новых ежемесячных сочинениях», выходил такой журнал в 1786—1796 гг., а в «Утренних часах» (1788—1789) — отрывки и целиком его знаменитые произведения «2440», «Спальный колпак», «Картины Парижа». И Николай Петрович решает сделать своим литературным дебютом издание перевода комедии Мерсье «Гваделупский житель». Книга вышла в Петербурге в 1800 г. с посвящением В. Ф. Рязановой. Переводит он и Вольтера, ставшего одним из любимых его писателей и философов. Брусилов спешит, точно старается наверстать упущенное время, хотя ему всего девятнадцатый год. К 1803 г. он подготавливает и издает четыре книги.

Первой вышла за подписью «Н. Б.» книжка «Безделки, или Некоторые сочинения». На титульном листе стоял эпиграф на французском языке: «Какое вам до этого дело? Каждый дурачится по своему», и указывалось, что данная работа — часть первая. Далее следовало замечание автора: «Если первый труд молодого человека, издающего сии *Безделки*, будет благосклонно принят почтенною публикою, то в непродолжительном времени выйдет и вторая часть оных».

Интересно для нас «Не Предисловие, а почти то же», в котором в юмористической форме говорится о сомнениях начинающего писателя и о трюизмах современной литературы:

«— Кто раз сказал, что он Автор, тот должен писать, — говорит мое *Самолюбие*. — Как? дурно ли? хорошо ли? — спросил *Рассудок*. — Бедный автор! — кричит *Ветренность*, — возьми перо, я стану тебе диктовать:

В один из тех скучных, длинных зимних вечеров, в которые люди прячут нос в теплый мех и все ученые и неученые бросаются в литературу и читают от скуки, кто Арабские сказки, кто Миранда, кто Гомера; в те вечера, когда провинциалы ищутся в головах, а франты прыгают на балах, купцы обсасывают в бородах сосульки, а мужики утирают нос полою, Клеант, молодой человек, молодой философ, сидел погружен в задумчивости у истухающего камина и думал — ни о чем!

.....— Как можно, — сказал *Здравый Смысл*.....

.....— Вон! — закричала *Ветренность*. — Если бы все авторы тебя слушались, так бы и половины книг не было в печати! — *Здравый смысл* махнул рукою и пошел вон, *Рассудок* хлопнул дверью, *Самолюбие* заперло мой кабинет, взяло перо и начало продолжать под диктатурою *Ветренности* следующее:

— О люди! о человек! странное творение! — говорил Клеант, — тридцать лет рассматриваю я тебя, понял всю натуру, тебя понять не могу! Вместе горд и подл, гнусен и великодушен, щедр и скуп. О человек! Странное смешение добра и зла, с какою целию создан ты на свет? Лишь родишься — стонаешь! Вместе с возрастом — прибавляются в тебе пороки. А там, там страшное честолюбие, овладев тобою, влечет стремительно чрез почести и

славу и ввергает в пропасть! Иллюзия, мечта! Се твои спутники!

— О, какое скучное начало! — закричал я с сердцем, — вон все!..... и запершись один, клялся, что не буду вперед браться за перо. Что за охота сочинять, думал я, что за охота писать, ежели уверен, что пишешь дурно. Не успеют напечатать книги твоей, как критика... О боже! Кровь стынет в жилах при сем страшном слове. Бедные Авторы!!!

Лишь только успел я сказать сии слова, как вдруг свирепое *Нравоучение* громким голосом закричало мне: „Пиши! и если люди будут критиковать твой дурной слог, так дети, прочитав сказанное мною, будут тебе благодарны!“ (с. I—IV).

«Безделки» включали «Разговор Сократа с Петиметром нынешнего века в Царстве Мёртвых» — сатиру на современные нравы, представленную как перевод с арабского, «восточную» повесть «Азем», «полусправедливый анекдот» «Неблагодарность» и отрывок «Где счастье?». Пятьдесят семь страниц маленькой книжечки в тридцать вторую долю листа показали, что появился талантливый публицист, мастер эссе, сатирик, следующий путём, проторённым русскими просветителями.

На выход в свет «Безделок» сразу откликнулся, и довольно пренебрежительно, журнал «Московский Меркурий» (1803, ч. II, кн. 4), в частности заметив: «Главное, или лучше сказать, единственное достоинство сей маленькой книжки состоит в краткости её» (с. 41).

Брусилов с самого начала литературной деятельности насторожённо и отрицательно относился к современной критике. Он считал отзывы, появляющиеся в журналах и газетах, большей частью случайными, субъективными, лишёнными ясного понимания задач, стоящих перед литературой, и начал бой за действенную и объективную критику. Выходит вторая его книга «Старец, или Превратности судьбы», и в дополнение к ней помещено «Возражение на критику *Безделок*, помещенную в „Московском Меркурии“», где говорится: «Не самолюбие заставляет меня писать сии строки; но долгом поставляю отвечать на критику, сделанную на мои *Безделки*».

Всеми единогласно признано, да и бесполезно было отвергать пользу критики. Конечно, нужно суди-

лице для авторов! тем более, что критика не что иное есть, как беспристрастное рассмотрение сочинения. (...)

Неужели критика заключается в том только, чтобы выставлять слабую сторону сочинения? И зачем не отдавать справедливости местам, заслуживающим некоторое внимание? (...)

Истинная критика не в том заключается, чтобы по начальным строкам судить о сочинении; но критик должен прочесть книгу, показать как погрешности, так и достоинства оной и говорить об оных не слегка, но так, чтобы рецензия его служила молодым авторам уроком, могущим образовать их вкус и способности» (с. 65—68).

«Старец» — философская повесть, развивающая идеи нравственного совершенствования человека, его обязанностей перед обществом. Следующая книга — «Бедный Леандр, или Автор без риторики» — посвящена теме становления молодого человека, выбирающего жизненный путь.

Перед нами опять сатира на современное общество, на методы воспитания. На первый план выдвигаются проблемы писательской деятельности:

«Дух авторский, как чума, кто раз им заразился, тому трудно вылечиться! Он не давал Леандру покою ни днем, ни ночью. Днем Леандр беспрестанно сочинял в голове планы поэм, од, романов, а во сне видал, что творения его в нескольких томах, напечатанные дидотовою печатью, в сафьяновом переплёте, с золотым обрезом, сделались предметом общего удивления, и что все учёные и литераторы за славу поставляют быть с ним знакомы. (...)

Обращаюсь к Леандровой истории: в таких обстоятельствах купил он десь хорошей бумаги, чернильницу, перьев и сел — сочинять.

Многие авторы, думал Леандр, сначала ещё предпишут, на скольких страницах написать сочинение; а поэт за две недели скажет, сколько строк будет в его оде. К чему это? На что связывать свое воображение? На что его заключать без нужды в границы? Возьму перо и стану писать... Но когда же кончить? Когда устану? Нет, это дурно! Покуда пера станет? Нет! и это нехорошо, да и не ново! Автор нового путешествия по комнате это сказал прежде меня, а у авторов устав таков, кто что сказал,

другой не смей уж говорить! Стану же писать покуда мне захочется! Это по крайней мере ново!

С таким расположением сел он и написал небольшое сочинение, в котором с жестокостью нападал на пороки, бранил их, думал тем понравиться хотя философам. Зная, что пишет в том веке, в котором все, и старой и малой, чуть мыслить умеющий, хочет быть философом! Недоставало в книге Леандровой чего-то, которое обыкновенно в книгах бывает, то есть: *предисловия*. Он очинил новое перо, сел и без пометки написал *предисловие*. Леандру хотелось похвастаться этим перед светом.

— Господа критики! — говорил он в конце своего сочинения, — я предисловие написал без пометки, конечно, оно неважно, но для автора, вступающего в поле литературы, написать предисловие без пометки, воля ваша, господа критики, а это много! — Ну, думал Леандр, теперь и я Автор! и я Сочинитель! и я буду стоять на ряду с Ломоносовым и Вольтером.

Мысль сия прибавила в нем гордости и подняла нос его на вершок вверх.

Между тем деревенские его деньги происходили. Книгу его против чаяния худо раскупали. Заглавие её было непышно, сама она была невелика; а сколько людей судят по заглавию и по величине книги! Леандр не знал похвального сего обычая. Беда его в том состояла, что он наврал на шестидесяти страницах, а не на шестистах!... Книгопродавцы называли произведения литературы, произведения толиких умов товаром!..» (с. 14—19).

Интересна глава VIII книги, посвящённая разговору о литературе. В ней «человек в тёмном кафтане» ведёт беседу с «человеком большого тона» о Вольтере, Руссо.

В 1803 г. вышла также книга «Мое путешествие, или Приключения одного дня». Она написана под влиянием «Путешествия вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра, «Путешествия моего двоюродного братца в карманы» и других пародий на «сентиментальные путешествия», наводнившие в конце XVIII в. западноевропейскую и русскую литературу в подражание произведениям Стерна.

Книга in 32° в ярко-оранжевой обложке с цитатами из произведения на передней и задней крышках состояла из двадцати глав, на 162 страницах которой автор бродит по улицам, предаваясь размышлениям о человеческой

СТАРЕЦЪ

или

ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ

ПОВѢСТЬ

сочиненія

Николая Брусилова.

Съ приобщеніемъ возраженія на
Критику Бездѣлокъ, помѣщенную
въ Московскомъ Меркуріѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегіи 1803.

МОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОГО ДНЯ.

сочиненіе

Николая Брусилова.

Одни только юнрныя, сердечныя удовольствія, дѣлаютъ для насъ жизнь пріятною!

Глава ХVII. стр. 141.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Императорской Типографіи,
1803 года.

Титульный лист книги
«Старецъ, или Превратность
судьбы» (1803)

Титульный лист книги
«Мое путешествие, или
Приключения одного дня» (1803)

жизни. Для нас любопытен один эпизод из «Моего путешествія». Рассказчик проголодался, зашёл к ресторатору, сел за маленький столик и спросил обедать. Он знакомится с уже известным нам «человеком в чёрном кафтане», беседует с ним:

«Я продолжал читать газеты. Глубокое познание человека в тёмном кафтане так меня поразило, что я обо всем к нему относился.

— Что думаете вы, — спросил я его, — о новых колясках, изобретённых в Англии, на которых можно ездить без лошадей?..

— О! — сказал мой учёный, — это вещь невозможная.

— Почему это?

— Я много в жизни путешествовал, — отвечал он, — и опытом удостоверился, что ездить без лошадей на земле почти так же невозможно, как быть сыту не евши.

— О! это убедительное доказательство» (с. 48, 49).

Разговор продолжается, и собеседники начинают обсуждать возможность совершить путешествие вместе. Человек в чёрном кафтане уверяет, что он побывал всюду.

«— А на Луне? — спросил я, улыбнувшись.

— На Луне? О! я уверен, что если выдумка Монгольфьера усовершенствуется, то люди будут ездить по планетам!

— Да, — отвечал я, — если найдут способ управлять шаром так же, как управляют кораблем, и научатся жить без воздуха!» (с. 57).

Автор задумался:

«(...) кто может отвечать, что воздушные шары не послужат к дальнейшим открытиям? — еще век — может быть, что *сообщение с другими планетами* (которое кажется очевидно невозможным) *возможно будет!*

Боже мой, какое будет удивление первого человека, который так или иным способом достигнет ближайшей планеты! Какое будет удивление обитателей оной! Он увидит совсем другой мир, других тварей, все другое, даже до самой Природы! Какое поприще для обширного человеческого ума! Сколько откроется новых познаний! Если открытие Америки преобразило политическое положение всей Европы, какие же перемены сделает в вещественном и нравственном мире открытие новых миров! Может быть, обитатели других планет гораздо просвещеннее нас, умнее нас, может быть наши Невтоны, Локки, Лейбницы будут учениками пред Невтонами, Локками и Лейбницами Марса или Урания? Как бы я хотел жить пятьсот лет спустя, сколько тогда того, что теперь кажется непроницаемой загадкой, объяснится» (с. 62, 63).

Как актуально звучат теперь эти слова. Николай Брусилов был одним из зачинателей русской научной фантастики.

В «Приключениях одного дня» продолжается разговор о судьбе писателя: «В такой тьме произведений нашего века мудроно быть замечену — счастлив Автор нашего покрою, если найдет двух-трех читателей, которые простят погрешностям, извинят слабостям и отдадут справедливость некоторым мыслям» (с. 14).

Брусилов подготовил ещё одну книгу, содержащую наброски, записки, переводы из Даламбера, Мерсье. Она

была напечатана в 1805 г. в Москве, в «Привилегированной типографии Княжева и Мея» без имени автора. Только под предисловием стояла подпись «Н. Б.». Больше ни одной работы данного жанра из-под пера писателя не выходило.

Время и обстоятельства привели к новому превращению — Николай Брусилов стал журналистом, издателем ежемесячника.

Чтение Карамзина, его журнала «Вестник Европы», стремление к социальным переменам, связанное с началом правления Александра I, пробуждало у Брусилова глубокое желание приступить к журналистской работе. В 1801 г. в Петербурге было создано Дружеское общество любителей изящного, затем преобразованное в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств и утверждённое в 1803 г. В него вошли молодые писатели, поэты, учёные, оно стало центром передовой мысли в России того времени, настроенным против тирании, крепостничества, выступающим за свободу мысли.

«В первые годы работы общества в нем царил настоящий культ Радищева, связанный с усвоением освободительных идей великого русского революционера, хотя, конечно, политические воззрения «радищевцев» были гораздо менее последовательными и левыми, чем взгляды их учителя»⁷.

Брусилов сблизился с активными членами Общества — И. П. Пниным, А. Е. Измайловым, Н. Ф. Остолоповым — и, полностью разделяя их взгляды, в 1804 г. стал членом Вольного общества⁸.

Он активно участвует в собраниях, содействует расширению дружеского союза. «В собрании 22-го апреля 1805 года член Брусилов читал сочинение К. Н. Батюшкова „Сатира, подражание французскому“ и объявил о желании автора поступить в число членов Общества»⁹.

---

⁷ Н. В. Фридман. Батюшков и поэты-радищевцы. — «Доклады и сообщения филологического факультета (МГУ)». 1948, вып. 7, с. 42.

⁸ См.: Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Изд. 2-е. М., 1953, с. 255.

⁹ Е. Петухов. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, т. 268, с. 89.

Вольному обществу нужен был свой печатный орган. Оно пыталось использовать выходящие журналы. В «Северном вестнике» (1805, № 11) была анонимно, под названием «Чувствительное путешествие, из бумаг одного россиянина» и в несколько измененном виде, напечатана глава «Клин» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Одно время Общество пыталось выпускать свои издания — альманах «Свиток муз» (1802—1803), журнал «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804, вышел один номер). И вот в №№ 80 и 83 «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось объявление Брусилова об издании в 1805 г. «Журнала российской словесности». В нём говорилось:

«Главный предмет оного ⟨журнала⟩ есть российская литература. Все новые пьесы в стихах и прозе, достойные уважения, будут помещены в сем журнале.

Издатель, поставляя первейшим долгом угодить почтенной публике и дать некоторое понятие о книгах вновь издаваемых как в России, так и в других землях, сверх новых произведений Российской Музы, известий о новых открытиях и изобретениях в науках и художествах, извлечения мыслей из лучших авторов, занимательных повестей, анекдотов и проч., будет также помещать в сем периодическом издании и рассмотрение книг вновь издаваемых».

Как видим, программа журнала была обширная, и выполнить ее полностью не представлялось, разумеется, никакой возможности. Однако издание выходило регулярно, раз в месяц, было выпущено 12 номеров, составивших три части, снабженные оглавлением. Журнал имел четыре раздела: «Проза», «Стихотворения», «Известия о новых произведениях русской и иностранной литературы и театра» и «Смесь».

В «Журнале российской словесности» приняли горячее участие члены Вольного общества. Печатались И. П. Пнин, А. Е. Измайлов¹⁰, Н. Ф. Остолопов, К. Н. Батюшков, И. Похвиснев, А. П. Бенитцкий, В. Г. Анастасевич, А. А. Писарев, Н. И. Греч — помещая

¹⁰ См.: Ив. Кубасов. Александр Ефимович Измайлов. — «Русская старина», 1900, № 6, с. 561.

главным образом стихотворные произведения¹¹. Печаталась переводная проза, в том числе Вольтер и Мерсье, статьи или выдержки из иностранных журналов. Но большая часть прозаических сочинений принадлежала Брусилову, о чем он оговаривался в конце каждой части, так как все работы издателя печатались анонимно.

В своих статьях Брусилов выступал за право всех людей на личную свободу, высказывал глубокое сочувствие угнетенному народу. Он писал о необходимости разумного воспитания молодежи, умственного развития женщины, высмеивал галломанию. Опять писатель уделяет много внимания проблемам критики, положению автора, значению книги в обществе и дает оценку русским писателям XVIII в. и своей эпохи.

В статье «Нечто о критике» (№ 1) Брусилов пишет:

«Критики, помещаемые у нас в журналах, иногда наполнены одними насмешками — есть, однако ж, из них и такие, которые дают сочинителю истинные уроки словесности.

В число сих включить можно некоторые критики „Московского журнала“ и некоторые, помещенные в „Северном вестнике“ (...)» (с. 5, 6).

«Она (критика) должна быть недвусмысленна, ясна и благопристойна. Колкости и насмешки приличны в комедиях, где шутят на общий счет; но критика относится на одно лицо, иногда известное публике, следовательно колкости в критике столь же неизвинительны и также не могут быть терпимы, как и личные комедии» (с. 6).

«Хотя Вольтер и вольнее других в своей критике, хотя и позволяет себе иногда колкие шутки, но они извинительны, ибо относятся не на лицо сочинителя, но на его сочинение» (с. 7).

«Первое достоинство критики есть *беспристрастие*, без оного и самый талант послужит только к большему

¹¹ «... в 1805 году, рядом с «Северным вестником», появилось другое периодическое издание, также орган молодых литературных сил. То был «Журнал российской словесности», основанный Н. П. Брусиловым. Батюшков, не покидая «Северного вестника», печатал свои произведения и в журнале Брусилова и посещал его дом, где собирались молодые литераторы. Сам Брусилов, писатель мало замечательный, был прекрасный человек — благородный, правдивый, чувствительный и добрый товарищ (...)» (Л. Н. Майков. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. — В кн.: Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. I, СПб., 1887, с. 43, 44).

Отъ Издателя.

Въ сей второй части Журнала
*Исторія часовъ, Зеркало Истины, Новой
 Мудрецъ, Совѣтъ другу, Перстень, Вопросъ
 и Сказка Личдоръ и Лиза, или клятва,*
 писаны мною.

И. Брусиловъ.

Уведомление издателя в «Журнале российской словесности»

заблуждению» (с. 7). «Прочестъ книгу не один раз, понять цель сочинителя, разобрать оную со всевозможным беспристрастием, показать не одни недостатки, но и совершенства оной, ибо редкая книга может быть дурна и бесполезна во всех отношениях, делать приговор не решительный, но справедливый, употреблять выражения не колкие, но приличные, не смеяться ни на счет сочинителя, ни на счет его книги, но говорить истину; повторим еще раз, что *прочестъ* книгу всю, а не *раскрывать* только ее на удачу — и помнить, что лучше одну рассмотреть со вниманием, нежели о ста книгах сказать мнение слегка. Вот правила благоразумной критики, которым может быть не все следуют. Иногда злоречие почитается за остроумную критику» (с. 7, 8).

В «Письме деревенского жителя о воспитании» (№ 1) мы читаем: «Читаю, наблюдаю, замечаю, а иногда от скуки сам мараю бумагу, *не марая* однако же честных людей — я не люблю сатир» (с. 9).

«Я видел некоторых молодых людей, которые любя чтение и читав все, что писано на французском языке, никогда не брали в руки сочинений Ломоносова и даже не стыдятся говорить, что они их не понимают. В лучших обществах везде употребляется язык французский, редкая дама большого света имела понятие о русской словесности прежде эпохи г. Карамзина — он первый начал писать приятно и познакомил любезных дам с русской словесностью» (с. 23).

Печатаемая «Извлечение из сочинений Вольтера» (№ 1), Брусилов поместил такие фрагменты:

«Большая библиотека хороша потому, что она устрашает того, кто придет ее посмотреть. Двести тысяч книг обезоруживают человека, который думает что-нибудь ещё печатать; но, по несчастию, он утешает себя мыслию, что большую часть сих книг никто не читает и что книгу его может быть будут читать. Он сравнивает себя с каплею воды, которая сетовала о том, что была забыта в обширном Океане — Природа сжалилась над нею, и капля превратилась в лучший жемчуг, которому не было подобному на всем Востоке (...). Собиратели, подражатели, комментаторы, переборщики чужих изречений и все те, кои не преклонили на жалость Природы, останутся навсегда каплями» (с. 29).

«Правда, что из сих двухсот тысяч книг сто девяносто девять тысяч ничего не будет читать, по крайней мере от доски до доски; но иногда они нужны для справок.

На множество книг также нельзя жаловаться, как и на множество жителей (...» (с. 30).

Интересно познакомиться также с отрывком из «Письма к приятелю о русском театре» (№ 2):

«Воля ваша, милостивые государи, сколько вы ни хвалите наш просвещенный век, только я думаю, что половины бы книг у нас не было, если бы менее было праздных людей. Человек знает грамоте, нечего ему делать — в таких обстоятельствах он берет бумагу, перо, и — готова книга. Чрез неделю ее напечатано уже тысяча экземпляров, лучшими литеррами, на тонкой бумаге, случается, что бедный сочинитель продает иногда последний кафтан, пишет превеликолепное объявление в газетах будто от имени книгопродавца (из которых благодаря не-

вежеству половина не умеет читать) и, что всего смешнее, находит в книге своей тонкий вкус, острые мысли, плавный слог, обильное воображение, говорит, что книга его по своей занимательности ни мало не уступает никакому сочинению в мире, еще вперед ручается, что читатели его будут восхищены, тронуты — и чтоб придать более учености сему объявлению, то себя называет *Автором, Редактором, а подписавшихся Субскрибентами и Пренумерантами* — и все это для того, чтобы более разбирали книгу. Люди, которые судят о книгах по газетным объявлениям (а у нас таких людей еще немало!), почитают книгу сию за редкость, жертвуют рублем и за этот рубль получают вздор, недостойный внимания. Вот обман, который остается без всякого наказания. Человек благонамеренный, видя тучи печатных книг, беспокоящих честных людей, принимается издавать критический журнал, дабы хоть мало обуздать сию ученую челядь — но что же? тысячи невежд восстают против него, бранят, терзают и — он же останется в дураках!» (с. 73, 74).

Далее в «Письме к приятелю о русском театре» Брусилов вновь обращается к оценке критики и высказывает мысль, что следует устроить театр для народа.

Фантастическое «Путешествие в храм Вкуса» в юмористической форме оценивает деятельность современных бездарных литераторов и отдает должное творчеству выдающихся русских мастеров словесного искусства:

«Тут толпа писателей, старых и молодых, известных и неизвестных, стучались в дверь и просили Критику пустить их в храм. Иной нес математический роман, иной академическую речь, тот метафизическую комедию, тот держал собрание своих стихотворений, напечатанных без его имени с предлинным предисловием.— Пустите, господа! пустите,— кричал сипловатый голос,— я тот беспристрастный судия талантов, который судит и осуждает все, что люди хвалят,— пустите меня в храм.— Мой друг,— сказала Критика,— верно, что ты великий человек, но я тебя не пушу в храм. Ты пришел опорочивать бога Вкуса, будь доволен и тем, что ты его не знаешь» (с. 134).

«Недалеко от бога Вкуса сидел российский Пиндар *Ломоносов* (...). В другой стороне сидел *Сумароков*. (...) Подле него сидел *Хемницер* (...). Грации подносили ро-

зовый венок *Творцу Душеньки* (...). Гений России венчал великого певца *Россияды*. (...) Там Мельпомена (...) вела в храм *Княжнина* (...). Талия с коварной умешкой несла в храм Вкуса *Недоросля* и *Бригадира* (...). *Аглая*, *Лиза*, *Марфа Посадница* и прочие творения писателя, сделавшего славнейшую эпоху в русской словесности, писателя столь сильно, убедительно говорящего человеческому сердцу, несмотря на все усилия завистников, старавшихся очернить истинный талант, лежали на жертвеннике Вкуса. Беспристрастная критика отдавала им должную справедливость...» (с. 135—137).

Помимо работ «Письмо к издателю» (№ 3), «Путешествие на остров Подлецов» (№ 4) и других Брусилов опубликовал свои художественные произведения: «История часов», «Перстень», «Линдор и Лиза», «История бедной Марии». При всей талантливости публицистических сочинений Николая Петровича, в них заметно влияние Вольтера, а в художественных — Карамзина.

В № 7 журнала была опубликована интересная статья «Камоэнс, творец Лузияды» — перевод с немецкого. Для последних номеров Брусилов написал «Похвальное слово собачке» и «Сатирические ведомости».

«Журнал российской словесности» был с одобрением принят передовой частью русской интеллигенции и вызвал отрицательные отзывы в консервативных кругах. И в наше время дается высокая оценка изданию Брусилова:

«„Журнал российской словесности“ — единственное в начале XIX в. периодическое издание, в котором сатирические материалы печатались не от случая к случаю, а регулярно. В них оживали традиции русской сатирической журналистики XVIII в. — литературный опыт Сумарокова, Новикова, Фонвизина»¹².

Однако издательская работа оказалась непростой. Некоторая мнительность и обидчивость характера Брусилова ставили его иногда в трудное положение при общении с авторами. Ему пришлось даже выступить против самого Державина.

Приступая к выпуску журнала, Брусилов обратился к знаменитому автору «Оды к Фелице» с просьбой высту-

¹² История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973, с. 112.

пить на его страницах. По этому поводу Державин писал Д. И. Хвостову, одному из издателей «Друга просвещения»:

«Но должен признаться, что не мог отговориться от некоторого петербургского журналиста и, собрав некоторую мелочь, по лоскутам у меня валяющуюся, отдал ему (...)»¹³.

Трудно сказать, что именно обидело Брусилова, но он поместил в своем журнале эпиграмму на Державина:

Проходит слава царств, и царства исчезают!
Пальмира гордая, где ты?.. Увы! не знают!
И Александров гроб и город разрушен,
В котором царь земли был погребен.
Героев град забыт, забыт и с их делами —
А ты жить в вечности с великими мужами,
Тромпетин! захотел стихами!

Тромпетин — одно из действующих лиц комедии Княжнина «Чудаки».

Державин был возмущен. Евгений Болховитинов, составлявший словарь писателей, заехал к поэту и 22 августа писал к Хвостову:

«Он (Державин) препоручил мне переслать к вашему сиятельству прилагаемую при сем его эпиграмму в ответ зоилу Брусилову, напечатавшему в мае месяце (...) презрительную на него эпиграмму. Но не велел Гаврила Ром. (анович) подписывать под сим ответом имени его. Всяк узнает сочинителя»¹⁴.

Ответная эпиграмма Державина появилась в «Друге просвещения»¹⁵:

Трубит Тромпетин во тропету:
Его глас вторят холм и дол;
Булавкин колет жалом в мету,
Но чуть слышна булавки боль.
Блистали царства — и их нету;
Живёт в стихах своих Пиндар;
Толпятся мошки солнца к свету;
Но дунет ветер — и где комар?

Если к лету деятельность Вольного общества была в расцвете, то в сентябре его ожидал серьезный удар.

¹³ Г. Р. Державин. Сочинения. Т. VI, Спб., 1871, с. 168, 169.

¹⁴ Там же, т. VIII, Спб., 1880, с. 890.

¹⁵ Впоследствии автор несколько изменил стихи.

Недавно (15 июля) избранный президентом Общества Пнин неожиданно умер (17 сентября), что расстроило ряды его товарищей. На общем собрании, посвященном памяти скончавшегося, с речью выступил Брусилов. В следующем номере журнала он поместил свою статью «О Пнине и его сочинениях» и стихотворения памяти автора «Опыта о просвещении относительно к России». В дальнейшем Общество стало постепенно переходить на консервативные позиции, особенно после избрания в 1807 г. президентом Д. И. Языкова.

Материальные и моральные трудности заставили Брусилова прекратить издание «Журнала российской словесности». В последнем номере за 1805 г. в обращении «К читателям сего журнала» издатель писал: «С сею книжкою кончится „Журнал российской словесности“ — обстоятельства лишают меня удовольствия продолжать опыт на будущий год».

Так совершилось очередное превращение Брусилова — он прожил еще сорок четыре года и ни разу не обратился к журналистской деятельности, не написал ни одного эссе, ни одного сатирического произведения.

В последующие годы он увлекается театральным искусством: «В это время я был страстным любителем театра и бывал в спектакле почти всякий день»¹⁶. Продолжает служебную деятельность, в 1808 г. получает назначение в канцелярию «статс-секретаря у принятия прошений» на имя императора под начальством П. С. Молчанова. На этой должности он оставался до 1820 г.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Октябрь. 1805.

№ 10.

I.

О Пнинѣ и его сочиненіяхъ.

Неумолимая смерть захватила страшную коосу — и въ міръ не стало одного добраго человека!.... Поэтѣ любезный, другъ искренній, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ, Пнинъ, скончался прошедшаго Сентября 17 числа, между 10 и 11 часовъ по полудни. Друзья и любители изящнаго, провожали со слезами гробъ Поэта-Философа.....

Ежели смерть есть неизбежный ударъ людей, то мы должны ропсать III.

5

Начало статьи
«О Пнине и его сочинениях»

¹⁶ «Воспоминания Н. П. Брусилова», с. 65.

Современники Брусилова оставили воспоминания о встречах с ним. Вот что писал Н. И. Греч:

«(...) Я решился испытать счастья в другом месте и послал две статьи (это были разборы синоним) к Николаю Петровичу Брусилову, который тогда издавал *Журнал российской словесности*. Он не только напечатал их, но и прибавил к ним приветливый отзыв. Кто был счастливее меня! — Варвары! — думал я: — будет и на моей улице праздник. — По этому случаю познакомился я с Н. П. Брусиловым и находил у него приятное общество В. М. Федорова, К. Н. Батюшкова, Н. Ф. Остолопова, А. Е. Измайлова, И. П. Пнина»¹⁷.

А вот что внес в свои записи 27 марта 1807 г. С. П. Жихарев, рассказывая о встрече у И. А. Соколова с автором «Безделок»:

«Я воспользовался этим промежутком времени, чтобы познакомиться с Брусиловым. Зная, что он литератор, много писал и переводил, два года назад издавал „Журнал российской словесности“ и почитается одним из деятельных членов Общества любителей словесности, наук и художеств, я было заговорил с ним о литературе, но он не благоволил обратить на меня большого внимания и отвечал мне очень холодно и сухо, как бы нехотя. „Ну, бог с тобой, — подумал я! — если ты такой дикарь! Кажется, много кичиться тебе еще нечем: твои „Безделки“, „Приключения одного дня“, „Гваделупский житель“, „Бедный Леандр“ и „Превратности судьбы“ не бог знает еще какие заслуги, которые бы давали тебе право поднимать нос и без того уже вздернутый кверху»¹⁸.

К последней фразе Жихарев впоследствии сделал примечание:

«Автор „Дневника“ раскаивается в тогдашнем своем заблуждении. Он служил после с Николаем Петровичем Брусиловым в одном ведомстве в продолжение 4-х лет и имел случай узнать его короче. Это был человек отличный во всех отношениях: благороден, правдив, чувствителен и добрый товарищ. Единственными недостатками его характера была какая-то недоверчивость к самому себе и

¹⁷ Н. Греч. Воспоминания юности. — «Новогодник». Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей. Изданный Н. Кукольниковом. Спб., 1839, с. 231, 232.

¹⁸ С. П. Жихарев. Записки. М., 1890, с. 366.

подозрительность по отношению к другим. От этого он дичился общества и избегал новых знакомств. Впоследствии необходимые сношения по службе заставили его быть общительнее, а во время губернаторства своего в Вологде, и особенно под конец жизни, он сделался совсем другим человеком»¹⁹.

В начале 1810-х гг. обнаружилось, что оставив навсегда литературные занятия, Брусилов обратился к научной работе. В «Вестнике Европы» появились две его статьи: «Историческое рассуждение о начале русского государства» (1811, № 4) и «О древней русской монете» (1812, № 11). Таким образом, его интересы обратились к древней русской истории. Брусилов был избран действительным членом Общества истории и древностей российских, но следующие его работы появились очень нескоро в «Записках и трудах Общества истории и древностей российских» (1824, ч. II) — это были «Догадки о причине нашествия норманнов на славян» и «Описание древнерусских монет». Больше Брусилов ни к истории, ни к нумизматике не обращался. Таково было следующее превращение.

В 1820 г. Брусилов был назначен гражданским губернатором Вологды, где оставался до 1834 г. Там ему пришлось бороться с холерой, от которой умерла его жена Катерина Лонгиновна (урождённая Гофман)²⁰. Он пользовался уважением жителей Вологды²¹, предпринимал шаги по благоустройству города²². В конце 20-х гг. в Вологде побывала археологическая экспедиция, направлявшаяся в Тотемский и Никольский уезды, приезжал руководитель археологической экспедиции П. М. Строев для изучения древних архивов, хранившихся в Софийском соборе, церквях и монастырях Вологодской губернии.

Казалось, труды и дни Брусилова на посту губернатора шли тихо и незаметно. И лишь в 1833 г. стало известно, что он претерпел еще одно превращение — стал спе-

¹⁹ С. П. Жихарев. Записки. М., 1890, с. 366.

²⁰ См.: Ф. Фортунатов. Памятные записки вологжанина. — «Русский архив», 1867, № 12, стб. 1670—1692.

²¹ См.: А. В. Арсеньев. Преосвященный полонофил. — «Русская старина», 1894, № 3, с. 219.

²² См.: Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Составил Н. К. Степановский. Вологда, 1890, с. 314; Летопись города Вологды. Вологда, 1963, с. 28.

циалистом по статистике, работавшим ряд лет над описанием вверенного ему края. С разрешения Академии наук вышел из печати «Опыт описания Вологодской губернии». Эта работа отличалась точностью, подробным изучением природы и быта. В книге описывались воды губернии, местоположение и качество почвы, климат, растительные культуры, животные, были даны подробные сведения о жителях, промыслах, о городах и уездах. К труду были приложены две статистические таблицы.

Вот как описывал исследователь ремесла: «Между мастерствами устюжскими примечательна черневая работа на серебре. Работа сия на позолоченной поверхности весьма хороша; но по недостатку правильности рисунка груба, впрочем сделанные вещи даже в самом Устюге продаются весьма высокою ценою. Между прочими художниками, коих в Устюге довольно число, преимуществуют иконописцы. Есть также отменные пред другими местами слесари, которые с особенным искусством обивают разные коробки белым гладким и просеченным железом с особенного рода замками» (с. 35).

Интересна глава «Сведения о половниках». Половники — это крестьяне, имевшие право переходить с земель одного владельца на земли другого или же возвращаться в чернососшные волости. Они обрабатывали землю по добровольному желанию и получали половину продукта.

Завершалась книга «Сведениями о зырянах» и «Общим замечанием о Вологодской губернии». Это было интересное и полезное исследование, не потерявшее в некоторой степени историко-познавательного значения и теперь. «Опыт» получил лестный отзыв на страницах «Северной пчелы» (1834, № 136), и автор был избран почетным членом Академии наук.

Казалось, это было последнее превращение Брусилова. В 1834 г. он вышел в отставку, упаковал все свое значительное книжное собрание и переехал с ним в Петербург. Брусилов умер 27 апреля 1849 г.²³ и был похоронен на Митрофаниевском кладбище. В газете «Северная пчела» появились некролог и список трудов

²³ В указанные даты смерти писателя в «Словарь» С. А. Венгера и «Петербургский некрополь» В. Саитова вкрались ошибки или опечатки.

писателя (1849, №№ 94, 101) — и казалось, его забыли навсегда. А вспоминая, начали путать с Н. И. Брусиловым²⁴.

Но в 1892 г. в редакцию «Исторического вестника» пришла Анна Егоровна Краснораменная и передала сотрудникам небольшую тетрадку в четверку — это были написанные рукой Брусилова воспоминания о его жизни, заверченные 12 декабря 1848 г. Так оказалось, что незадолго до кончины Брусилов превратился в талантливого мемуариста и донес до потомков сведения, представляющие большой интерес для историков и литературоведов.

И после публикации его «Воспоминаний» многие исследователи оставались в неведении о деятельности писателя. Булич, например, писал:

«Кто был этот Брусилов, неизвестно: о нем кроме того, что он был дружен с Пниным и был членом литературного общества, мы ничего не знаем. Видно, что в литературе он был человек случайный, и имя его потом исчезает совершенно без следа»²⁵.

Да, Брусилов не оставил литературных произведений, которые привлекут современного читателя. Но для историков литературы они не должны оставаться забытыми. А библиофилам эти маленькие книжечки будут интересны не только своей редкостью. В сочинениях Николая Петровича Брусилова они найдут для себя много любопытного.

---

²⁴ См., напр., «Сочинения» Г. Р. Державина. Т. VI, Спб., 1871, с. 93 (ошибка Я. К. Грота) и «Справочный словарь» Г. Н. Геннади.

²⁵ Н. Н. Булич. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Т. I, Спб., 1902, с. 103.

С. Белов

В ПОИСКАХ МАТЕРИАЛОВ О СТАРОМ РУССКОМ ИЗДАТЕЛЕ

Невыдуманная библиофильская история

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Январским днем 1962 г. автору этих строк позвонил ответственный секретарь ленинградского журнала «Звезда» В. М. Травинский.

— Приезжай в редакцию. Есть для тебя кое-что интересное.

Заинтригованный, я бросил все свои дела и немедленно помчался на Моховую, 20, в редакцию «Звезды». В. М. Травинский молча подал мне письмо.

На конверте стоял адрес журнала «Звезда» и обратный адрес: Ленинград, набережная реки Карповки, дом 19, квартира 5, Н. В. Сойкина.

Признаюсь, никаких ассоциаций у меня первоначально эта фамилия не вызвала. Но поощряемый одобрительным взглядом ответственного секретаря «Звезды», я вынул из конверта листок ученической тетради в клеточку и прочел: «Уважаемая редакция! В этом году исполняется 100 лет со дня рождения издателя Петра Петровича Сойкина. Может быть, журнал „Звезда“ сможет как-нибудь отметить эту дату, и тогда я могла бы помочь Вашему корреспонденту.

С уважением Нина Владимировна Сойкина»

Издатель Сойкин... Пока припоминаю, что связано с этим именем, слышу голос В. М. Травинского:

— Теперь понимаешь, почему я тебе позвонил. Ты давно интересуешься старыми книгами и книжниками, вот и займись-ка этим делом, сходи на Карповку, к Нине Владимировне — она, очевидно, родственница издателя.

Предложение было весьма заманчивое. Я действительно любил рыться в старых книгах, собирал материалы о русских книжниках. И тут я вспомнил, как несколько

лет назад один ленинградский библиофил показывал мне полный комплект популярного дореволюционного журнала «Природа и люди» за 1915 г. На обложке каждого номера стояло: «Издательство „П. П. Сойкин“. Петроград, Стремянная, 12».

Я пытался вспомнить другие издания П. П. Сойкина, но В. М. Травинский прервал мои размышления:

— Поезжай. И если что-нибудь узнаешь интересное, мы непременно опубликуем в «Звезде».

Итак, решено. Еду к родственнице издателя. Но являться без предупреждения как-то неловко. Поэтому посылаю Нине Владимировне Сойкиной открытку с просьбой принять меня.

А пока тщательно готовлюсь к встрече. Иду в Публичную библиотеку и прошу своего старого друга, прекрасного библиографа В. Н. Фойницкого подобрать литературу о жизни и деятельности Петра Петровича Сойкина.

Но даже В. Н. Фойницкий, который, кажется, все знает на свете, сконфуженно произнес:

— Ни одной статьи, ни одной заметки за последние сорок лет. Даже в специальной книговедческой литературе и в учебниках по истории русской книги имя Сойкина не упоминается. Только во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии маленькая заметка.

Открываю 39-й том БСЭ: «Сойкин, Петр Петрович (1862—1932) — русский издатель, типограф, книгопродавец. Начал книжное дело в Петербурге в 1885. Издавал прогрессивный научный и общественно-политический журнал „Научное обозрение“, в котором были напечатаны статьи В. И. Ленина: „Заметка к вопросу о теории рынков“ (1899, № 1), „Еще к вопросу о теории реализации“ (1899, № 8), „Некритическая критика“ (1900, № 5—6). В 1895 в типографии С. был выпущен сборник статей „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития“, содержащий работу В. И. Ленина „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве“.

С. издавал многие журналы, в т. ч. „Прогрессивное садоводство и огородничество“, „Сельский хозяин“, „Природа и люди“, „Книжный мир“ и др. С. выпускал научно-популярную литературу, книги для юношества, сочинения русских писателей, издал „Энциклопедический сло-

варь практического сельского хозяйства" и другие книги справочного характера. В 1926-27 в издательстве С. вышел „Новейший энциклопедический словарь“ под общей редакцией редакционной коллегии журнала „Вестник знания“».

Не густо, но для начала совсем неплохо. Я узнал, что Сойкин печатал работы В. И. Ленина, узнал, что он продолжал выпускать книги и после Великой Октябрьской социалистической революции, а, главное, я точно знаю даты его жизни. Теперь можно смело идти к Нине Владимировне Сойкиной.

КАРПОВКА, 19

Дверь открыла маленькая, аккуратненькая старушка.

— Вы Нина Владимировна? Я к вам по поручению журнала «Звезда».

— Да, я Нина Владимировна, вдова Петра Петровича Сойкина.

Вдова? Сколько же ей может быть лет, — размышляю, пока старушка ведет к себе какими-то бесконечно-длинными коридорами, столь характерными для старых петербургских квартир. Когда я окончательно запутался, пытаясь запомнить маршрут, старушка открыла дверь в маленькую комнатку.

Здесь было чисто и опрятно. На стене висел большой портрет мужчины лет шестидесяти с удивительно приятным лицом и ласковыми живыми глазами.

Я перевел взгляд на Нину Владимировну и поразился: она смотрела на меня такими же ласковыми и живыми глазами.

— Это фотография Петра Петровича, сделанная в самый памятный для него день. В двадцать пятом году отмечали сорок лет его издательской деятельности.

Нина Владимировна предложила чашку чая, но я, горя журналистским нетерпением, сразу стал засыпать ее вопросами. Однако один вопрос я так и не решался задать, хотя он все время вертелся на языке. Но Нина Владимировна словно прочла мои мысли.

— Вы, очевидно, хотите узнать, сколько мне лет? Я — вторая жена Петра Петровича, на двадцать пять

лет моложе его. В тридцать восьмом, когда умер Петр Петрович, мне шел пятьдесят второй год.

Нина Владимировна хотела еще что-то сказать, но остановилась, увидев мое крайне удивленное лицо.

— Вы не ошиблись, Нина Владимировна? Петр Петрович действительно умер в тридцать восьмом году? Я только что прочел в Большой Советской Энциклопедии, что он скончался в тридцать втором.

— Молодой человек, — строго посмотрела на меня опрятная старушка, — я, действительно, многое забыла, но год смерти своего мужа буду помнить до конца своих дней.

Разумеется, я больше не высказывал своих сомнений уже и без того слишком взволнованной Нине Владимировне, а задал ей еще один крайне важный для меня вопрос:

— Не осталось ли у вас каких-нибудь документов Петра Петровича: писем, фотографий, — в общем, любых материалов, связанных с его именем?

— Нет, ничего не осталось. Только одна эта фотография на стене, да и то не моя. Я ее просто пересняла и увеличила.

Да, нечего сказать, в хорошенькое дельце «втравил» меня любезный В. М. Травинский! Как же я буду писать очерк для «Звезды»? Откажусь, пока не поздно.

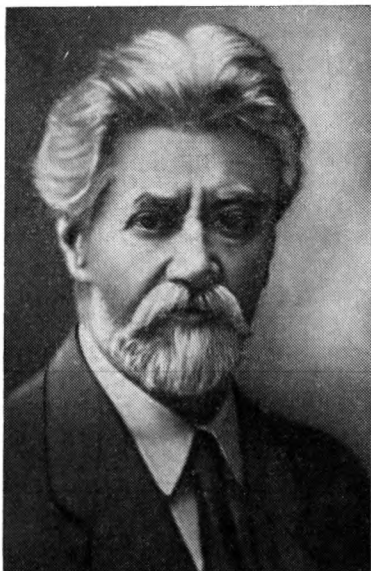
И вдруг Нина Владимировна снова будто прочла мои мысли.

— Сейчас я все расскажу, вы все поймете и, может быть, мой рассказ даст толчок вашим архивным и книжным поискам.

И полился неторопливый и бесхитростный рассказ старой женщины.

— В тридцатом году, после закрытия ленинградского издательства «П. П. Сойкин», Петр Петрович работал в различных издательских учреждениях города, — вспоминала Нина Владимировна. — Но вскоре заболел туберкулезом младший сын, врачи посоветовали сменить место, и в начале тридцать третьего мы переехали из Ленинграда в город Детское Село (ныне Пушкин).

Теперь, кажется, я стал понимать, почему автор статьи в БСЭ похоронил Петра Петровича на шесть лет раньше, а между тем, все эти шесть лет, с 1933 г. и до

Фотография П. П. Сойкина.

самой смерти он продолжал работать в Детскосельской типографии.

По молодости лет я не записал рассказ вдовы издателя, и сейчас, спустя 17 лет, я многое позабыл. Помню только, что Нина Владимировна тепло вспоминала знаменитого народовольца, ученого Николая Морозова, который вместе с другими крупными советскими учеными хлопотал в 1936 г. о назначении персональной пенсии Сойкину.

— После смерти Петра Петровича я оставалась жить в Детском Селе, — продолжала свой рассказ Нина Владимировна. — Когда началась война, эвакуироваться не успела — и фашисты угнали меня в Германию. Мучилась

в лагере, в прислугах у немецкого барона, и снова — в лагере. Сразу же после окончания войны вернулась в Пушкин, но дома нашего не нашла. Сгорел. Погибла вся библиотека Петра Петровича, вся его богатейшая переписка, погибли воспоминания, которые он писал всю свою жизнь. Даже могила Петра Петровича на Кузьминском кладбище не сохранилась: там стояла артиллерийская батарея, и немцы бомбили ее день и ночь. Мне было слишком тяжело оставаться в Пушкине. Я решила переехать в Ленинград. Но прописать меня отказались, и тогда, отчаявшись, я пошла на прием к начальнику милиции города, Герою Советского Союза, старому чекисту Ивану Владимировичу Соловьеву. Он слушал меня внимательно и вдруг спросил: «Скажите, пожалуйста, а к издателю Сойкину вы никакого отношения не имеете?» Узнав, кто я, долго меня не отпускал, все расспрашивал о Петре Петровиче, говорил, что многим обязан в своей жизни его изданиям. Прописку я получила...

— Нина Владимировна,— решился я прервать ее рассказ,— а жив кто-нибудь еще из родных Петра Петровича?

— У Петра Петровича от первого брака было восемь детей: пять сыновей и три дочери. Почти все погибли, защищая Советскую власть в гражданскую и Отечественную войны. Сейчас в живых осталась только невестка, Лидия Александровна, ее дочь Валентина Леонидовна Сойкина, то есть внучка Петра Петровича. У них я и взяла переснять эту фотографию. Живут они в Ленинграде, на Стремянной улице, 8,— там, где в советское время помещалось издательство «П. П. Сойкин».

Рассказ Нины Владимировны не мог оставить меня равнодушным, и я решил не только написать очерк для «Звезды», но и собрать все доступные материалы о жизни и деятельности незаслуженно забытого русского издателя.

ПЕНСИОННОЕ ДЕЛО

Но с чего начать? Где найти ту нить, за которую можно было бы потянуть в поисках архивных документов и материалов? Неужели ничего не сохранилось?

Припомнив весь свой разговор с вдовой издателя, я обратил внимание на фразу, которой первоначально не придавал никакого значения. На мой вопрос, как она сейчас живет, Нина Владимировна ответила, что получает пенсию за мужа.

Начинаю рассуждать: «Карповка относится к Петроградскому району Ленинграда. Следовательно, Нина Владимировна должна получать пенсию через Отдел социального обеспечения Петроградского района Ленинграда. А если она получает пенсию за мужа, то в ее пенсионном деле могут оказаться и документы, связанные с назначением пенсии самому Сойкину?»

Испытывая вполне понятное волнение, бросаюсь в Отдел социального обеспечения. Заведующая несколько охлаждает мой пыл:

— Вообще, мы никому не показываем пенсионные дела.

Объясняю, что пишу очерк об издателе Сойкине для журнала «Звезда». Заведующая по-прежнему непреклон-

на. Я рассказываю о своей встрече с вдовой, и она смягчается. Уходя за пенсионным делом, бросает: «Пожалуй, я вам покажу, но что там может быть, кроме нескольких официальных справок?»

Открываю папку. Сначала следуют пенсионные документы Нины Владимировны: трудовая книжка, справки о стаже и прочие необходимые в таких случаях бумаги. И вдруг — четким и красивым почерком письмо на двух страницах:

В Центральный Комитет Союза
Печатников Севера

Дорогие товарищи!

В связи с исполнившимся пятидесятилетием общественно-полезного труда Петра Петровича Сойкина по внешкольному образованию, проявившегося в выпуске многих сотен тысяч научных и научно-популярных книг, доставлявших в темные царские времена умственно-здоровую пищу не одному поколению и одни названия которых составили бы целый том, — мне хочется обратиться к вам с просьбой отметить эту выдающуюся из ряда деятельность и жизнь.

В первую очередь, напоминаю, что П. П. Сойкин издавал журнал «Научное обозрение», в котором сотрудничал сам Владимир Ильич Ленин, не говоря уже о других лицах, оставивших свое имя в истории революционного движения, как Луначарский, Плеханов и др. П. П. Сойкиным был издан ряд выдающихся книг, как «Всемирная география» известного ученого-коммунара Элизе Реклю, путешествия Пржевальского, Козлова, д-ра Елисеева и т. д. Им же издавались журналы и серии «Народный университет», «Знание для всех», «Природа и люди» и др.

П. П. Сойкин всегда был идейным, а не капиталистическим издателем. Он видел в своем деле возможность просвещения масс, отдавая этому делу и все свое время, и труд, и все, что получал за него.

Теперь П. П. Сойкин больной, 75-летний старик, нуждающийся в заботе и поддержке всех, о которых он прежде так много заботился. Он член вашего Союза, но еще и до его возникновения все время работал для того дела, для которого работает и ваш Союз. Я очень прошу

вас принять участие в хлопотах по назначению ему персональной пенсии, которую он безусловно заслужил, чтобы этим скрасить последние годы этого труженика, отдавшего всю свою жизнь на просветительную работу.
10 января 1936 года.

Николай Морозов.

Неужели это тот самый легендарный народоволец, знавший еще Карла Маркса, двадцать три года просидевший в одиночной камере Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, не сломленный и не упавший духом, в советское время — почетный член Академии наук СССР? Ну, конечно, это он. Я вспомнил слова Нины Владимировны о хлопотах Н. А. Морозова и других ученых о назначении Сойкину персональной пенсии. Значит, в этой папке могут быть и другие письма.

И действительно, дальше идут письма в Центральный Комитет Союза Печатников Севера Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, Л. С. Берга, Ю. М. Шокальского, Н. А. Рынина, И. В. Палибина, Я. С. Эдельштейна — замечательных советских ученых, которыми гордится наша страна.

Администрация и местный комитет Детскосельской типографии, где трудился последние годы старый русский издатель, поддерживая ходатайство ученых и отмечая, что «труд товарища Сойкина должен быть квалифицирован, как честный и общественно полезный, и сам он имеет основание быть признанным выдающимся деятелем по внешкольному просвещению трудящихся масс в эпоху мрачного гонения на истинно-материалистическое знание», обратились в Детскосельский районный Совет с просьбой о назначении П. П. Сойкину персональной пенсии.

2 января 1937 г. Президиум райсовета Детскосельского района Ленинграда рассмотрел вопрос о назначении Сойкину персональной пенсии местного значения «в связи с 50-летием его работы на типографском поприще и 75-летием со дня его рождения».

Было принято решение: «Назначить гражданину П. П. Сойкину персональную пенсию местного значения в размере 300 рублей в месяц, начиная с 1 января 1937 года».

Персональную пенсию Сойкин получал всего год. Он скончался 5 января 1938 г. Кроме копии свидетельства

о смерти издателя в пенсионное дело кто-то подшил некролог из ленинградской «Красной газеты» от 7 января 1938 г.

Итак, конец жизни Сойкина более или менее прояснился, но вот начало — откуда он родом, каковы первые шаги его издательской деятельности? И тут меня ждал новый сюрприз: автобиография Сойкина, написанная им в 1936 г., когда встал вопрос о персональной пенсии. Сойкин сообщал дату и место своего рождения, рассказывал о начале своей типографско-издательской деятельности — в общем, приводил как раз те данные, которых мне так не доставало.

ГОНОРАРЫ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ССЫЛЬНОМУ

Я уже хотел вернуть заведующей Отделом социального обеспечения пенсионное дело, как вдруг мое внимание привлекли два загадочных фотоснимка. Правда, сначала, я ничего не понял. На большом фотоснимке какая-то странная запись: «Должен. В. Ильин». Затем, под чертой, еще более странная запись: «Октября 6 послано переводом за № 228-54 — за пересылку — 25».

Как эти фотоснимки попали в пенсионное дело и почему следуют непосредственно за автобиографией издателя? Еще раз читаю автобиографию Сойкина. Ну, конечно, так и есть. От волнения я не обратил внимания на маленькую приписку Петра Петровича к автобиографии: «Факт сотрудничества В. И. Ульянова-Ленина в издаваемом мною журнале „Научное обозрение“ подтверждается: 1) прилагаемым при сем фотографическим снимком с почтовой квитанции о переводе мною, П. П. Сойкиным, В. И. Ульянову-Ленину, отбывавшему в ту пору административную кару в г. Минусинске, гонорара за статьи, напечатанные в „Научном обозрении“».

Действительно, за большим снимком следует маленький снимок с почтовой квитанции. На нем сумма гонорара — 54 руб., название города — Минусинск и фамилия — Ульянов. А что означает таинственная запись «Должен. В. Ильин» на большом снимке? И я вспомнил, что, находясь в ссылке в селе Шушенском, В. И. Ленин пересылал свои статьи в Петербург тайно, и они печата-

лись в «Научном обозрении» за подписями «Владимир Ильин» и «В. Ильин». И на большом снимке справа мелким почерком были написаны название статьи В. И. Ленина «Еще к вопросу о теории реализации», номер и месяц журнала.

Большой снимок — это страница из конторской книги Сойкина, куда он аккуратно вклеивал почтовые переводы своим авторам. Подклеив перевод в 54 руб., Сойкин теперь уже всегда помнил, что «В. Ильину» он ничего не «должен».

Значит, Сойкин знал, что настоящая фамилия В. Ильина, печатающегося в его журнале, — Ульянов, и знал, конечно, что Ульянов находится в ссылке. Из Минусинска шлет статьи, да еще под псевдонимом просит печатать, — наверняка политический ссыльный.

Но зная это, Сойкин тем не менее продолжает печатать статьи В. И. Ленина в своем журнале и не только продолжает печатать, но и посылает гонорар за эти статьи политическому ссыльному Ульянову прямо на место ссылки.

Какие ценнейшие документы хранятся в этой скромной папке пенсионного дела Петра Петровича и Нины Владимировны Сойкиных! Я закончил просмотр всех бумаг и, возвращая папку заведующей, поинтересовался, знает ли она о содержимом папки. Услышав отрицательный ответ, я познакомил заведующую с автобиографией Сойкина, с фотокопией гонорара политическому ссыльному В. И. Ульянову-Ленину, с письмом замечательных советских ученых, объяснил, как важно, что это все сохранилось, и как благодарны будут Райсобесу историки русской книги.

И вдруг заведующая побледнела и по мере моего рассказа бледнела все больше и больше.

— А вы знаете, — промолвила она. — Если б вы пришли на год позже, этой папки уже не застали...

На этот раз побледнел я.

— То есть как не застал?

— Очень просто. У нас такой порядок. Документы по персональным пенсиям хранятся в течение двадцати пяти лет после смерти пенсионера, а затем подлежат уничтожению. В шестьдесят третьем году как раз будет двадцать пять лет со дня смерти Сойкина.

— А нельзя передать эти документы в какое-нибудь другое государственное хранилище?

Заведующая ответила утвердительно, и скоро все материалы, связанные с назначением Сойкину персональной пенсии, поступили на вечное хранение в рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЕЩЕ ОДИН СЮРПРИЗ

В. М. Травинский сдержал слово. В сентябрьском номере «Звезды» за 1962 г., к 100-летию со дня рождения Сойкина, появилась моя статья «Жизнь, отданная книгам». Я рассказал о встрече с вдовой издателя, о некоторых наиболее интересных его изданиях, о важности изучения издательской деятельности Сойкина.

Прошло примерно полгода после публикации в «Звезде», я продолжал «вживаться» в своего героя, как вдруг снова звонок В. М. Травинского.

— Срочно приезжай. Пришло письмо на твое имя, очень важное для тебя и для вдовы издателя.

Конечно, немедленно еду в «Звезду». В. М. Травинский протягивает конверт с адресом отправителя: Адыгейская автономная область, г. Майкоп, Адыгейская улица, дом 140. Баталина Августа Петровна.

Читаю письмо и глазам не верю: «Я дочь Петра Петровича...» Как дочь? Нина Владимировна, а также невестка Сойкина и его внучка, с которыми я уже успел познакомиться, уверяли, что никого из детей Сойкина не осталось в живых. Теперь же я вспомнил, что это — вторая дочь издателя. В годы гражданской войны она вступила добровольно в Красную Армию и была санитаркой. В Отечественную войну, несмотря на свой престарелый возраст, она тоже была санитаркой. Все считали ее погибшей. Но и она думала, что никого из родных нет в живых. Писала в Пушкин Нине Владимировне на довоенный адрес, не зная, что этого адреса уже не существует, а Нина Владимировна писала в Кисловодск, где до войны жила Августа Петровна.

Все это я узнал позже, а пока спешу обрадовать Нину Владимировну и срочно пишу Августе Петровне.

Задаю ей десятки вопросов о Петре Петровиче, прошу вспомнить буквально любую мелочь из жизни, быта и издательской деятельности Сойкина. У нас завязывается переписка. В одном из писем я обратил внимание на следующие слова дочери издателя: «Помню, папа рассказывал, что он иногда собирал у себя революционную молодежь...»

Я отметил строчки карандашом, решив непременно разузнать об этом поподробнее. Ведь это еще один факт, подтверждавший демократизм русского издателя.

Помощь пришла совсем неожиданно. Помог Союз писателей СССР. Узнав, что Августа Петровна, человек весьма пожилой, получает сравнительно небольшую пенсию, я собрал необходимые документы и обратился в Союз писателей с просьбой о повышении пенсии дочери Сойкина. Через некоторое время получаю из Архива Октябрьской революции и Социалистического строительства в Москве фотокопию любопытных документов. Оказывается, Союз писателей запросил дополнительно материалы из наших центральных архивов, а, зная, что я собираю все о жизни и деятельности Сойкина, любезно выслал мне копии.

В первом документе говорилось, что помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции 6 июля 1904 г. о том, что на квартире Сойкина собирался социал-демократический кружок.

Но каким образом петербуржец Сойкин оказался в Екатеринославе (ныне Днепропетровск)? Может быть, это его однофамилец? Пишу Августе Петровне. Нет, все правильно. Петр Петрович часто отдыхал в Екатеринославе. Как и у многих людей старого поколения, у него была приверженность к определенным местам, он полюбил этот красивый город на Днестре и часто проводил там летние месяцы.

Второй документ как бы дополнял первый. Это было предписание Министерства юстиции Департаменту полиции от 2 мая 1908 г. В предписании сообщалось, что петербургский издатель Сойкин может быть обвинен по статье 129 уголовного уложения. К тому времени я уже знал, что эта «знаменитая» статья гласила: «Виновен в произношении или чтении публично речи или сочинения,

или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к учинению бунтовщического или изменческого деяния».

Но какой грех совершил Сойкин? Почему им заинтересовались Министерство юстиции и Департамент полиции? Вряд ли он произносил «бунтовщические» речи. Скорее всего он что-то крамольное напечатал весной 1908 г. в своей типографии. Но что?

Может быть, речь идет о газетах «Современная жизнь» и «Обновленная Россия», неоднократно преследовавшихся царским правительством и в конце концов запрещенных цензурой? Нет, Сойкин издавал их раньше, в период первой русской революции.

Просмотр издательских и книготорговых каталогов фирмы «П. П. Сойкин» за 1908 г. тоже ничего не дал. А что если съездить в Пушкин и попытаться найти тех, кто работал с Сойкиным в Детскосельской типографии в 30-е гг. Может быть, кто-нибудь близко знал Петра Петровича и сможет ответить на интересующий меня вопрос.

ПОЕЗДКИ В ПУШКИН

Летом 1962 г. я поехал в Пушкин. Правда, первый раз поехал не один. Со мной были невестка и внучка издателя. Я просил их показать хотя бы примерное место захоронения Сойкина на Кузьминском кладбище.

Бывшее кладбище представляло собой сравнительно небольшое поле, вдоль и поперек изрытое воронками от бомб и снарядов. Пользуясь какими-то, им одним знакомыми, едва уловимыми приметами, Лидия Александровна и Валентина Леонидовна Сойкины скоро указали место захоронения Петра Петровича. Мы отметили это место маленькой дощечкой и разошлись.

Дальнейшие поиски следов пребывания Сойкина в Пушкине я решил начать с местной типографии, той самой типографии, где Петр Петрович проработал корректором последние пять лет своей жизни.

Узнаю, что типография помещается там же, где помещалась до войны, что она по-прежнему действует, выпуская три раза в неделю газету «Вперед». Иду прямо к директору типографии. Нет, он человек сравнительно

молодой, о Сойкине ничего не слышал, да и в типографии никого нет с довоенным стажем. Впрочем, постойте, лет десять назад мы проводили на пенсию наборщика Георгия Юрьевича Янсона. Точно знаю, что до войны он в этой типографии работал.

Янсон, Янсон...— где же я читал эту фамилию? Кажется, совсем недавно. Ну, конечно, в пенсионном деле Сойкина. Ходатайство администрации и местного комитета Детскосельской типографии о назначении Сойкину персональной пенсии подписал профорг типографии Янсон.

И вот я в гостях у старейшего члена партии Г. Ю. Янсона, награжденного в честь 50-летия Октября орденом Красной Звезды.

— Петр Петрович поступил к нам в типографию на работу летом тридцать третьего. Но это была не первая наша с ним встреча. Впервые я увидел Сойкина в пятнадцатом году, когда меня, тяжело раненного на фронте, привезли в Петроград и положили в лазарет Сойкина.

— Что еще за «лазарет Сойкина»?

— В начале первой мировой войны по инициативе Сойкина был организован лазарет для раненых на средства сотрудников издательства и на пожертвования читателей всех журналов, выпускавшихся издательством «П. П. Сойкин». Петр Петрович показывал мне много писем от русских солдат, благодаривших его за спасение их жизнью.

Спрашиваю Г. Ю. Янсона, с кем встречался Петр Петрович в Детском Селе, в чем заключалась его работа в типографии. Оказывается, старого русского издателя часто посещали Н. А. Морозов, Я. И. Перельман, П. К. Козлов, а также жившие в Детском Селе А. Н. Толстой и В. Я. Шишков. А в типографии Сойкин корректировал местные периодические издания: «Бюллетень Детскосельского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» и газету «Ленинский путь».

— Сойкин постоянно был в работе и даже брал корректуру на дом. Работал до последних дней, а ведь ему было уже 75 лет! Был необычайно скромн, многие у нас даже не знали, что это знаменитый русский издатель, первый издатель Ленина. Именно Петр Петрович напечатал в 1895 году в своей типографии первую легальную

работу Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Задаю Г. Ю. Янсону последний, самый важный для меня вопрос. Не помнит ли он какие-нибудь нелегальные революционные издания Сойкина, может быть, сам Петр Петрович об этом рассказывал? (Меня все «мучило» обвинение Сойкина в 1908 г. по 129 статье уголовного уложения.)

Привожу почти дословный ответ Г. Ю. Янсона: «Сойкин имел заслуги перед партией. Еще до революции мы, старые большевики, знали, что в типографии Сойкина нелегально печатались издания партии».

Значит, все верно и недаром появилось предписание Министерства юстиции Департаменту полиции о том, что Сойкин «виновен в распространении сочинения, возбуждающего к учинению бунтовщического деяния».

Но это очень серьезный факт и хотелось, чтобы еще кто-нибудь подтвердил его. Г. Ю. Янсон опять приходит мне на выручку.

— Свяжитесь с Верой Андреевной Бордюковой. Она сейчас пенсионерка, живет в Гатчине, а в тридцатые годы была начальником наборного цеха Детскосельской типографии. Она часто бывала дома у Сойкина и может дополнить мои воспоминания.

Срочно пишу в Гатчину. Через несколько дней получаю ответ В. А. Бордюковой: «Первый раз я была у Петра Петровича дома после первомайской демонстрации в 1934 году. Он пригласил нас, несколько человек, на обед.

Перебирая многочисленные фотографии, Петр Петрович, указав на одну из них, рассказал нам, как в старое, дореволюционное время ему выпало большое счастье напечатать в своей типографии политическую литературу, в том числе и статьи В. И. Ленина, и вместе с художественной литературой рассылать во многие уголки России.

Я помню, как он показывал нам небольшие брошюры. Что это были за брошюры, я не помню, но были они политического характера. Петр Петрович рассказал, как много раз врывались в его типографию жандармы, и только большими деньгами он всегда отделялся от них...»

Значит, Г. Ю. Янсон был прав. И теперь понятно также, почему к Сойкину не применили знаменитую 129 статью уголовного уложения.

УЗНИКАМ ШЛИССЕЛЬБУРГА

В один из теплых летних дней 1914 г. две подводы подъехали к дому № 12 по Стремянной улице в Петербурге. На подводы никто из прохожих не обратил внимания. В доме № 12 помещалось издательство, типография и книжный склад П. П. Сойкина, и десятки подвод ежедневно из этого дома развозили увесистые пачки книг и журналов.

Однако две молодые девушки вместо того, чтобы, как обычно, проехать во двор и получить сойкинские издания, попросили провести их к самому владельцу издательства.

Владелец принял их в своем рабочем кабинете, и одна из девушек, та, очевидно, что была посмелее, изложила Сойкину свою необычную просьбу.

— Мы собираем книги для библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Не могли бы и вы нам помочь?

Несколько минут владелец крупнейшего петербургского издательства озадаченно смотрел на смелую девушку. Все-таки не каждый день к тебе обращаются с подобными просьбами.

Но молчание длилось недолго. Сойкин решил пожертвовать, конечно, неофициально, большое количество книг узникам Шлиссельбурга. Он вызвал заведующего книжным складом издательства и поручил ему «заняться» девушками.

В числе многих книг заведующий складом предложил девушкам некоторое количество «божественной» литературы: богословские сочинения, «жития святых», комплекты журнала «Русский паломник» и т. п.

— Вам такие книги нужны? — спросил заведующий складом с оттенком сомнения в голосе.

Но девушки неожиданно обрадовались: «Очень нужны! Очень!»

Через много, много лет одна из девушек, замечательная советская писательница Александра Яковлевна Бруш-

тейн вспоминала: «Мы не лгали. Нам в самом деле были очень нужны эти книги, хотя назначение их было особое. В переплетной мастерской Шлиссельбургской крепости они переплетались попеременно с книгами запрещенными, нелегальными. Титульный лист и первые 15-20 страниц из душеспасительной книги перемежались страницами нелегальной книги, дальше снова „божественное“, затем опять нелегальное. Такие книжные „слоеные пироги“ очень ценились в Шлиссельбурге...»

Когда я прочел об этом эпизоде в книге А. Я. Бруштейн «Вечерние огни», то решил немедленно написать автору книги. Я знал, что А. Я. Бруштейн была женой крупного советского медика, директора Петроградского клинического института для усовершенствования врачей С. А. Бруштейна. А Сойкин выпускал в 20-е гг. под редакцией С. А. Бруштейна «Журнал для усовершенствования врачей». Значит, Александра Яковлевна могла встречаться с Сойкиным и в советское время.

А. Я. Бруштейн посчитала своим долгом, несмотря на тяжелую болезнь, написать автору этого очерка обстоятельное письмо, в котором чувствуется глубокая заинтересованность в том, какой предстанет личность Петра Петровича на страницах моих будущих работ о нем.

«Если попытаться вспомнить и сформулировать впечатление, производимое П. П. Сойкиным,— первое впечатление и последующие, от дальнейших встреч с ним,— пишет А. Я. Бруштейн,— то я бы определила это так: он был рыцарем своего дела, фанатически верившим в высокую полезность книжного дела, в святость его предназначения. Он любил книгу,— самое, по его мнению, дорогое в жизни!»

Ленинград

ЧИТАЯ ГАРСИА ЛОРКУ

1.

На красном облаке скачет в синей тужурке вечер.
Звездный полог набросив, спешит ему ночь
навстречу.

Семь романсеро — встреча. Закат горит на ветру.
Каждому, как жар-птица, дарит он по перу.

Луч в окне замирает... Звезды падают с горки...
Словно бубен, стучится в сердце песня по Лорке.

2.

Звездами ночь прибита. Темный настой тревожен.
Сerp луны заостренный в надежные руки вложен.

Как вымя от молока, в ночи тяжелел он тоской,
Надеждою наливался, как зреющий плод тугой.

Сerp размахнется — усеется поле снопами.
Такая щедрая жатва! За ней молотба наступает.

3.

Мычит за оградой бык, вращает глазами во мраке.
Ему отвечают глухо склоны холмов и овраги.

Волы не водились на этой земле суровой.
Накинуть не просто на шею ярем воловий.

И рев земли раздается, как бычий крик.
Земля — она яростна и неприступна, как бык.

4.

Он слушает голос: все в мире подвержено тленью.
Раздумчиво эхо глухого сердцебиенья.

Кровь размывает, как мрачную крепость стен,
Горячую, взбухшую, синюю дельту вен.

Старость — по нем ли?.. Жандармская поступь.
Стон.

Ах, голос крови — в нестынущем сердце он.

5.

Гранадское лето плавится в блеклых оконцах.
Ноют раны холмов, нанесенные пиками солнца.
И небо, как колокол треснувший, угрюмо и немо.
И немые стога, на века погруженные в небо.
И стебли склоняются, подобно натруженным
спицам.
И гаснут красные маки, горевшие в желтой пшенице.

6.

Оставил он крик, застывший надгробием алым,
Песнею севший на источенный камень портала.
А в песне ливень качался и в землю входил лемех,
И девушки в звонких монистах ловили губами смех.
Гитары звенели, как пчелы, и падала синь сквозная.
В той песне — родная земля. Земля же смерти не
знает.

7.

И останется сад, облаченный в медлительный
шелест.
В быстрых речках — извечный, мятущийся нерест.
Над оливковой рощей вспыхнут теплые звезды.
И оранжевым месяцем апельсин проплывет по
воздуху.
И колодец оглохший, ушедший в землю отвесно,
Повторит, словно эхо, оброненную Лоркою песню.

Дела минувшие

Е. Немировский

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ЗАСТАВКИ

Главы из документальной повести
«По следам первопечатника» *

ПИРШЕСТВО УМА И ГЛАЗА!

Это стародавнее определение как нельзя лучше подходит к книгам, напечатанным русским первотипографом Иваном Федоровым.

Все в этих книгах прекрасно и гармонично. Превосходно читаемый шрифт создан рукой уверенного в себе каллиграфа. Замысловатое узорчье декоративной вязи членит книги на разделы, четко и недвусмысленно акцентируя их. Нарядные заставки придают книге праздничность. Пропорции текстовой полосы и обрамляющих ее полей близки к образцам, считающимся в типографском искусстве классическими.

В 1974 г. во Львове был издан альбом «Художественное наследие Ивана Федорова». Составил его известный украинский искусствовед Аким Прохорович Запаско. На страницах альбома воспроизведены — в натуральную величину — 388 элементов художественного убранства из книг первопечатника.

Не один год работал Запаско, чтобы установить, что в «Острожской Библии» 1580—1581 гг. 3 240 000 печатных знаков, 81 заставка, 68 концовок, 78 строк вязи, 1384 инициала. Более того, он указал, на каком из 628 листов воспроизведен тот или иной инициал, выявив попутно мельчайшие варианты оттисков.

Сделано это не по одной «Острожской Библии», а по всем изданиям Ивана Федорова.

Альбом А. П. Запаско закономерно завершил многолетние труды исследователей, изучающих искусство первопечатных книг. Путь к постижению истины не был простым и прямым. На этом пути искусствоведов ждали сенсационные находки и непредвиденные просчеты, волнующие озарения и досадные ошибки...

РАМКА «АПОСТОЛА ЛУКИ»

Раскроем «Апостол» 1564 г. — первую точно датированную русскую печатную книгу, выпущенную в свет в Москве 1 (11) марта. Первые семь листов занимают всевозможные предисловия и оглавления. Переворачиваем восьмой лист — и перед нами гравированный на дереве фронтиспис, предпосланный основному тексту книги.

---

* Главы из повести публиковались в журнале «В мире книг» (1977, № 2), в «Альманахе библиофила» (1977, вып. 4; 1978, вып. 5).

Апостол Лука.
Фронтиспис «Апостола»
1564 г. Ксилография

Гравюра эта — портрет легендарного автора «Апостола» — евангелиста Луки.

Лука сидит на низкой скамеечке с массивными ножками. Голова апостола наклонена вперед, фигура согблена. На коленях у него книга. Лука поддерживает ее руками. Босые ноги покоятся на подушечке. Рядом — подставка-горка для письма, на которой лежит раскрытый свиток: апостол только что кончил писать. Написанные им строки можно прочитать: «Первое же слово...». На горке стоят также чернильница с гусиным пером и песочница. Песком припорошивали свеженаписанный текст, чтобы он не смазывался.

Изображение заключено в рамку. Это — триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием. Свод поддерживают колонны с пышными капителями и обильно декорированным цоколем.

О фронтисписе «Апостола» 1564 г. писали многие: знаменитый русский критик В. В. Стасов, изучатели старой гравюры Д. А. Ровинский, В. Е. Румянцев и др.

Особенно подробно исследовал эту гравюру Алексей Иванович Некрасов (1885—1950).

Художественное убранство рукописей и древних печатных книг заинтересовали его еще в ту пору, когда он учился в Московском университете и посещал семинарий приват-доцента А. С. Орлова. Впоследствии приват-доцент стал академиком.

Александр Сергеевич Орлов (1871—1947), будучи специалистом по истории древнерусской литературы, всегда любил книгу и интересовался ее историей. В 1931 г. он возглавил Музей книги, документа и письма — первый в нашей стране крупный научно-исследовательский книговедческий центр.

В 1935 г. под редакцией А. С. Орлова был издан сборник «Иван Федоров первопечатник». В сборнике много интересных и значительных материалов. Открывается он речью президента Академии наук СССР А. П. Карпинского, произнесенной 18 декабря 1933 г. на торжественном заседании по случаю 350-летия со дня кончины первого типографа.

Сам Орлов опубликовал на страницах сборника статью «К вопросу о начале печатания в Москве», а также любопытные «Воспоминания о диспуте проф. А. И. Некрасова». О них-то и пойдет у нас речь.

Александр Сергеевич вспомнил о событии, случившемся 20 апреля 1921 г. В старом актовом зале Московского университета Алексей Иванович Некрасов защищал диссертацию «Ксилографический орнамент первопечатных московских книг». А. С. Орлов присутствовал на защите и вечером, вернувшись домой, составил для себя сжатый конспект дис-

куссии, как обычно делал во время различных конференций и научных сессий.

Через 15 лет Орлов посчитал целесообразным опубликовать этот конспект. Он предпослал публикации краткое вступление, в котором просил А. И. Некрасова извинить ему всевозможные неточности, которые неминуемо окажутся «в этом конспекте данных, усвоенных лишь по слуху».

Конспект Александра Сергеевича позволяет нам проникнуть в актовый зал Московского университета, чтобы присутствовать на защите диссертации А. И. Некрасова.

Искусствоведы, собравшиеся на диспут, с интересом поглядывали на горку старых книг, лежавших перед диссертантом. Алексей Иванович раскрыл одну из них и показал присутствующим гравюру, многим хорошо знакомую. Это был фронтиспис «Апостола» 1564 г.

— Сравните фронтиспис с этой гравюрой, — сказал Некрасов и раскрыл другую книгу.

В гравюрах ничего общего не было. На второй из них был изображен рыцарь в тяжелых доспехах, сидящий на камне. Апостола Луку рыцарь этот ничем не напоминал.

— Обратите внимание на рамку, — подсказал Алексей Иванович.

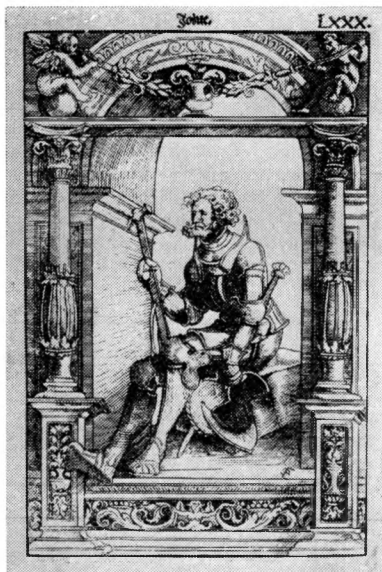
Рамки, действительно, были очень похожи. И тут и там триумфальные арки с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием, на котором стоит ваза с цветами. Те же пышные капители бочкообразных колонн. Тот же орнамент на декорированном цоколе.

Были и различия. На гравюре с рыцарем над капителями были изображены шары, на которых сидели голенькие ангелочки, поддерживающие вьющуюся растительную гирлянду. На подножии рамки обнаженная сирена держала в руках два рога изобилия. Эти традиционные мотивы западноевропейского искусства в московской богослужебной книге были, конечно, неуместны. Иван Федоров выбросил ангелочков, а попутно — гирлянду с шарами. Место по бокам арки он обозначил привычными для нашего иконописания цилиндрическими отверстиями — «окнами».

Поясное изображение обнаженной сирены русский мастер заменил пучком трав, перехваченных ремешком.

Но в целом композиция была сохранена прежней. Иван Федоров, работая над фронтисписом, вне всякого сомнения, держал перед собой книгу, которую сейчас демонстрировал аудитории А. И. Некрасов.

— Гравюра эта, — сказал Алексей Иванович, — называется «Иисус Навин». Исполнил ее немецкий гравер Эргард Шен (ок. 1491—1542),

*Эргард Шен. Иисус Навин.
Ксилография из «Ветхого завета».
Нюрнберг, 1524 г.*

ученик великого Дюрера. Помещена она в «Ветхом Завете», изданном в 1524 г. в Нюрнберге.

Впоследствии Алексей Алексеевич Сидоров, старейший советский книговед, член-корреспондент Академии наук СССР установил, что Иван Федоров мог держать в руках и другую книгу, ибо та же гравюра Шена воспроизведена в чешской «Библии» 1540 г.

Рамка «Апостола Луки» очень нравилась первопечатнику. Он выпилил из гравюры изображение евангелиста и неоднократно использовал рамку в других книгах. В львовском «Апостоле» 1574 г. он поместил в нее новое изображение Луки, в «Острожской Библии» 1580—1581 гг. — текст титульного листа.

Заставка из «Апостола» 1564 г.

Понравилась рамка и другим типографам. Книговед из Вильнюса Лев Иванович Владимиров еще в 40-х гг. нашего столетия установил, что рамку Ивана Федорова перекопировали и широко использовали литовские печатники. Один из них — Ян Карцан — поместил в рамку титул «Постиллы» Григория с Жарновца, выпущенной двумя изданиями в 1597 и 1605 гг. Другой виленский типограф — Якуб Моркунас использовал тот же рисунок для «Постиллы литовской», напечатанной в 1600 г.

Виленские типографы Мамоничи целиком скопировали фронтиспис московского «Апостола» для своих изданий той же книги, выпускавшихся в 80—90-х гг. XVI столетия.

Виленские «Апостолы» так похожи на московские, что во многих библиотеках их путают.

Различить их можно по характерной форме нимба — сияния вокруг головы апостола Луки. В московском издании нимб расходится лучиками, а в виленском выполнен в виде двух concentричных окружностей.

Вернемся к открытию А. И. Некрасова. Едва ли не одновременно с ним прототип рамки фронтисписа первой точно датированной русской печатной книги обнаружил украинский искусствовед М. О. Макаренко. Он рассказал об этом в статье «Орнаментация украинской книги XVI—XVII вв.», опубликованной в 1926 г. На работы Некрасова, появившиеся за два года пред тем, он не сослался. Московский профессор обиделся. Между ним и Макаренко произошел неприятный обмен письмами, кото-

рые были преданы гласности киевским журналом «Библиологические известия».

Деликатное дело — научный или литературный приоритет. Вроде бы и нет основательной причины, а серьезные люди глубоко переживают. Сегодня эти споры кажутся нам малосущественными. Но вспомним, сколько таких же недоразумений и размолвок было в нашей собственной жизни...

ПРОТОТИПЫ

Иван Федоров скопировал для своего фронтисписа рамку немецкого или чешского издания первой половины XVI века. Скопировал, правда, не точно; многое он исправил и переработал в духе московских традиций. Но сам факт от этого не меняется.

Иному читателю покажется предосудительным свободное заимствование мотивов, образов, тем. Но понятия XVI в. о плагиате сильно отличались от наших. Не только заимствование, но и дословное копирование в ту пору были делом обычным.

Сам Дюрер, великий Альбрехт Дюрер, свободно брал у предшественников сюжеты и основы композиции своих гравюр.

Впрочем, случай с рамкой «Апостола Луки» мог быть всего лишь случайным эпизодом в типографской практике первопечатника.

Оказалось, что это не так.

Самое замечательное в художественном убранстве «Апостола» 1564 г. — это заставки. Их в книге 48, но некоторые повторяются. Исполнены заставки в технике ксилографии, или гравюры на дереве. Чтобы воспроизвести их, Иван Федоров (или работавший с ним гравер) изготовил 20 досок различных рисунков.

Говоря об украшениях «Апостола», Алексей Иванович Некрасов утверждал: «Их описывать невозможно, а следует просто насладиться непосредственным зрелищем».

Все заставки — удлиненные прямоугольники с узорным завершением в центре и боковыми украшениями — акротериями. На черном поле — праздник буйной, причудливо изгибающейся листвы. Реалистичны сучковатые ветви. Что-то знакомое — маковки, гвоздики, шишки — проглядывает в завершающих ветви «плодах». Но листва откровенно фантастична. Дать ей четкую ботаническую «привязку» просто невозможно.

Где только не искали прототипы заставок Ивана Федорова — в итальянских архитектурных барельефах, в орнаментации византийских шелков, в готическом обрамлении западноевропейских рукописей...

Сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. Ф. Гарелин, просматривая как-то — еще в начале 20-х гг. — альбом с гравюрами из старых немецких книг, обратил внимание на инициалы, в которых определенно просматривались отдельные элементы заставок Ивана Федорова — такие же шишки и цветки. Своими наблюдениями он поделился с Николаем Петровичем Киселевым (1884—1965), лучшим у нас знатоком западноевропейской книги, которому и выпало на долю раскрыть секрет заставок.

Случилось это лет тридцать спустя.

На первых порах разыскания завели Николая Петровича в тупик. Не в том смысле, что он не смог найти похожие рисунки. Совсем наоборот! Он нашел их слишком много!

Гравированные инициалы с отдельными элементами, впоследствии использованными Иваном Федоровым, Н. П. Киселев обнаружил в изданиях нюрнбергских типографов Петера Вагнера и Конрада Ценингера, работавших в конце 80-х — начале 90-х гг. XV столетия — прославленного века инкунабул. А затем — в книгах лейпцигского печатника Мартина Ландсберга и магдебургского — Морица Брандиса. В испанском городе Бургосе такие инициалы использовал Фридрих Биль, а в Лиссабоне — Валентин Фернандес.

Надо сказать, что ни одного из перечисленных изданий Николай Петрович не видел — все они очень редки, в московских библиотеках их не было. Киселев пользовался альбомами гравюр и старопечатной орнаментики, которые во множестве издавались в первые десятилетия XX в.

Результаты поисков были столь обильны и разнообразны, что Киселев не решился делать из них какие-либо выводы. О поисках впервые рассказала Антонина Сергеевна Зернова на страницах монографии «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» (М., 1947).

«Если Иван Федоров видел одно из этих изданий и с него заимствовал рисунок своего орнамента, — писала она, — то скорее это было какое-нибудь немецкое, лейпцигское или магдебургское, чем испанское. Отсюда он мог взять элементы своих заставок: шишки, перевитые конусы и пр., а главное, черный фон».

У Алексея Ивановича Некрасова было иное мнение. В статье «Первопечатная русская гравюра», опубликованной еще в 1935 г. в сборнике «Иван Федоров первопечатник», он утверждал, что истоки орнаментики Ивана Федорова следует искать в русских рукописях. Он даже назвал в каких — в «Евангелии» 1507 г., выполненном в Москве по заказу боярина Третьякова прославленным живописцем Феодосием, сыном Дионисия, в «Евангелии» 1531 г. мастера Исаака Бирева и в так называемом «Филаретовском Евангелии» 1537 г.

Что же касается растительных мотивов изданий Ивана Федорова, то, по мнению А. И. Некрасова, они типичны «для италянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Мекенема».

Читателю нужно запомнить это имя.

ИЗ РУКОПИСНЫХ КНИГ — В ПЕЧАТНЫЕ

Марфа Вячеславовна Щепкина, заведующая Отделом рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, встретила меня неласково. Она придирчиво осмотрела меня с ног до головы, тщательно проверила официальные отношения, которые я принес с собой. Затем, когда я начал смотреть рукописи, несколько раз подходила и делала замечания...

На двух длинных столах, обитых клеенкой, стояли складные пюпитры. Перелистывать фолианты прямо на столе не разрешалось. Нельзя было и класть на стол рукописи, ожидавшие своей очереди. Они должны были стоять корешками вперед — как на полках.

— Не забывайте, что рукописи эти будут изучать и через двести и через тысячу лет! — говорила Марфа Вячеславовна.

Нужно, однако, пояснить, зачем я пришел в Исторический музей.

В 1958 г., когда отмечалось 375-летие со дня смерти Ивана Федорова, Отделение исторических наук Академии наук СССР подготовило к печати

сборник «У истоков русского книгопечатания». Здесь были опубликованы интересные статьи М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова. Речь у нас, однако, пойдет не о них.

Самой интересной в сборнике для меня оказалась статья Е. В. Зацепиной с «академическим» и осторожным названием — «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента».

Одна из старейших сотрудниц Исторического музея подробно описала здесь 10 рукописей конца XV — первой половины XVI в. Среди них и те, о которых упоминал А. И. Некрасов. Общим для рукописей было использование в художественном убранстве так называемой «фразии», или мотивов западной орнаментики.

Статья была превосходно иллюстрирована. Среди репродукций я увидел знакомые мне заставки «Апостола» 1564 г. Это были не гравюры, нет, а воспроизведенные вручную заставки древнерусских рукописей. Черно-белая сердцевина была заключена в узорные рамки, прописанные разноцветными красками. Этого, конечно, у Ивана Федорова не было. Но рисунок сердцевины, «клейма», повторялся почти буквально.

Одной из рукописей было «Евангелие» двадцатых годов XVI в., которое издавна хранилось в так называемом Музейском собрании Государственного исторического музея под № 3443.

Чтобы посмотреть рукопись, я и пришел в музей.

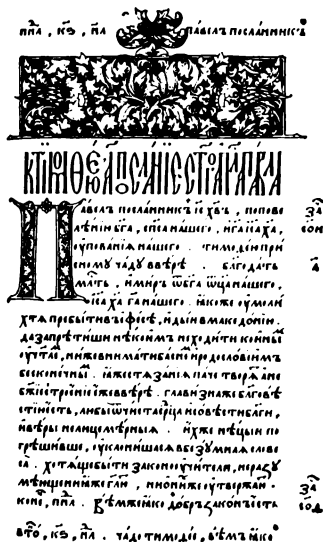
Толстый тяжелый том лежал на пюпитре. Деревянные доски переплета одеты синей камкой и украшены серебряными жуковинами. Я отстегнул серебряные застежки и открыл рукопись.

Вот уж, действительно, пиршество красок!

В дальнейшем мне не раз приходилось испытывать чувство, столкнувшись с которым впервые я был поражен до крайности. Казалось, что рукопись никто до тебя не открывал. И что краски, яркие и свежие, были наложены только вчера.

Старые мастера владели секретом бессмертия. Не личного, нет, ибо их собственные имена, чаще всего не обозначенные на страницах рукописей, забылись. Но дело их рук поистине бессмертно!

Несколько лет спустя я испытал то же чувство, на этот раз особенно сильное, когда крупнейший у нас знаток древнерусского рукописания Николай Николаевич Розов показал мне только что вынутое из сейфа «Остромирово Евангелие». Не верилось, что передо мной древнейшая русская книга, которой от роду 900 лет. И совсем уж казалось неправдоподобным, что до меня страницы ее перелистывали тысячи, десятки тысяч рук и что среди читателей книги были новгородский посадник Остромир,

Полоса из «Апостола» 1564 г.

живший в XI столетии, Петр Великий, императрица Екатерина II, великий баснописец Иван Андреевич Крылов, знаменитые ученые А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский...

Но вернемся в Исторический музей.

В «Евангелии» Музейского собрания нашлись две заставки того стиля, который впоследствии назвали старопечатным. Одна из них почти без всяких изменений была воспроизведена в технике гравюры на дереве Иваном Федоровым в «Апостоле» 1564 г., а вторая — его учеником Андроником Тимофеевым Невежей в «Триоди постной» 1589 г.

Сборник «У истоков русского книгопечатания» со статьей Е. В. Зацепиной вышел в свет в 1959 г. Год спустя появился выпуск 22-й «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, полностью посвященный художественному убранству и переплетам рукописей из библиотеки Троице-Сергиевого монастыря. Рукописи эти с 1930 г. хранятся в Библиотеке им. В. И. Ленина. Сотрудница отдела Татьяна Борисовна Ухова систематизировала миниатюры, заставки и инициалы рукописных книг, составила превосходный альбом типовых схем заставок и их репродукций.

Оказалось, что многие заставки, впоследствии воспроизведенные в печатных книгах, многократно повторялись в рукописях первой половины XVI в. Ту заставку, которую мы видели в «Евангелии» Музейского собрания, Иван Федоров мог скопировать не из этой книги, а, допустим, из «Евангелия» 1531 г. или «Апостола» 1540-х гг. которые издавна находились в библиотеке Троице-Сергиевого монастыря.

Работы Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой внесли полную ясность в спорный вопрос: «Где впервые появилась старопечатная орнаментика — в рукописях или в печатных книгах?»

Стало ясно, что заставки Ивана Федорова и других первопечатников воспроизводили орнаментiku русских рукописных книг первой половины XVI столетия.

Открытым оставался вопрос о том, откуда эти мотивы пришли в рукописную книжность.

МУЗИЦИРУЮЩИЕ АНГЕЛЫ

В поисках истоков старопечатной орнаментики я несколько месяцев, изо дня в день, просиживал вечера в Историческом музее или в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. Смотрел рукописи, описанные Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой, а затем книги и из других фондов.

Четвертой из рукописей, описанных Е. В. Зацепиной, была «Книга пророков», которая когда-то принадлежала Троице-Сергиевому монастырю, с 1814 г. находилась в библиотеке Московской духовной академии, а после революции — в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Рукопись давно известна исследователям. Искусствоведы много писали о замечательных миниатюрах, изображающих библейских пророков. Утверждали, что они принадлежат кисти прославленного художника конца XV в. Дионисия.

На обороте первого листа — надпись: «В лето 6998 декабря 25 написаны сия божественны пророческия книги в преименитом и славном граде Москве...» Далее текст тщательно вытерт.

6998 г. «от сотворения мира» — это 1489 г. по новому летоисчислению.

Старопечатных заставок в рукописи нет. Однако Е. В. Зацепина в некоторых украшениях нашла элементы западного влияния, «фразии». Такова заставка, на которой изображены ангелы в коричневых рясах. Один ангел играет на лютне, другой — на виоле. Пространство между ними художник заполнил буйными цветами и травами, нарисовав также большую синюю птицу с распластанными крыльями.

Говоря о музицирующих ангелах, искусствовед А. Н. Свирин, автор вышедшей в 1950 г. книги «Древнерусская миниатюра», отмечал: «Их лица не имеют ничего общего с изображениями ангелов в русской иконографии. Коричневые одежды, головные повязки, форма и трактовка крыльев напоминают изображения западного книжного искусства».

Примерно то же утверждала Е. В. Зацепина: «Для древней Руси изображения эти прямо недопустимы с точки зрения православия, они явно указывают на западный образец. Надо думать, что это и явилось той причиной, которая заставила стереть последние слова летописи, вероятно содержавшие имя писца».

В последнем, однако, Е. В. Зацепина ошиблась. Запись, которую мы привели выше, содержала имя не писца, но заказчика. Искусствоведы В. А. Кунин и Г. В. Попов недавно восстановили стертую часть записи, используя методы криминалистической экспертизы. Заказчиком оказался дьяк Василий Мамырев, один из приближенных великого князя Ивана III. Был он человеком книжным. Известно, что именно ему заморские «гости» привезли рукопись «Хожения за три моря» прославленного землепроходца Афанасия Никитина.

Итак — западный образец. Но какой? Когда и какими судьбами он попал на Русь?

Может быть, и оформлял «Книги пророков» какой-нибудь заезжий иностранец?

Я сразу отбросил эту мысль. Никогда бы не позволили иностранцу вложить свой труд в создание богословской книги для православной церкви!

Где же искать прототип заставки с музицирующими ангелами? В книгах западноевропейского происхождения? Вполне возможно. Ведь книгопечатание к тому времени существовало уже около 50 лет. К концу XV в. печатные станки работали в 260 городах Европы и напечатали около 40 тысяч книг тиражом свыше 10 миллионов экземпляров. Попадали эти книги и в далекую Москву.

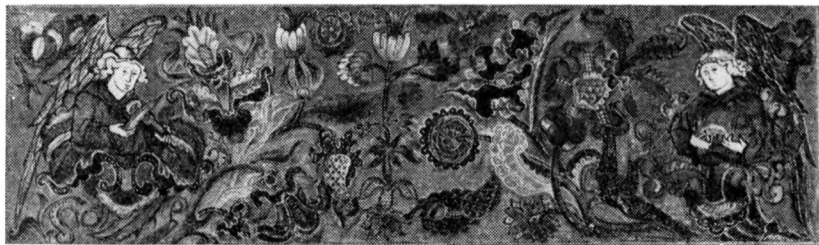
Есть замечательный справочник, который называется «Иллюстрации ранних печатных изданий». Составил его немецкий искусствовед Альберт Шрамм, который на протяжении многих десятилетий тщательно изучал инкунабулы — печатные книги, выпущенные в XV столетии. Свой труд Шрамм, к сожалению, не окончил. Но и то, что он успел сделать — 23 больших тома, издававшихся Немецким музеем книги и шрифта в Лейпциге в 1920—1943 гг., — колоссальное подспорье для исследователя. Каждый том посвящен какой-либо одной типографии, и в нем воспроизведены все гравюры из книг, выпущенных этой типографией.

Я добросовестно просмотрел в читальном зале Отдела редких книг Библиотеки им. В. И. Ленина все 23 тома. Ушло на это около недели. Но прототип заставки с музицирующими ангелами так и не нашел.

А что если поискать прототип среди листовой западноевропейской гравюры? Листы, оттиснутые с гравированных деревянных досок или с

медных пластин, были широко распространены в ту пору. Изображали они сцены из Библии, невиданных заморских зверей и птиц, а иногда и бытовые картинки. Популярны были всевозможные орнаментальные композиции. Очень рано — возможно, в начале XV столетия — таким образом стали печатать и игральные карты.

Я решил подробнее познакомиться с обстоятельствами возникновения ручных репродукционных процессов и взял в Библиотеке им. В. И. Ленина книгу немецкого искусствоведа Макса Гайсберга «Начало немецкой гравюры на меди и мастер „ES“». Собственно говоря, я выписал не одну эту книгу, а несколько — вопрос о начале гравирования достаточно хорошо разработан; труды в этой области — не редкость. Но именно на страницах книги Гайсберга меня подстерегала неожиданная удача.

Заставка из «Книги пророков» 1489 г.

На одной из репродукций — а их в книге было много — я увидел фрагмент какой-то гравюры с оборванным краем. Первое, что бросалось в глаза, — изображение Мадонны с молитвенно сложенными руками. Я хотел уже перевернуть страницу, но тут заметил по углам листа хорошо знакомых мне музицирующих ангелов. Одного — с лютней, другого — с виолой. А затем и птицу. Правда, крылья у нее были не распластаны, а сложены.

Ни Мадонны, ни такой птицы на заставке из «Книги пророков» не было. Но музицирующие ангелы — бесспорно, те же самые.

Мастер, оформлявший древнерусскую рукопись, с завидной точностью перенес на свою заставку изображения ангелов и орнаментiku с гравюры немецкого художника второй половины XV в. Гравюра сохранилась в единственном экземпляре, к тому же — с оторванным краем. Фрагмент этот находится в Гравюрном кабинете Дрезденской картинной галереи.

У меня не было никаких сомнений, что один из оттисков гравюры в 80-х гг. XV в. попал в Москву.

Имя гравера, который выполнил «Фрагмент с Мадонной», неизвестно. Искусствоведы атрибутировали ему несколько гравюр и по названию одной из них стали именовать его «Мастером берлинских страстей». Работал он в нидерландском городе Бохольте примерно в 50—60-х гг. XV столетия.

По технике гравирования к нему очень близок другой мастер, также работавший в Бохольте, но несколько позднее. Некоторые искусство-

веды считают его сыном и преемником «Мастера берлинских страстей». Известно около 600 листов, подписанных его монограммой или полным именем.

Звали гравера Израэль ван Мекенем.

Где-то я слышал это имя? Ах, да, Алексей Иванович Некрасов считал, что растительные мотивы орнаментики Ивана Федорова типичны «для италянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Мекенема».

БУКВИЦЫ ИЗРАЭЛЯ ВАН МЕКЕНЕМА

Есть прекрасное издание, подобное альбомам Альберта Шрамма, относящееся к листовой гравюре на меди. Составил его австрийский искусствовед Макс Лерз. Называется оно «История и критический каталог немецкой, нидерландской и французской гравюры на меди XV столетия». Первый том труда вышел еще в 1908 г. Каталог гравюр Израэля ван Мекенема и воспроизведение некоторых из них я нашел в 9-м томе, изданном в 1934 г.

«Игра в карты», «Танец влюбленных», «Дуэт» — на листах ван Мекенема проходила передо мной повседневная жизнь небольшого нидерландского городка. Гравер был превосходным орнаменталистом. Он делал рисунки для ваз, архитектурные украшения... А вот и алфавиты — большие декоративные буквицы, заполненные цветами и травами.

Да ведь некоторые из этих буквиц я уже видел в книге А. С. Зерновой «Начало книгопечатания в Москве и на Украине». Для Антонины Сергеевны буквицы отыскал Н. П. Киселев; они взяты из книги «Обозрение тела, души, чести и блага», напечатанной в Нюрнберге в 1489 г.

Так вот где исток тех многочисленных инициалов, которые Н. П. Киселев обнаружил в книгах немецких, испанских, португальских типографов!

Серия гравюр Израэля ван Мекенема называлась «Большой прописной алфавит». Состояла она из шести листов, на которых было изображено 24 знака. По стволам — штамбам — литер гравер пустил व्यюнок из широколопастных листьев растения, которое искусствоведы называют акантом. Мотивы акантовой листвы очень популярны в готической орнаментации рукописных книг XIV—XV вв. В промежутках между штамбами ван Мекенем поместил причудливые шишки, цветки, бутоны, маковые головки.

Книгопечатникам понравился алфавит Мекенема. В самых различных уголках Европы — в Нюрнберге, Антверпене, Лиссабоне, Мадриде — типографы изготовляли ксилографические копии буквиц и украшали ими свои книги.

В конце XV в., какими путями — неизвестно, листы первых нидерландских и немецких гравюров по металлу попали в Москву. И здесь они понравились. Книгопечатания на Руси в те годы еще не существовало. Но было немало мастерских, в которых изготовляли рукописные книги.

Среди листов была гравюра с Мадонной и музицирующими ангелами. Был и «Большой прописной алфавит» Израэля ван Мекенема.

Листы ван Мекенема своеобразно использовали в Москве. Основным элементом художественного убранства западной книги был инициал. Русские мастера, напротив, больше внимания уделяли заставкам. Они

вносят орнаментiku инициалов ван Мекенема в заставку, используя буквицу в качестве своеобразного круглого или прямоугольного «клейма».

В буквицах ван Мекенема мне удалось отыскать прототипы почти всех заставок из рукописных книг, которые были опубликованы Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой. А значит — и заставок Ивана Федорова, ибо многие из них копировали рукописные!

Я написал статью об орнаментике московских первопечатных изданий и отнес ее в редакцию «Трудов» Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения. В институте этом я работал с 1950 г.

Читатель, наверно, удивляется и пытается отыскать связи между полиграфическим машиностроением и старопечатными книгами. Нужно пояснить, что в институте, о котором идет речь, есть отдел новых шрифтов, занимающийся также проблемами наборной орнаментики. Художник Николай Яковлевич Караванский, работавший в этом отделе, создал наборный орнамент «РСФСР», построенный на орнаментальных мотивах Ивана Федорова. Так что тема моей статьи «вписывалась» в тематику института.

О своей находке я решил рассказать Николаю Петровичу Киселеву, с которым недавно познакомился. Ведь Киселев еще в 20-х годах разыскал ксилографические копии инициалов Израэля ван Мекенема.

Раз в месяц я встречался с Николаем Петровичем на секции книги Московского Дома ученых, куда только-только начинал ходить. В тот день мы сидели под картиной фламандского художника Франса Снайдерса, на которой в живописном беспорядке разгуливали и летали всевозможные птицы. Снайдерс жил примерно в тех краях, где за полтора-два десятилетия пред тем трудился Израэль ван Мекенем.

Немного волнуясь, я начал рассказ о поисках.

— А я ведь знаю об инициалах ван Мекенема, — улыбнулся Николай Петрович. — Более того, написал статью о происхождении московского старопечатного орнамента. Она должна быть опубликована в сборнике, который готовится к печати издательством «Советская Россия». Да и в Доме ученых я говорил об этом.

Я сказал Киселеву, что тоже написал статью и, видимо, примерно о том же самом.

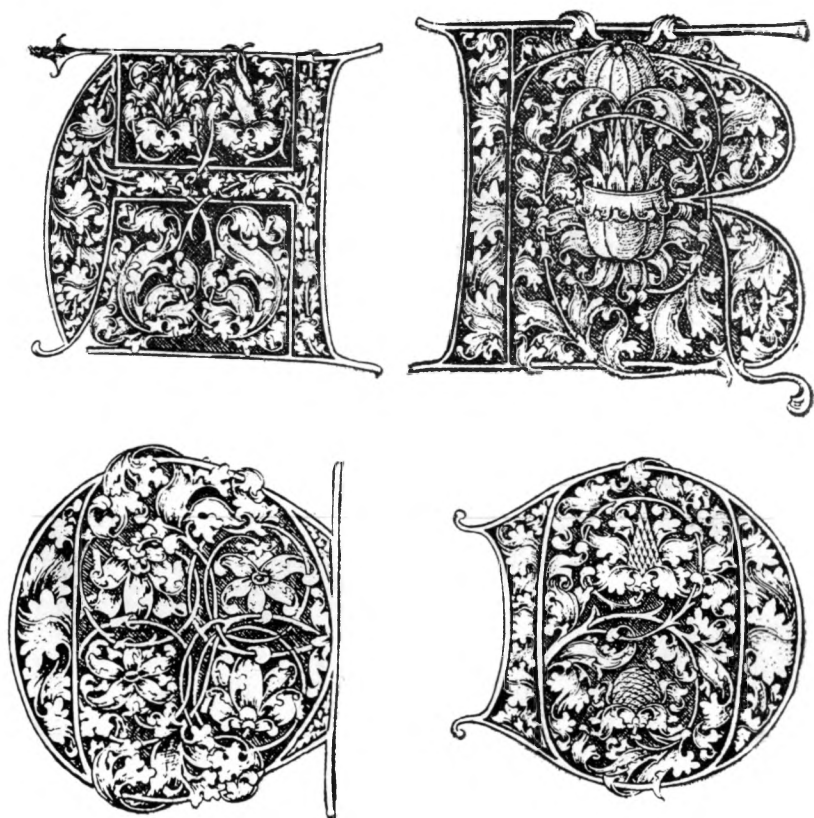
— Ну что же, — проговорил Николай Петрович. — Одно другому не мешает. Ведь мы не знали о работах друг друга. Да и статьи, наверняка, у нас разные.

Я узнал, что доклад свой Н. П. Киселев сделал в Московском Доме ученых еще в декабре 1955 г. В ту пору я занимался историей полиграфической техники и не думал, что когда-нибудь буду идти по следам первопечатника Ивана Федорова.

На следующий день я поехал в типографию, где уже набирался очередной том «Трудов» с моей статьей. Типография принадлежала институту и мне не составило труда уговорить наборщиков внести в текст такое примечание: «Связи между гравированным на металле алфавитом Израэля ван Мекенема и московской старопечатной орнаментикой подробно изучены Н. П. Киселевым. Результаты исследования доложены им в декабре 1955 г. на заседании секции книги Московского Дома ученых».

21-й выпуск «Трудов» НИИполиграфмаша с моей статьей вышел в свет в 1962 г. Я рассказал здесь о заставке с музицирующими ангелами, о буквицах Израэля ван Мекенема и о многом другом, о чем речь впереди.

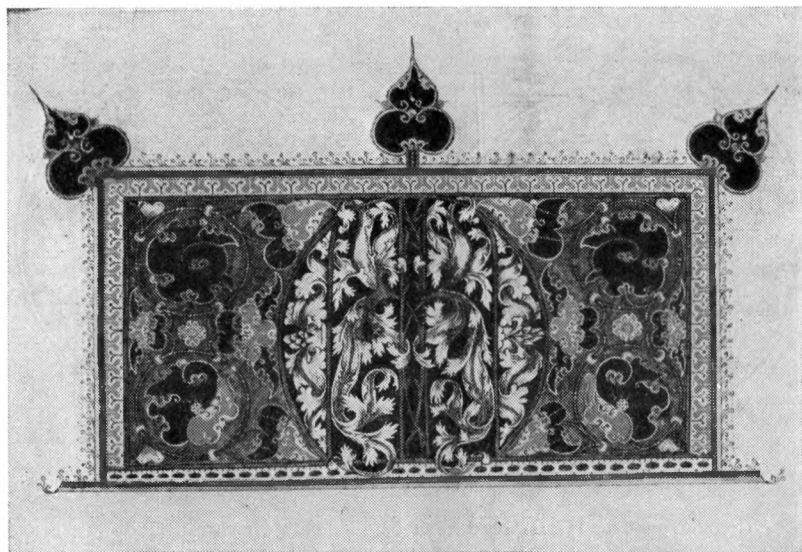
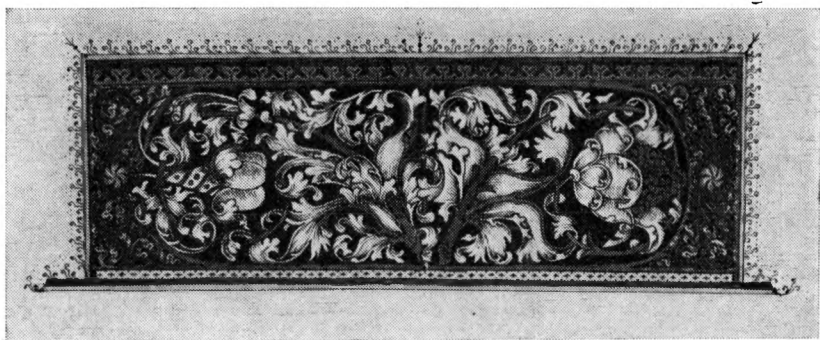

Буквицы Изразля ван Мекенема

Судьба работы Н. П. Киселева была более трудной. Сборник с его статьей, полностью подготовленный к печати, так и не вышел в свет. Издательство рассыпало набор, отказавшись от издания. Статья «Происхождение московского старопечатного орнамента» была опубликована лишь в 1965 г., уже после смерти Николая Петровича, скончавшегося 17 апреля 1965 г. на 81 году жизни.

Оттиск с моей работы — она называлась «Орнаментика первых московских печатных книг» — я послал крупнейшим советским историкам книги, в том числе и Н. П. Киселеву. Татьяна Ниловна Каменева, хранитель славянских старопечатных книг Библиотеки им. В. И. Ленина, встретив меня в читальном зале Отдела редких книг, попеняла на то, что я опубликовал сведения об алфавите ван Мекенема до Н. П. Киселева. Я почувствовал себя неудобно и написал Николаю Петровичу об этом.

*Заставки из рукописных книг
со старопечатными «клеймами»*

Киселев был обязательным человеком. Несколько дней спустя я держал в руках его ответ. В письме, датированном 24 декабря 1962 г., Николай Петрович писал: «Я не считаю, что воспроизведением инициалов ван Мекенема Вы совершили нечто некорректное по отношению ко мне... Материалы печатные, общеизвестные имеет право обрабатывать каждый, и нет ничего ненормального в том, что ими займутся одновременно два

исследователя. Ведь те же наблюдения мог бы опубликовать какой-нибудь зарубежный слаvist, не подозревающий ни о Ваших, ни о моих работах, которые, кстати сказать, имеют мало общего. Другое дело, если бы кто-то использовал текст чужой исследовательской работы до ее выхода...

Бывает, что и теперь мне приходится слушать споры о приоритете. Споры об «открытиях», которые и назвать-то этим словом неудобно. В этих случаях я всегда вспоминаю большого ученого и замечательного человека Николая Петровича Киселева, который прежде всего думал о научной истине, а затем уже о всем привходящем и — теперь это для меня очевидно — быстро-течно.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГРАВЮРА

*Буквица Израэля ван Мекенема
в заставке рукописной книги*

В поисках прототипов заставок Ивана Федорова я просматривал древнерусские рукописи. Работал в Историческом музее, в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Иногда наезжал в Ленинград и все свободное время, которое оставляли мне служебные занятия, просиживал в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина или в Библиотеке Академии наук СССР. Особенно хорошо работалось в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Вдоль стен высокого и светлого зала поднимались — до потолка — дубовые полки, на которых были собраны, пожалуй, все замечательные богатства, которые накопила русская археография — наука об описании древних памятников. Стояли толстые печатные каталоги прославленных монастырских библиотек — Троице-Сергиевой лавры, Воскресенского, Соловецкого монастырей. Славно потрудились в свое время ученые монахи — архимандрит Амфилохий, архимандрит Леонид, архимандрит Савва... Несколько полок занимали одетые в кожаные переплеты выпуски «Памятников древней письменности». Эту серию на протяжении многих десятилетий выпускало петербургское Общество любителей древней письменности. А какое обилие сведений было разбросано по страницам ежегодных отчетов Императорской Публичной библиотеки и Московского Публичного и Румянцевского музеев! Под пером выдающихся археографов А. Ф. Бычкова и А. Е. Викторова сухой и малопривлекательный жанр «отчета» превращался в волнующее повествование о древних книгах, в монографические справочники, которым суждено жить вечно.

В Публичной библиотеке, ожидая когда принесут очередную партию рукописных книг, я просмотрел впервые «Систематическое описание в 4 частях с 13 снимками славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова». Знакомый уже нам архимандрит Леонид — в миру Лев Александрович Кавелин — рассказал о 2243 рукописях собрания с великой обстоятельностью — можно лишь изумляться тому, что всего за два года он сумел выпустить четыре крупноформатных тома, в каждом из которых более 500 страниц.

Коллекция графа Алексея Сергеевича Уварова (1828—1884), во-бравшая в себя ряд первоклассных собраний и, прежде всего, библиотеку московского купца Ивана Никитича Царского, издавна считалась одним из крупнейших частных собраний. Она хранилась в имении Поречье в

Феодосий Изограф. Заставка. Гравюра на металле

Можайском уезде, где заботами вдовы Уварова Прасковьи Сергеевны был создан настоящий музей. Все свои коллекции Уваров завещал московскому Историческому музею, одним из основателей которого он был. Завещание было исполнено в 1917 г.

Знакомство с «Систематическим описанием» Л. А. Кавелина убедило меня, что я допустил непростительную оплошность, не обратившись в своих поисках к собранию Уварова.

Вернувшись в Москву, я отправился в Исторический музей.

В архивных поисках есть нечто мистическое. Бывает, только откроешь том и сразу чувствуешь — здесь тебя ждет находка. О мистике я говорю, конечно, в шутку. Сказывается, видно, опыт исследователя, заставляющий по невидимым и неосознаваемым приметам предугадывать открытие.

Так было и в этот раз.

Я выписал «Четвероевангелие» середины XVI в., описанное Л. А. Кавелиным под № 77. Архимандрит Леонид утверждал, что в этой рукописи

наиболее замечательны миниатюры «по золотому полю красками весьма изящной работы».

В напрестольных «Четвероевангелиях» помещали изображения четырех евангелистов, легендарных авторов книги — апостолов Матфея, Луки, Марка и Иоанна. Изображения делали от руки, а с возникновением книгопечатания воспроизводили методом ксилографии — гравюры на дереве.

Были изображения евангелистов и в книге, которая сейчас лежала передо мной на невысоком складном пюпитре. Но не миниатюры, нет! Леонид ошибся. Он посчитал миниатюрами гравюры, отпечатанные с досок, которые впервые были использованы в 1627 г. в «Четвероевангелии» московского мастера Кондрата Иванова. Я хорошо знал эти ксилографии — они неоднократно воспроизводились с тех же самых досок на протяжении почти всего XVII столетия.

Кто-то из стародавних владельцев рукописи вырезал гравюры из печатной книги и вклеил в толстый том, предварительно расцветив их красками и золотом.

А заставки? Большинство из них было довольно грубой работы. Лишь две заставки — с элементами старопечатного орнамента — поражали своим мастерством. Воспроизведенный, как я поначалу решил, тончайшим пером узор изображал сучковатый ствол раздваивающийся на ветви, которые переплетались и расходились в разные стороны, образуя почти правильные круги. Общий рисунок был подобен лежащей восьмерке. Ветви оторочены листьями. В верхней центральной части заставки изгибы листьев образуют характерный рисунок — некоторое подобие креста с утолщенной перекладиной.

Заставку эту я нашел на листе 113-м рукописи. Нашел и пометил в записях: «Заставка с элементами старопечатного орнамента, воспроизведенного пером по белому фону».

Но точно такую же заставку я увидел и на листе 180-м.

Поразила меня точность, с которой художник дважды воспроизвел один и тот же рисунок. Ни один штришок не был забыт. Такой точности можно достичь лишь с помощью печатного процесса. Но ксилография не в силах передать столь тончайшей штриховки. Да и легкий коричневатый оттенок никогда не встречается в ксилографии, а разве лишь в офорте.

Бог ты мой, да ведь это и есть гравюра на металле!

На следующий день я вооружился увеличительным стеклом и тщательно рассмотрел оттиски. Сомнения и быть не могло. Все же я решил посоветоваться со специалистом.

Глеб Александрович Виноградов, виднейший знаток полиграфической технологии, не заставил себя упрашивать. Я чувствовал себя неудобно, наблюдая с каким трудом он волочил протез по бесчисленным лестницам Исторического музея, поднимаясь почти под крышу — в Отдел рукописей и старопечатных книг.

Но был вознагражден сторицей, заметив радостную улыбку на его лице — оттиски действительно оказались гравюрами на металле. В той же технике были выполнены три «цветка», украшавших поля рукописи.

Радоваться было чему.

Считалось, что гравюра на меди появилась в русской книге лишь в XVII столетии. Перед нами же была рукопись середины XVI в.

Первой русской книгой с гравюрами на меди историки до того времени считали «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Этот труд по военному делу, составленный капитаном Иоганном Якоби фон Вальхаузенем, иллюстрирован 35 гравюрами. Но все они отпечатаны в Голландии.

Первой выполненной в России гравюрой на меди считался офорт знаменитейшего русского живописца XVII в. Симона Ушакова. Называется он «Семь смертных грехов» и снабжен надписью «Сию дщицу начертал зограф Пимен Федоров сын зовомый Симон Ушаков лета 7173». 7173 г. «от сотворения мира» означает 1665 г. по современному летоисчислению. Что же касается слова «зограф» или «изограф», то так в древней Руси именовали художников. Не всех, а главным образом тех, кто работал в книге.

С именем Симона Ушакова связаны и первые гравюры в русских печатных книгах. Появляются они в 1680—1681 гг. в изданиях так называемой Верхней типографии, устроенной в покоях царского дворца в Московском Кремле просветителем и писателем Симеоном Полоцким.

Здесь мы сделаем отступление, чтобы рассказать о мастере, соорудившем первый русский станок глубокой печати.

«ОРГАНЫ БОЛЬШИЕ САМЫЕ...»

Чтобы отпечатать изображение с гравированной медной доски, требуется значительно большее давление, чем для получения оттиска с ксилографической формы. На обычном типографском станке с плоской нажимной плитой это сделать нельзя. Такие гравюры печатают на специальных станках с двумя валами, между которыми пропускают медную доску с наложенным поверх нее листом бумаги.

В Западной Европе такие станки известны с XVI в., но они, несомненно, существовали и ранее, ибо гравюры на меди печатали здесь уже в XV столетии.

Считалось, что первый русский станок глубокой печати был сооружен лишь в 1677 г. — непосредственно перед основанием Верхней типографии. Алексей Егорович Виктор в «Приходной и расходной книге денежной казны Оружейной палаты» нашел следующую запись, сделанную 22 ноября 1677 года: «Органист Симон Гутовский сделал стан деревянный печатной, которым печатают листы фряжские». Фряжскими, то есть итальянскими листами на Руси издавна называли гравюры. Эту запись историки впоследствии посчитали убедительным доказательством того, что именно Гутовский и был пионером гравюры на Руси. Одно плохо, в публикацию А. Е. Викторова вкралась опечатка — вместо «Гутовский» было напечатано «Гуртовский». Так и именовался мастер почти во всех трудах по истории русской гравюры.

Публикация, о которой идет речь, называлась «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг.».

В расходных книгах приказов тщательно регистрировались всевозможные «дачи» и пожалования. В том числе и такие: «Арапу Муратке да дураку Мосяге государева жалованья сапоги телятинские — одни новые, а другие притачки». Или еще: «Конному псарю полшеста аршин сукна за то, что он на государеве потехе бился с медведем».

Большинство записей, однако, рассказывает о поделках многочисленных умельцев, работавших в дворцовых мастерских и оружейных палатах.

Записные книги ныне находятся в Центральном государственном архиве древних актов. Они позволили мне узнать немало интересного о трудах и днях Симона Матвеевича Гутовского, работавшего в Московской Оружейной палате. Слава о его делах шумела на Руси и в окрестных странах. Докатилась она и до Персии.

Персидский шах снарядил послов в Москву — просить царя Алексея Михайловича повелеть Гутовскому изготовить для шаха дикийновый музыкальный инструмент — орган.

Мастер принялся за работу. К маю 1662 г. орган был готов. Современники восторженно описывают его: «Органы большие в дереве черном, с резью, о трех голосах, четвертый голос заводной самоигральный; а в них 18 ящиков... Напереды органов — больших и средних и меньших 27 труб оловянных, около труб две решетки резные вызолочены; по сторонам 2 крыла резные вызолочены; под органами 2 девки стоячие деревянные резные...»

Для отправки органа в Персию, или, как тогда говорили, в Кизыл-баши, было снаряжено специальное посольство, и, конечно, Гутовский вошел в его состав. Орган так понравился шаху, что он тут же попросил Алексея Михайловича подарить ему еще один инструмент, побольше. В 1663 г. царь «указал сделать в запас для посылки в Персидскую землю органы большие самые, как не можно тех больши быть, и сделать 6 на двенадцать голосов». В Гутовском царь был уверен. «А делати то дело Симону Гутовскому, — сказано в указе, — потому, какие надобно в Персидскую землю, и он то все знает, для того, что он посылан был в Персиду с послами».

Новый орган получился также на славу. Гутовский отвез его шаху. Задержался он в Персии надолго — ставил орган. В Москве его семья голодала, чиновники перестали платить государево жалованье. 17 марта 1664 г. жена Симона Марья была челом царю Алексею Михайловичу — вместе с другими женами, чьи мужья также были в персидской посылке. «В прошлом государь году июня в 11 день по твоему великого государя указу, — писали жены, — посланы мужья наши на твою великого государя дальнюю службу в Персидскую землю, а мы, государь, помираем голодной смертью, что мужья наши оставили на пропитанье медными деньгами». Царь приказал выдать Марье десять рублей. А когда мастер вернулся, он получил большую награду — 50 рублей.

Кроме музыкальных инструментов Гутовский умел делать многое другое: чинил часы, превосходно резал по дереву и по кости, соорудил «потешную», игрушечную, мебель для маленького царевича Петра. А в 1677 г., как мы уже говорили, изготовил печатный стан.

Стан этот, впрочем, не был первым в России. Ведь на чем-то печаталась та гравюра, которую я отыскал в одной из книг Уваровского собрания. Впрочем, мы пока не установили, когда была напечатана эта гравюра.

ФЕОДОСИЙ ИЗОГРАФ

В «Четвероевангелии» № 77 из Уваровского собрания никаких указаний на место и время изготовления рукописи не было. Чтобы установить дату, я обратился к водяным знакам. В листах книги на просвет хорошо была видна филигрань — кораблик с раздвоенным флагом на мачте.

Я раскрыл замечательный труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» и без труда установил, что аналогичные филигранные знаменитый палеограф встречал в рукописях 60-х гг. XVI в. Значит, примерно к этому времени относится и наше «Четвероевангелие».

Сложность, однако, состояла в том, что гравированные заставки и «цветки» были наклеены на страницы рукописи. Их могли вклеить и позднее, например, во второй половине XVII в. В этом случае у меня нет оснований утверждать, что я открыл первую русскую гравюру.

Кроме гравюр, в рукописи имелись еще десять заставок и один «цветок», воспроизведенные от руки. Характер орнаментики убедительно указывал на первую половину XVI в. Если гравюры были вклеены в книгу позднее, под ними должны находиться старые рукописные украшения. Я тщательно просмотрел листы на просвет. Поля под гравюрами были чистыми.

Было еще одно доказательство. Я отыскал ксилографические копии заставки Уваровского «Четвероевангелия». Копии изготовил ученик Ивана Федорова Андроник Тимофеев Невежа, который использовал их дважды — в «Псалтырях» 1577 и 1602 гг.

Но, быть может, так взволновавшие нас гравюры совсем не русского происхождения? Какой-нибудь москвич или новгородец в далеком XVI в. вырезал их из альбома орнаментальных украшений — таких альбомов было много на Западе. Вырезал и наклеил на страницы рукописи.

Оставалось доказать русское происхождение гравюр. Это было совсем не трудно.

В средней части заставки за сучковатым стволом гравер разместил гербовый щит и на нем — в промежутках между переплетением ветвей — вывел надпись: «Изограф Феодосие».

Найти имя автора на гравированной заставке — исключительная удача. В истории русской первопечатной орнаментики я мог назвать лишь один аналогичный случай — буквы «ПАНМ» на заставке из «Триоди цветной» 1591 г. Буквы эти означают «Печатный мастер Андроник Невежа».

Если бы на гравюрах не было имени мастера, говорить об их русском происхождении можно было лишь предположительно. Сейчас это стало бесспорным!

Наш гравер еще не вполне уверенно владеет резцом. Однако композиция заставки обнаруживает талантливого художника, много поработавшего в области книжной орнаментики. Кто был он, этот Феодосий, которому мы с полным правом можем присвоить звание первого русского гравера? Ведь то же самое имя можно найти на страницах одной из наиболее прославленных русских рукописных книг — «Четвероевангелия» 1507 г. О художнике, создавшем замечательные миниатюры книги, мы здесь читаем следующее: «А евангелисты писал Феодосие Зограф, сын Дионисиев Зографов». То же самое сочетание слов, то же написание имени!

Феодосий Изограф — сын Дионисия, с именем которого связана целая эпоха в истории древнерусской живописи. Дионисий был настолько знаменит, что ему, как и Андрею Рублеву, приписывали иконы и фрески во многих городах России. О нем слагали легенды. В одном из старых житий можно прочитать следующую колоритную историю. Дионисий со своей артелью расписывал церковь в Боровском монастыре. «Бе во иконописцах изрядный художник, именем Дионисий, мирянин», — говорит о нем житие. Старец Пафнутий, основатель монастыря, категорически за-

претил художникам есть в соборе мирскую пищу, приказал «не вкушати мирского ястия в обители, но к ближней веси отходить».

Дионисий не послушался. Однажды он и его товарищи захватили с собой из деревни баранью ногу, фаршированную яйцами. После работы сели вечерять. Тут-то и начались чудеса. На Дионисия напал недуг — «во един час все тело его яко струп слиясь и не можете двигнуться». Художнику оставалось покаяться перед Пафнутием. Старец повел его в церковь и исцелил святой водой.

С ранних лет Феодосий работал вместе с отцом. Впервые мы встречаем его имя в 1486 г., когда он под руководством Дионисия вместе с братом Владимиром, старцем Паисием и другими мастерами расписывал соборную церковь Успения Божией матери в Иосифо-Волоколамском монастыре. Рассказывая об этой росписи, автор жития Иосифа Волоцкого называет мастеров «изящными и хитрыми в Русской земли иконописцы, паче же рещи живописцы».

Феодосий был близок к Иосифу Волоцкому — известному церковному деятелю и писателю конца XV — начала XVI в. В своих «Посланиях» Иосиф рассказывает об беседах с художником, о богатых подарках, которые Феодосий делал монастырю.

В 1500—1502 гг. иконописная артель Дионисия-Феодосия расписала церковь Рождества богородицы в Ферапонтовом монастыре. Это единственные фрески художников, которые почти нетронутыми сохранились до наших дней. Сюда, на берег Бородавского озера, ежедневно устремляется поток туристов, чтобы восторгаться фресками Дионисия. Вскоре после завершения работы прославленный художник умер.

Во главе артели становится Феодосий. В 1508 г. он, как о том свидетельствует летопись, выполнил фрески Благовещенского собора Московского Кремля.

Некоторые авторы (среди них знакомый нам Алексей Иванович Некрасов) приписывают Феодосию фрески церкви Покрова в городе Александрове, а также роспись Успенского собора в Кремле (1514).

Посетители Ферапонтова монастыря и Благовещенского собора редко обращают внимание на «полотенца», ограничивающие фрески снизу. На «полотенцах» — круги, а в них — орнамент. Такой же орнамент нередко встречается в заставках рукописных книг XV—XVI вв. Феодосий, вне всякого сомнения, был близок к книжному искусству.

Отсюда и прозвище его — «Изограф».

«Книги изографа нарочитый и живописец изящный во иконописцах» — так Епифаний Премудрый называл прославленного Феофана Грека, четко разделяя два мастерства — иконопись и искусство книги.

Имя Феодосия на страницах рукописей встречается нечасто — в «Четвероевангелии» 1507 г. и на найденной автором этих строк гравюре. Но древнерусские художники вообще редко оставляли свое имя на созданных ими произведениях.

Со временем удалось выделить группу рукописей, характерной особенностью которых было использование в орнаментике мотивов листовой гравюры на меди немецких и нидерландских мастеров. С некоторыми из этих книг читатель знаком.

Листы зарубежных мастеров были первопричиной, побудительным толчком, привлечшим внимание Феодосия к гравюре. Научить его техническим приемам резьбы они, естественно, не могли.

Кто же помог первому русскому гравюру освоить эти приемы?

Дело в том, что гравирование по металлу издавна бытовало на Руси. Гравированной резьбой русские мастера украшали кубки, подносы, кресты, панагии... Гравированные медные и серебряные доски служили окладами богослужебных книг.

Но никто еще не пробовал у нас забить резьбу краской и приложить к ней чистый лист бумаги.

Первым сделал это Феодосий Изограф. Он выгравировал и отпечатал серию заставок и декоративных цветов. Листы с орнаментом продавались на торжищах. Каждый мог купить их, вырезать заставки и цветки и наклеить на страницы книги.

Когда 14 февраля 1962 г. я высказал эту мысль в Московском Доме ученых в докладе «Новое о начале глубокой печати в России», оппоненты мои — а в них недостатка не было — заявили:

— Если так, то должны сохраниться и другие оттиски заставок. Вам же пока известен только один — на страницах Уваровского «Четвероевангелия».

Возразить на это я ничего не мог.

В ПОИСКАХ ОТТИСКОВ

Впоследствии я нашел немало ксилографий и гравюр на меди, наклеенных на страницы рукописных книг. Прием, использованный в Уваровском «Четвероевангелии», оказался совсем не редким. Но все эти гравюры были поздними — в основном XVII в.

Где только я не находил их. В Петрозаводске, например, в Историческом архиве Карельской АССР, куда я заглянул после окончившегося путешествия по Карелии. Здесь меня попросили разобрать и датировать грудку рукописей. В одной из них я нашел гравированную на меди заставку с изображением соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия.

Но заставки Феодосия Изографа не было нигде.

Летом 1964 г. мы с женой и дочерью путешествовали по Волге. На стоянках, которые в ту пору продолжались два-три-четыре часа, я спешил в местный архив или библиотеку, чтобы в самых общих чертах познакомиться с собранием старопечатных книг. На обратном пути, в Ярославле, семья моя взбунтовалась.

— Хватит, — сказала жена. — Сегодня ты будешь с нами.

И вот мы не спеша ходим по кельям Спасо-Преображенского монастыря, где сейчас размещен художественный отдел Государственного Ярославско-Ростовского музея-заповедника.

Я застываю около одной из витрин и долго не могу поверить глазам. Под стеклом лежит раскрытая древнерусская рукопись. В верхней части страницы, над узорной вязью, наклеена заставка Феодосия Изографа.

Старания мои тут же перелиться рукопись ни к чему не привели. Было воскресенье, и достать ключи от витрины никто не мог.

Уже позднее, в Москве, я узнал, что книга была «Толковым Апостолом» середины XVI в. Еще в 1958 г. ее описал известный ярославский краевед и знаток старой русской письменности В. В. Лукьянов. В выпуске 3-м «Краеведческих записок» было помещено составленное им «Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея».

«На л. 1,— писал Лукьянов,— наклеена цветная заставка «фряжского стиля» с подписью Изограф Феодосие».

Он не заметил, что заставка выполнена в технике гравюры на меди и после получения оттиска раскрашена.

На страницах книги нашлась запись, сделанная в 1593 г. Псковитянин Иван Яковлевич Лаптев рассказывал о том, что он подарил книгу Ярославскому Спасскому монастырю. С того времени рукопись и находилась в Ярославле. Значит, и заставка была наклеена на страницы книги в ту пору, когда она изготовлялась,— во второй половине XVI столетия.

Несколько месяцев спустя я просматривал — в который уж раз — альбом «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени», составленный великим русским критиком В. В. Стасовым. И здесь, на таблице 78-й, увидел дорогую моему сердцу заставку Феодосия Изографа.

Вернувшись домой, я разыскал свои старые заметки, сделанные несколько лет назад, когда я впервые открыл альбом В. В. Стасова. Конечно, я и тогда заметил украшение и записал: «Заставка старопечатного стиля из «Четвероевангелия» XVI—XVII вв. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Очень интересная заставка! Пробелка по синему фону — такая же, как в рукописях Троице-Сергиевой лавры». Вот и все. Стасов ничего не писал о том, что заставка воспроизведена гравюрой на меди. А я установить это по литографскому воспроизведению, конечно, не мог.

При первой возможности я поехал в Ленинград. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря еще в прошлом веке было передано в библиотеку Петербургской духовной академии. А после Октября поступило в Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Печатного описания собрания это, к великому сожалению, по сей день не имеет. Но есть рукописный каталог. Я разыскал в нем интересующее меня «Четвероевангелие». Датируется оно началом XVI в. Относительно заставок ничего утешительного я в каталоге не нашел. «Перед евангелиями,— писал составитель,— заставки и инициалы, писанные красками и золотом, сложного художественного рисунка».

Составитель ошибался. Я раскрыл «Четвероевангелие», нашел на листе 155-м заставку Феодосия Изографа и без труда убедился, что это гравюра на меди, наклеенная на страницы рукописи. Отпечатана она была с той самой доски, что и в Уваровском «Четвероевангелии» и в «Толковом Апостоле» из Ярославля.

Я мог теперь указать четыре оттиска одной и той же гравированной на меди заставки, причем все оттиски наклеены на страницы рукописных книг XVI в. Всюду они прописаны сверху золотом и краской. Оформление рукописей разнообразно, приписать их одной и той же мастерской не было никакой возможности.

Оставалось предположить — я так и сделал,— что оттиски заставок находились в свободной продаже и специально предназначались для наклеивания на страницы рукописей и последующей раскраски.

Оппоненты были посрамлены. Теперь никто не решался утверждать, как это сделал в рецензии на одну из моих статей С. А. Клепиков, что «заставки гравированы резцом, скорее всего мастером — серебряником Оружейной палаты конца XVII — начала XVIII в. Никакого отношения к известному Феодосию Изографу — брату знаменитого Дионисия — они не имеют».

Мало того, что С. А. Клепиков превратил Феодосия из сына в брата Дионисия. В свое время на основании этой рецензии статью мою не приняли к печати в сборнике «Книга. Исследования и материалы».

Называлась она «Библиографическое описание художественного убранства древнерусской рукописной книги» и по форме своей представляла рецензию на 22-й выпуск «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, где была опубликована известная уже читателю работа Т. Б. Уховой «Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря». Напечатал я свою статью в 1962 г. в бюллетене «Вопросы архивоведения».

В Древней Руси существовали своеобразные руководства для иконописцев, которые назывались «Подлинниками». Помещали в них разные технические советы — «указ как по голому дереву золотить», «указ како олифа составлять», «указ, клей варить»... В «Подлинниках» были подробные указания о том, как писать того или иного святого. Например, «Преподобного отца нашего Пахомия великого, подобием вельми стар, лицом бледен от пощения и благообразен, седые власы, мантия узлом связана о коленях, испод риза дымчатая, в руке свиток».

К «Подлиннику» прикладывали изображения святых, которыми должны были руководствоваться иконописцы.

Т. Б. Ухова предположила, что кроме иконописного «Подлинника» существовал и орнаментальный.

А что если часть этого «Подлинника» была гравирована на меди с целью более или менее широкого распространения копий?

Если это так, должны существовать и другие гравированные заставки, кроме той, на которой оставил свою подпись Феодосий Изограф!

Такую заставку я нашел в том же самом «Четвероевангелии» из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, в котором отыскался четвертый по счету оттиск гравюры Феодосия. Старопечатное клеймо заставки варьировало мотивы буквы «Д» «Большого прописного алфавита» Изразля ван Мекенема. Она была выполнена в технике гравюры на меди, раскрашена и наклеена на страницы книги.

Если и эту гравюру выполнил Феодосий, — а у нас нет оснований сомневаться в этом, — значит первый русский гравер стоит у истоков замечательного явления русского прикладного искусства — старопечатного орнамента.

Быть может, и Иван Федоров, создавая свои замечательные заставки, держал в руках не рукописную книгу, а орнаментальный «Подлинник», гравированный на меди Феодосием Изографом?!

Москва

А. Блюм, И. Мартынов

«О! КНИГИ, КНИГИ ПРЕЛЮБЕЗНЫ!...»

**Русские литераторы XVIII в.
о книге и библиофильстве**

Книги XVIII в. обладают своим неповторимым и колоритным обликом... Даже человек, далекий от профессиональных занятий историей русской культуры, невольно обратит внимание на потускневшую позолоту кожаных переплетов, на голубоватую бумагу, на непривычные для слуха, вычурные и в то же время наивные названия книг («Товарищ разумной и замысловатой», «Благость и преимущества единоначалия», «Нешастия от непостоянства происходящая»...). Эти книги ему покажутся лишь экзотическими музейными экспонатами, изящными, но давно ушедшими на покой реликвиями прошлого. Однако за этим кажущимся покоем — целый мир с его высокими порывами и «чувствованиями» и устоявшимся повседневным бытом.

«Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро!» — писал на рубеже нового XIX в. А. Н. Радищев. Писатель-гуманист чутко уловил то новое, что несли с собой для России идеи Просвещения. Реальным воплощением этих идей, их провозвестником и проводником было печатное слово. Со времен петровских реформ все новые и новые слои русского общества приобщались к книге. Из освященной веками скрижали она исподволь превращалась в необходимейший и привычный предмет быта каждого образованного человека. Полюбившиеся книги приобретали, неоднократно перечитывали, заботливо сохраняли, и уже не редкостью было встретить у человека среднего достатка пусть небольшую, но любовно и тщательно подобранную библиотечку. Поэтому естественно, что молодая русская словесность, стремившаяся отразить бурные политические, научные и литературные события тех лет, живо

откликнулась на это новое явление в культурной жизни России.

Распространенный еще в древнерусской литературе жанр «похвалы» книге был унаследован писателями XVIII в., но претерпел со временем существенные метаморфозы. Первые стихотворные опыты в этом жанре, относящиеся к петровской эпохе, пока еще вполне традиционны. Это возвышенно-риторические «послания» к своим книгам, написанные по всем канонам «семинарского красноречия». Для их авторов книга, библиотека — нечто священное, великое, возносящееся над прозой жизни. Наиболее ярким образчиком такого рода «похвал» может служить знаменитый панегирик известного духовного писателя начала XVIII в., сподвижника Петра I Стефана Яворского (1658—1722), написанный им на латинском языке незадолго перед кончиной¹. В 1771 г. на страницах журнала В. Г. Рубана «Трудолюбивый муравей» появился его русский перевод, но это не было данью истории; ни полвека, разделяющие автора панегирика и издателей журнала, ни два столетия, минувшие с тех пор, не смогли заставить потускнеть эти замечательные строки:

Идите от моих, любезны книги, рук,
Из коих почерпал я сладости, наук,
Идите и других умы уже питайте
И в них сладчайший свой нектар вы изливайте!
Богатство, слава, честь и счастье дней моих
Зависело от вас, возлюбленных мной книг.

Все более поздние переводы панегирика Яворского, в том числе выполненный в конце XIX в. библиофилом К. А. Ивановым², во многом уступают по лирической взволнованности и по глубине поэтических образов своему далекому предшественнику.

Показательно, что духовные завещания книголюбов того времени начинались с самого дорогого для них — с описи своей библиотеки и распоряжений о ее дальнейшей судьбе. «Библиотеку мою собственную отдаю в Вятскую семинарию, — писал известный проповедник и знаток старых книг, вятский и великопермский епископ Лаврен-

¹ Похвала книге. Сост. И. А. Шляпкин. Пг., 1917, с. 25—26. Сохранился анонимный прозаический перевод панегирика на русский язык, выполненный в начале XVIII в. (там же, с. 28).

² Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника. М., 1959, с. 105.

Книжная лавка XVIII в.

тий (Л. П. Баранович), — для употребления и пользы обучающихся в оной»³. Свою любовь к книге библиофилы середины XVIII в. стремились передать ученикам, и не безуспешно. Перед нами рукописный сборник стихов учителей и питомцев вятской семинарии 1760-х гг., привезенный в Ленинград археографической экспедицией Библиотеки АН СССР. Среди многочисленных опусов провинциальных поэтов здесь есть и похвальная надпись семинарской библиотеке, перекликающаяся с посланием Яворского:

Здесь царствуют умы мужей трудолюбивых,
Что бодрость в бедных льют, смирение в счастливых,
Молчащим гласом свет и древний кажут век,
Уча не зрят они на лица человек,
Ругают всяк порок, а хвалят добродетель.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 77, д. 148, л. 18.

То делати велят, что сам велел содетель,
Питают разумы премудростью без мзды,
Желающим дают бессмертные плоды,
Что было и что есть и что имеет быти
Питомцам то своим все могут объявити ⁴.

Петровские реформы, организация Академии наук и создание системы светских учебных заведений послужили мощным стимулом для духовного прогресса русского общества. Со второй половины XVIII в., когда темпы развития науки, литературы, искусства и издательской деятельности заметно ускорились, число личных библиотек начало быстро расти. К библиофильству приобщились новые люди: молодые офицеры, чиновники, купцы, провинциальная интеллигенция. Для них книга во многом уже утратила «божественный» ореол, став верным другом, спутницей трудов и «отдохновений». Русская словесность того времени живо откликнулась на эти новые веяния в отечественном библиофильстве.

Страстная любовь к книге пронизывает все творчество талантливого и своеобразного поэта 1770-х гг. Михаила Никитича Муравьева (1757—1807), во многом предвосхитившего творческие достижения русских сентименталистов и романтиков. Его стихи — это своего рода лирический дневник, летопись нравственного и интеллектуального становления личности молодого человека эпохи Просвещения. Владелец большой, любовно и со знанием дела подобранной библиотеки ⁵, поэт нашел удивительно проникновенные теплые слова о своих друзьях-книгах:

Товарищи, наставники, друзья,
О книги! к вам украдываюсь я
Мгновенье скрыть оставшейся прохлады,
Вкушая в вас полезные отрады,
Я наслаждатися меж вами прихожу
И время течь скоряе обяжу ⁶.

⁴ Н. Ю. Бубнов, И. Ф. Мартынов. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Вып. 3. Л., 1973, с. 473.

⁵ См. отрывок из каталога библиотеки М. Н. Муравьева, составленного им в конце 1779 г.: ОР ГПБ, ф. 499, оп. 1, № 6.

⁶ М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, с. 182. Написано в 1779 г.

Время не сохранило для нас практически никаких документальных материалов о библиотеке и книжных интересах его современника, одного из крупнейших поэтов и драматургов XVIII в. Якова Борисовича Княжнина (1742—1791). Единственный источник сведений о Княжнине-библиофиле — это его стихи. За год до своей трагически-загадочной смерти автор тираноборческой трагедии «Вадим Новгородский» написал элегически печальную поэму «Воспоминания старика». Одним из самых радостных и светлых воспоминаний прожитой жизни было для его героя общение с любимыми книгами:

...В спокойном, тихом кабинете,
Меж Граций, меж приятных Муз
Забыв, как мучатся в сем свете,
Таскают всех печалей груз,—
Беспечно в книгах зарываясь,
Я с пылким чувством зрел красы,
Поэзией нежною пленяясь,
Я ей лишь посвящал часы.
Или в истории древних веков
Летел к прошедшим временам;
Зрел римлян, египтян и греков,—
Как будто с ними жил я там.
Потом пущусь гулять по свету,
За книгой обтеку весь мир,
Или в романах без предмету
Влюблялся в тысячу Пленир...⁷

Книга стала непременным атрибутом быта не только для ученых и поэтов. Женщины их круга тоже были привлекательными читательницами. Правда, читали они пока еще преимущественно «чувствительные» романы. «Книги, хозяйство, друг великодушный, арфа и клавесин, — писала героиня романа Н. Ф. Эмина Пленира своей подруге Милене, — все это гонит грусть и доставляет некоторые тихие отрады»⁸. Любопытна дошедшая до наших дней «похвальная надпись», сделанная на книге французской писательницы С. Ф. Жанлис «Новое детское училище» (СПб., 1792), принадлежащая перу Софьи Афанасьевны Брянчаниновой, дочери друга Муравьева:

⁷ Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Л., 1961, с. 680.

⁸ Н. Ф. Эмин. Игра судьбы. СПб., 1789, с. 29. Известно о разносторонних книжных интересах жен М. М. Хераскова и Я. Б. Княжнина, сестер Д. И. Фонвизина и М. Н. Муравьева, родственниц юного С. Т. Аксакова.

Сей редкий воспитания пример
Прочел кто не с большим вниманьем,
Большой воистину тот лицемер,
И никаким уж оправданьем
Себя он не возможет защитить,
Чтобы ему в глаза всяк не сказал:
Что он лишь из тщеславья прочитал,
А не затем, себя чтоб научить ⁹.

Постепенно, к концу XVIII в., новейшие достижения культуры проникли в демократические слои русского общества. Одновременно с этим неизмеримо расширилась «география» отечественного библиофильства. В Ярославле и Нижнем Новгороде, Калуге и далеком Тобольске возникали одна за другой местные типографии, книжные лавки, личные и казенные библиотеки. Первые, во многом еще наивные и подражательные опыты в стихах и прозе провинциальных литераторов донесли до наших дней чувства этих неофитов-книжников. Одним из них был «нижегородской главной школы учитель истории натуральной и географии» Яков Васильевич Орлов (1779—1819), автор пухлой книжки с вычурным названием в духе того времени «Мое отдохновение для отдыха другим». Провинциальный поэт, чаще всего склонный к лукавой усмешке, посвятил своей библиотеке серьезные, прочувствованные строки:

Когда б ни захотел с учеными мужами
Беседу ты иметь, их пользуясь умами:
Иди в сей храм. Толпы ученых здесь мужей;
Душой их пользуясь, сам пользуй ты своей ¹⁰.

Но далеко не все современники Княжнина и Муравьева разделяли их восторг и преклонение перед книгой. В сатирических произведениях русских литераторов XVIII в. мы находим целую галерею воинствующих невежд, злобных врагов книги и прсвещения. Предки полковника Скалозуба — Скотинины и Простаковы — видели в каждом печатном листе символ новых, опасных идей, грозивших взорвать их косный и жестокий мирок. Не случайно «об-

⁹ Вологодская областная библиотека им. И. В. Бабушкина, инв. № 2103. На обороте форзаца книги владельческая запись: «Из книг Софьи Брянчаниновой. 1794 года февраля 3 ч. куплена».

¹⁰ Я. В. Орлов. Мое отдохновение для отдыха другим. Нижний Новгород, 1799, с. 186.

личителями» книг выступали столь малопривлекательные персонажи, как бездумный гуляка, скупой богач или ветреный щеголь-петиметр. Вот, например, какие «веские» доводы против книжных занятий приводил герой «Сатиры I к уму» А. Д. Кантемира пьяница Лука:

Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?..

Книга в прямом смысле слова досаждала другому персонажу этой сатиры, «родоначальнику» семейства петиметров, беспощадно высмеянного русскими сатириками XVIII в.:

Медор тужит, что чересчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры¹¹.

С успехами русского Просвещения в отечественной словесности все чаще возникала тема «горя от ума», горя от книжной премудрости. Молодые любители чтения уже тогда не испытывали недостатка в непрошенных советчиках, стремившихся возвратить в стадо «скотининых» заблудших «овец». Одного из этих советчиков — «скупягу» — мы встречаем на страницах новиковского журнала «Вечерняя заря»:

Какая прибыль в том, что книги ты читаешь?
Ведь ты имения чрез то не умножаешь;
За книгой ты сидя проводишь жизнь в пустом,
Скупяга говорил: Какая прибыль в том?
Какая прибыль в том? прапрадеды не знали
И русской грамоты; да также вить живали.
Когда богатства нет, хотя ты и с умом:
Не будешь богачом, какая ж прибыль в том?
Какая прибыль в том? что прибыли в ученых?
Лишь больше ереси мы видим в просвещенных;
У них не Илия Пророк шлет с неба гром:
Но силы некие; какая прибыль в том?

¹¹ А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956, с. 58.

Какая прибыль в том? Ученый, сам помысли,
Убытки все свои и протори исчисли;
Загладь сии грехи молитвой и постом,
Да денег накопи; вот будет прибыль в том. ¹²

Еще более непримирим разгневанный на молодое поколение герой стихотворения В. Л. Пушкина (1767—1830) «Вечер» Вралев:

...Вот я таки скажу и о сынке моем:
Уж малый в двадцать лет, а книги лишь читает,
Не ищет ни чинов, ни счастья не желает...
...Вот что произвели проклятые науки!
Не нужно золото — давай лишь книгу в руки!.. ¹³

Любопытно, что в хор обличителей книги и чтения в конце века неожиданно вплелись голоса людей, ненавидимых Скотиниными и Простаковыми.

О вы, которые хотите читаньем просвещать умы!
Без пользы многих книг не чтите, остерегайтесь
пуще тьмы,—

писал без тени иронии в «Оде 31. Чтение» один из талантливейших русских поэтов XVIII в., записной библиофил и эрудит Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) ¹⁴. На этой же позиции стоял близкий друг замечательного русского просветителя и крупнейшего книгоиздателя тех лет Новикова — Семен Григорьевич Гамалея. «Многие и не читая книг дошли к возрождению», «получаемое от сердца знание гораздо надежнее заимствованного из книг», — непрестанно поучал он рассеянных по всей России братьев-масонов ¹⁵. Столь консервативная и односторонняя оценка современного книголюбия во многом являлась прямой реакцией на широко распространившееся в России тех лет псевдобиблиофильство и бездумное чтение «модных» книг.

Это поветрие шло сверху, искусственно насаждаясь, как экзотический еще тогда картофель. Самой богатой и влиятельной собирательницей книг в России второй половины XVIII в. была императрица Екатерина II. За

¹² Анонимное стихотворение «Рондо». — «Вечерняя заря», 1782, апрель, с. 344.

¹³ «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 124—125.

¹⁴ М. М. Херасков. Творения. Ч. 7. Б. м., б. г., с. 389.

¹⁵ С. Г. Гамалея. Письма. Кн. I, М., 1836, с. 170—171; кн. 2, с. 173.

двадцать лет она израсходовала на пополнение своей библиотеки огромную сумму, более чем в 100 тыс. руб.¹⁶ Подражая ей, каждый новый фаворит Екатерины стремился обзавестись парадным собиранием книг. «Ученица» Вольтера, удовлетворяющая любые прихоти своих любимцев, охотно поощряла их стремление прослыть образованными, не чуждыми просвещения людьми. Если сама она была усердной и внимательной читательницей, то большинство ее приближенных, разодетых в генеральские и фельдмаршальские мундиры, видели в роскошной библиотеке всего лишь обязательный элемент модного «интерьера», символ богатства и власти. 13 921 руб. 95 коп. уплатила императрица известному петербургскому книготорговцу И. Я. Вейтбрехту за типовой «джентльменский» набор книг по самым разным отраслям знания для очередного фаворита И. Н. Корсакова¹⁷. Жаль только, что этот пустой и невежественный юноша так и не открыл за всю свою жизнь ни одной из них. Очевидцы рассказывали, что на вопрос Вейтбрехта, «какие ему желательно иметь книги», Корсаков надменно ответил: «Это ваше дело, а мне все равно. Ставьте только большие книги на нижние полки, а маленькие — на верхние. Словом, сделайте так, как это сделано у императрицы»¹⁸. С легкой руки «корсаковых» русские вельможи стали заказывать библиотеки на «погонные аршины».

Из дворцов мода на библиофильство проникла в провинциальные усадьбы и в дома богатых купцов, в светские салоны и губернские канцелярии. Далеко не каждый из этих «книголюбов» располагал достаточными средствами для покупки роскошных изданий. Но уж очень хотелось их иметь... Так появились на свет курьезные поддельные «библиотеки»: обои и дубовые панели, искусно раскрашенные под корешки старинных фолиантов, деревянные муляжи книг, картонные футляры с вытисненными на корешках золотом названиями «престижных» сочинений

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 1, д. 3891—3908. См. также: Ж. П. Павлова. Из истории книжного собрания Эрмитажа. Библиотека Екатерины II. — Труды Гос. Эрмитажа, 1975, вып. XVI, с. 6—32.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 1, д. 3894, л. 50—57, 188—206; д. 3895, л. 150.

¹⁸ Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. Спб., 1874, с. 67.

Вольтера, Руссо, Юнга. Эти футляры использовались псевдобиблиофилами для хранения вин и галантерейных безделушек ¹⁹. Так начиналась подлинная профанация и книги, и самой идеи книгособиранательства.

Одному из таких псевдобиблиофилов и посвящено «Письмо к издателям „Собеседника любителей российского слова“»: «Почтенные господа издатели Собеседника. Осмеливаюсь вам донести об успехе Вашего издания в моей семье, а притом и благодарить Вас, что оным привлекли Вы к чтению книг одного моего приятеля, который, имея хотя превеликую библиотеку, никогда книг не читал, кроме как „Шемякин суд“, „Бову Королевича“, „Палкана“, „Петра Златых ключей“ (лубочные романы XVIII в.) ²⁰ и им подобных. Таковые книги хранятся у него с превеликим тщанием, и каждый по два экземпляра: один для украшения библиотеки, другой лежит в кабинете на столике для всегдашнего употребления. Прочие же хорошие [книги], как то: „История славных государей“ ²¹, „Собрание сочинений г. Ломоносова“ ²², „Похождение Телемака“ ²³, рассуждения славных мужей, разные путешествия, стоят у него в шкафу в богатом переплете с золотыми обрезами и с надписанием его имени. Прошлого года надобна мне была книга „Троянская история“ ²⁴, вспомнил я, что он часто об ней разговаривал и, яришед к нему, спрашиваю, нет ли у него такой книги. Друг мой — тщеславный любитель чтения отвечает мне, казалось, тогда с сердцем: „Как Вам не стыдно спрашивать меня? Какой известной книги у ме-

¹⁹ Эти курьезные предметы иногда можно найти в собраниях современных библиофилов, например, у молодого астраханского коллекционера В. Баланюка.

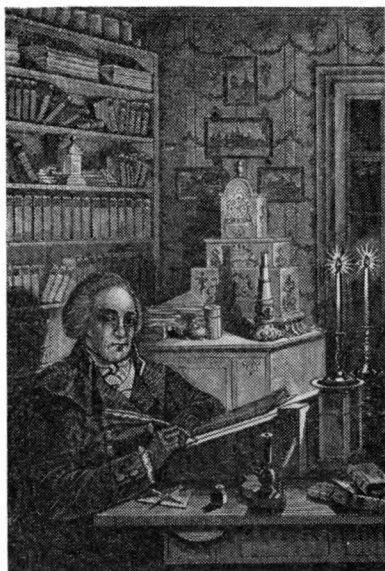
²⁰ Читатель лубочных романов был постоянным героем русской сатирической литературы XVIII в. «Вельможа зевает, вскочнул на пышный одр, пред ним предстоит друг Морфея, который уже другой год оканчивает повесть Франца Венциана», — так описывает знакомого «книголюба» и его крепостного библиотекаря-чтеца Всемила из романа Н. Ф. Эмина «Игра судьбы» (Спб., 1789, с. 42).

²¹ Д. Э. Шофен. История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах... Спб., 1765.

²² С 1751 по 1787 г. вышли в свет шесть изданий собрания сочинений М. В. Ломоносова.

²³ В 1747 и 1767 гг. вышли в свет два издания «Похождений Телемака сына Улисса» Ф. Фенелона в переводе А. Ф. Хрущова.

²⁴ Гвидо де Колонне «История о разорении Трои». В 1745—1799 гг. переиздавалась около десяти раз.

DELIA,
ou
HISTOIRE
D'UNE JEUNE HÉRITIÈRE.

№:
Из Библиотеки Андрея
Болотова.

*Автопортрет А. Т. Болотова
и титульный лист книги из его библиотеки*

ня нет?“ Закричал: „Андрей! Андрей! Поддай мне скорей каталог моей библиотеки“. Тотчас подана была роспись, сыскали, что книга она под 315-м номером, приказал ее подать. Подали книгу в прекрасном переплете, некоторые листы еще слеплены, потому что как взята от переплетчика, то еще не читана, некоторые листы описания вырваны».

Оказывается, «любитель книг» выдрал страницы, чтобы завернуть червонец на зубок новорожденному сыну дворецкого. «Троянскую историю» он называет романом, а в качестве лучшего чтения для дочери соседнего помещика рекомендует «Скотский лечебник». Высмеянный соседями «любитель книг» решает прослыть образованным и спит под чтение крепостного библиотекаря Андрея, а по прочтении каждой книги собственноручно подписывает: «прочтено»²⁵.

²⁵ «Собеседник любителей русского слова», 1784, ч. XVI, с. 61—69.

«Шкап с книгами — часто служит одним только украшением, а не пользою», — саркастически писал в своем «Толковом словаре» Я. Б. Княжнин²⁶. Ему вторил неизвестный автор в упомянутом нами новиковском журнале «Вечерняя заря»:

Наш Книголюбов столь прилежен к книгам стал,
Что несколько ночей на них глядя не спал;
Покою он трудам ни в день, ни в ночь не знает,
И к книгам книг еще он больше покупает,
Проводит с ними он прилежно много лет,
Но в книгах мил ему лишь только переплет²⁷.

С еще большей едкостью и остроумием высмеял бесплодную страсть к накоплению книжных богатств талантливый поэт из радищевского окружения С. А. Тучков (1767—1839) в стихотворении «Библиотечный Евнух»:

Недавно наш Милон книг множество собрал
И, показавши их приятелю, сказал:
«Коль много ты здесь книг предорогих найдешь,
Не скоро множество такое соберешь!»
Но тот ему на то: «Я вижу то, мой друг,
Лишь только жаль, что ты в серали сей евнух²⁸».

Несмотря на протесты ретроградов и причуды невежественных людей, компрометировавших саму идею библиофильства, книга вошла в повседневный быт, стала обычным предметом домашнего обихода разных слоев русского общества. Поэтому столь естественны многообразные проявления интереса к «технике» библиофильства, особенно к такому животрепещущему, не потерявшему до сих пор злободневности вопросу, как «сохранность фондов». Уже в первом русском научно-популярном журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» в ноябре 1761 г. была помещена небольшая заметка о том, как «черви из книг вывести». Еще любопытнее статья известного русского библиофила, автора многочисленных трудов по домоводству и «экономии» Андрея Тимофеевича Болотова, напечатанная под названием «Нечто для

²⁶ Я. Б. Княжнин. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 5. Спб., 1818, с. 193.

²⁷ «Вечерняя заря», 1782, февр., с. 165.

²⁸ «Беседующий гражданин», 1789, ч. I, с. 192. Более поздний вариант этого стихотворения опубликован М. Г. Альтшуллером в кн.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971, с. 166.

имеющих у себя библиотеки» в его журнале «Экономический магазин» (1788, ч. XXXVI). Автор ее рекомендовал владельцам библиотек связывать книги, особенно мелкие, тесьмою в пачки. Вся эта процедура должна была обеспечить их сохранность от двух «стихийных» бедствий: от пожара и от не слишком щепетильных приятелей. При пожаре связанные в пачки книги быстрее можно выбросить из окна ²⁹, приятелям же, любящим собирать библиотеку из чужих книг, труднее унести целую пачку. Совет, прямо скажем, необычный.

Не менее трогательна и наивна стихотворная «Надпись к шкапу книжному», нижегородского учителя Я. В. Орлова, посвященная той же теме. Поэт — не библиограф; его библиотека всегда открыта для друзей. Однако, наученный горьким опытом, он просил их брать книги на дом только «с распиской, без коей уже нет красавицы латинской» (т. е. красивого издания на латинском языке) ³⁰.

Как изменился к концу XVIII в. сам стиль некогда пышных и возвышенных стихов о книге! Теперь уже поэт, говоря о ней, мог пошутить, посмеяться, покаламбурить. Натолкнувшись в «Морицовом психологическом магазине» ³¹ на описание любопытных клинических случаев амнезии (полной потери памяти), известный уже нам Орлов тут же откликнулся эпитаграммой «Один немецкий профессор»:

Чем память ты старался
Чрез сорок лет обогащать:
Не тем ли ты и наказался?
Какой чрез то мог плод сыскать?
Что собирал ты повсечасно,
И чем ты полки уставлял:
Не тем ли случаем несчастно
От Муз невыгоды познал?
О! книги, книги прелюбезны!
Две с полки на главу упад,
Отшибли память, ум небесный:
Вот каковой от вас наклад.

²⁹ А. Т. Болотов имел все основания опасаться за судьбу своих книг. Весной 1787 г. он потерял во время пожара значительную часть любимой библиотеки (Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 4. Спб., 1873, стб. 121—122).

³⁰ Я. В. Орлов. Мое отдохновение для отдыха другим, с. 182.

³¹ Имеется в виду немецкий журнал «Magazin für Erfahrungseellestunde», издававшийся К. Ф. Морицем в 1783—1795 гг.

Другой, читая вас с вниманьем,
Ударился о стену лбом,
Простился с греческим познаньем,
Опять сидит за букварем ³².

Названные нами сочинения в стихах и в прозе русских литераторов XVIII в. — далеко не все, что было написано в те времена о книге и библиофильстве. Мы сознательно не затронули значительный и крайне интересный пласт произведений отечественной словесности, посвященных воспитанию нового «идеального» читателя и собирателя. Он далеко выходит за рамки небольшой статьи. Читателем не рождаются — эту истину хорошо понимали русские просветители-гуманисты. «В книгах всему можно научиться, исключая только того, каким образом оные себе в пользу употреблять. Сие есть дело собственного своего рассуждения», — этим афоризмом Ф. Бэкона открывался один из лучших, передовых журналов XVIII в. «Санктпетербургский вестник» ³³. Эту же мысль в более развернутом виде можно найти в «Толковом словаре» одного из редакторов «Вестника» Я. Б. Княжнина: «Читать — читается тремя образом: 1) читать и не понимать; 2) читать и понимать; 3) читать и понимать даже то, чего не написано. Большая часть людей читает первым манером, но третьим весьма мало» ³⁴. Русская словесность эпохи Просвещения от Сумарокова до Новикова и Карамзина вела непрестанную борьбу за умы читателей. В ее арсенале были самые разнообразные формы и жанры: журнальная полемика и публицистика, сатира и юмор и даже такая оригинальная их разновидность, как пародийная библиография ³⁵. Усилия просветителей не пропали даром. Уже к концу XVIII в. в России появился тип просвещенного, разумного библиофила, истинного любителя и знатока книги.

Прошло двести лет, но к сожалению, до сих пор еще не исчезли рецидивы псевдобиблиофильства, погони за

³² Я. В. Орлов. Указ. соч., с. 91.

³³ «Санктпетербургский вестник», 1778, ч. I, январь, с. 10.

³⁴ Я. Б. Княжнин. Сочинения, т. 5, с. 192.

³⁵ Первый из таких пародийных библиографических обзоров был помещен в московском студенческом журнале «Доброе намерение» (1764). Впоследствии к этому жанру неоднократно обращались Н. И. Новиков в «Трутне» и Н. И. Страхов в «Сатирическом вестнике».

роскошным книжным «интерьером», мещанского книголюбия «по моде». Именно о них говорил в своем докладе «60 лет советской книги» советский книговед Н. М. Сикорский³⁶. Поэтому с таким острым, живым интересом читаются и сегодня строки о библиофильстве, затерянные на страницах русских книг и журналов XVIII столетия.

---

³⁶ См.: Н. М. Сикорский. 60 лет советской книги.— В кн.: Тезисы докладов на Третьей Всесоюзной конференции по проблемам книговедения. М., 1977, с. 48—49.

Ленинград

Эмили Дикинсон

* * *

Нет лучше Фрегата — чем Книга —
Домчит до любых берегов.
Нет лучше Коня — чем страница
Гарцующих стихов.
Ни дозоров в пути — ни поборов —
Не свяжет цепью недуг.
На какой простой колеснице
Летит человеческий Дух!

Перевод с английского В. Марковой

Л. Альбина

**ВОЛЬТЕР И ШАТЛЮ,
ЗАБЫТЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ XVIII ВЕКА**

«Один из талантливых людей, которыми был так богат XVIII век, академик, философ, солдат, путешественник, живая и симпатичная личность, искренний защитник принципов человечности — Шатлю не заслуживает забвения». Таким был вывод Ф. Варнум, автора единственной специальной работы, посвященной Франсуа Шатлю¹.

Современник Вольтера и Руссо, Шатлю оказался среди людей, память о которых почти не сохранилась. Но своей деятельностью он сыграл значительную роль в развитии и распространении новых идей Просвещения, давших толчок движению, которое привело Францию к Великой буржуазной революции. Жизнь и труды Шатлю интересны прежде всего тем, что отражают и представляют, как нельзя лучше, свою эпоху. Философ и экономист, горячо воспринявший идеи, пришедшие из Англии, участник войны за независимость Америки, друг Джефферсона, Франклина и Вашингтона, Шатлю более других способствовал пропаганде во Франции принципов свободы и справедливости, за установление которых он боролся.

Активное участие Шатлю в делах Лалли де Толанда и де Ла Барра, дружба с Дидро и Даламбером привели его к сближению с Вольтером. Однако вопрос о взаимоотношениях Вольтера и Шатлю не нашел исчерпывающего освещения даже в специальной литературе. Значительный интерес представляет отношение Вольтера к главному труду жизни Шатлю, сочинению «Об общественном счастье»². Воспитанный в духе энциклопедистов,

---

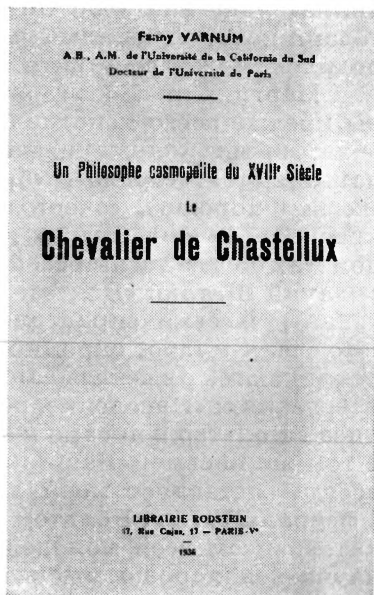
¹ F. Varnum. Un Philosophe cosmopolite du XVIIIe siècle le chevalier de Chastellux. Paris, 1936, p. 6.

² F. Chastellux. De la félicité publique. Paris, 1772.

Шатлю представил в своем основном историческом произведении широкую картину прогресса человеческого ума. Книга эта, впервые изданная в 1772 г. в Амстердаме у известного издателя М. М. Реи (без имени автора), произвела глубокое впечатление на Вольтера и послужила толчком к переписке, а затем и дружбе, продолжавшейся вплоть до смерти фернейского патриарха. Книга, позволившая Шатлю стать членом французской Академии, вызвала восторженную, необычную для Вольтера реакцию, не менявшуюся со временем.

Сохранившийся в библиотеке Вольтера экземпляр книги Шатлю, присланной, по-видимому, самим автором, буквально усеян маргиналиями великого писателя.

В письме к автору Вольтер писал в декабре 1772 г.: «Я испещрил пометами мой экземпляр, я делаю это тогда, когда книга меня привлекает и наставляет». В письме Вольтера к Даржанталю встречается такой отзыв: «Его книга об Общественном счастье сделала меня счастливым, во всяком случае тогда, когда я ее читал». Еще более определенно Вольтер выразил свое отношение к Шатлю и его книге в письме к Даламберу от 5 декабря 1773 г.: «...Это один из тех людей, которых я уважаю больше всех», «я узнал, что его сочинение не так известно в Париже, как это должно быть. Я полагаю, что в этом есть смысл, так как оно выше своего века». В одном из своих последних писем к автору, 4 сентября 1777 г., Вольтер заметил: «Мне никогда не удастся написать Вам, сударь, без того, чтобы не упомянуть об Общественном счастье, которое стало моим». Высокую оценку книги Шатлю Вольтер дал в сочинении «Необходимо принять участие, или Принцип действия»: «Читайте

Титульный лист книги Ф. Варнум, посвященной Ф. Шатлю

внимательно книгу об Общественном счастье, книгу, благодаря которой каждый человек, в каком бы веке он ни родился, может составить свое счастье».

Маргиналии Вольтера на сочинении Шатлю характерны прежде всего неподдельным восхищением и согласием с главными положениями автора. Неоднократно в них повторяются: «браво», «брависсимо», «верно», «хорошо», «весьма хорошо», «очень ново», «прекрасно», «хорошо и красиво», «очень мудро» и т. д. Иногда Вольтер давал в пометах общие оценки всей книги, отдельных глав и высказываний Шатлю: «Вся эта глава научна, глубока и очень тонка», «весьма справедливое и полезное размышление», «это очень мудро, скромно и честно». Маргиналии эти перекликаются с высказываниями Вольтера в письмах и произведениях: «Население, война — великолепные главы», — писал Вольтер в письме к автору 7 декабря 1772 г. И далее в том же письме: «Ваше произведение от начала до конца всегда заставляет меня думать». В письме к автору от 1 февраля 1773 г. Вольтер писал: «Это произведение станет катехизисом всей молодежи Франции, которая пожелает научиться хорошо мыслить и хорошо говорить».

Вольтер поддерживал и разделял отношение Шатлю к Руссо, горячо реагировал на встречавшееся в книге его имя или название произведения. Так, к ссылке, где приводилось заглавие одного из сочинений Руссо — «Общественный договор», Вольтер дописал на полях: «Необщественный». Замечание Шатлю об «Эмиле» Руссо и указанной там необходимости обучать всех столярному делу сопровождается язвительной пометой Вольтера: «Смешно делать из дворянина только плотника». В рецензии на книгу Марата «О человеке» Вольтер повторил эту мысль, иронически напомнив о намерении Руссо обучить дворянина Эмиля столярному делу: «Всякий честный дворянин должен начинать с того, чтобы послужить подмастерьем у столяра».

Восхищение книгой Шатлю не мешало Вольтеру делать в маргиналиях, по обыкновению, резкие, критические выпады в адрес автора, обвинять его в бездоказательности, наставлять, поучать, отмечать слабые места произведения: «Очень жаль, что столь хорошая книга начинается с дискуссии о древней истории, от которой так устали. Это может оттолкнуть», «все это может быть опровергну-

то», «сомневаюсь, чтобы это понравилось читателям», «какое отношение имеет все это к общественному счастью?», «противоречие», «счет не точен», «слишком загадочно», «весьма тонко и мало полезно», «немного легкомысленно», «тарабарщина», «слишком избито», «декламация риторика». Ряд фактических замечаний Вольтер высказал в письме к автору от 7 декабря 1772 г.

В ряде случаев замечания Вольтера дополняли, уточняли и заостряли мысли автора. Так, рядом с высказыванием Шатлю о том, что во всех произведениях отцов церкви обнаруживается учение Платона, Вольтер заметил: «Очень верно, без платонизма не было бы христианства». Там, где Шатлю писал, что «мы не должны забывать основного объекта исследования — влияния государственного налогообложения на счастье народов», Вольтер, отметив крестиком слово «счастье», приписал: «Несчастье».

Особенно резко Вольтер отзывался о некоторых персонажах, давно привлечших его внимание. Напротив текста, где Шатлю писал о Лактанции, «этом учтивом и ученом писателе», Вольтер написал: «Болтун и извращенный ум». И далее: «Кто! Этот болтун адвокат!». В «Истории возникновения христианства» Вольтер вновь отметил: «Это был пылкий адвокат, расточавший слова и скупой на здравый смысл».

С новым изданием книги Шатлю Вольтер ознакомился в конце 1776 — начале 1777 г. В письме к автору он высоко оценил добавленные главы, отметив, что в издании «встречаются тысячи новых черт, которые могут заинтересовать и просветить читателя». Экземпляр второго издания книги Шатлю из библиотеки Вольтера, переплетенный в красный сафьян, с суперэкслибрисом — гербом, увенчанным короной маркиза, отмечен закладками, исправлениями и одной пометой Вольтера. В ней он повторил, что маршал Вобан не мог быть автором «Проекта королевской десятины»: «Буагильбер под именем Вобана», — записал Вольтер на полях первого издания. Во втором: «Как! неужто во всех книгах я увижу несчастную десятину Буагильбера, приписываемую маршалу Вобану». Упорствуя в своей ошибочной атрибуции, Вольтер отметил на титульном листе сочинения Вобана: «Эта наглая книга Буагильбера, который бесстыдно опубликовал ее под именем Вобана».

В 1777 г. Вольтер написал статью о новом издании книги Шатлю, расценив ее выше сочинения Монтескье «О духе законов». «Однако мы не скрываем, — язвительно замечал Вольтер, — что „О духе законов“ более в моде, чем „Об общественном счастье“, так как Монтескье выступил первым, так как он более занят, так как его главы, состоящие из шести строк и содержащие эпиграммы, не утомляют читателя» и т. д. В письме к Шатлю от 4 сентября 1777 г. Вольтер писал об «Общественном счастье»: «Я думаю, и во весь голос заявляю, что эта книга содержит больше полезных истин, чем „О духе законов“, и я не хочу умереть, не доказав того».

Вольтер называл Шатлю более методичным, чем Монтень. Горячо приветствовал он появление перевода сочинения Шатлю на английский язык, ибо «быть переведенной повсюду — это поистине признак хорошей книги». В своем произведении «Цена справедливости и человечности» Вольтер писал: «И, наконец, не живем ли мы в век Монтескье и Беккария, в тот самый век, который, как это во многих отношениях доказал добродетельный автор „Общественного счастья“, идет большими шагами к мудрости и счастью».

Судьба экземпляра книги Шатлю, принадлежавшей Вольтеру, оказалась необычной. Судя по записи Ваньера, секретаря Вольтера, она была подарена ему хозяином при жизни. В 20-е гг. XIX в. книгу приобрел (от лиц, близко знавших Ваньера) сенатор, граф Г. В. Орлов (1777—1826), проживший большую часть жизни в Париже и Италии. Именно этот экземпляр с пометами Вольтера послужил основой для переиздания сочинения Шатлю, предпринятого в 1822 г. известным издателем и библиографом А. А. Ренуаром. В его издании не были, однако, отмечены графические знаки чтения, в текстовых пометах не сохранялась своеобразная орфография и пунктуация Вольтера. В настоящее время экземпляр Г. В. Орлова (отмеченный печаткой с графской короной) хранится в Государственном Историческом музее в Москве (ф. 166, 76185/2567).

В составе библиотеки Вольтера сохранился другой экземпляр первого издания книги Шатлю с пометами, скопированными Ваньером (по-видимому, уже после смерти Вольтера) во время продажи в Россию всего собрания. Ваньер переложил в этот экземпляр закладки с отметкой

«N. M.» («notes marginales») — «пометы на полях». Некоторые из маргиналий Вольтера были упущены Ваньером при переписке, иногда искажены, вероятно сознательно, например, слово «паписты» изменено на «католики».

Рассмотрение материалов библиотеки Вольтера по-новому раскрывает характер его отношений с Шатлю. Сопоставление маргиналий Вольтера с высказываниями в письмах и произведениях позволяет сделать вывод о глубоком и сильном влиянии на него сочинения «Об общественном счастье». Несмотря на столь характерные для непосредственной читательской реакции Вольтера критические замечания, он повсюду с редкой для него теплотой и симпатией отзывался об авторе и его «полезной книге».

Ленинград

СУДЬБА ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ ШАТОБРИАНА

Обычно мемуары того или иного политического деятеля, писателя или просто частного лица доходят до читателя по завещанию автора лишь после его смерти. Но книга известного французского писателя Ф.-Р. де Шатобриана представляет собою исключение даже и в этом ряду посмертных воспоминаний. Шатобриан назвал свои мемуары «замогильными» и запретил печатать их, пока он жив, не по каким-либо «прагматическим» причинам, не из скромности или боязни скандала, или нежелания скомпрометировать кого-нибудь из тех, о ком идет речь в книге,— самые представления Шатобриана о времени и истории, отношение его к современности и к читателям тесно связаны с этой «замогильностью» авторской позиции. То, что в других случаях было чистой формальностью, здесь обрело глубокий смысл. Судьба книги и ее содержание стали неразрывны.

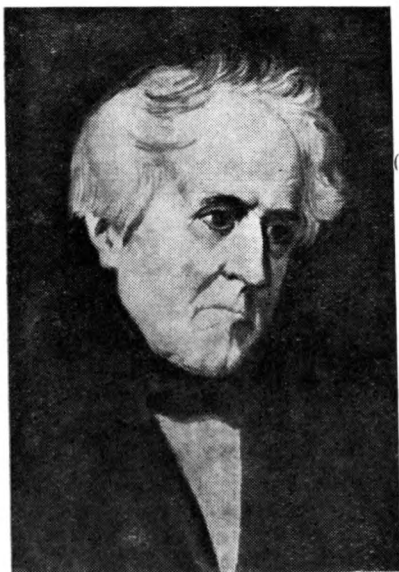
Шатобриан писал «записки» всю жизнь. С 1803 г., когда была сделана первая попытка создания «Мемуаров о моей жизни», и до 1848 г., года смерти писателя, Шатобриан не расставался с самым грандиозным своим произведением (четыре тома по 400—500 страниц), где не только изложена история его длинной (1768—1848) жизни, но и представлена панорама всех великих исторических событий, свидетелем и участником которых ему довелось быть: Великой Французской революции, правления Наполеона, его возвышения и падения, революции 1830 г., — где описаны многие великие люди, которых знал Шатобриан.

В творчестве писателя автобиографический элемент всегда был очень велик: так, впечатления от поездки в

Америку отразились и в прославивших его повестях «Атала» и «Рене», и в книге, специально посвященной описанию американской природы и нравов американских индейцев, — «Путешествии в Америку». После поездки в Иерусалим немедленно выходит книга «Путешествие из Парижа в Иерусалим»; и в эпической поэме «Мученики» герой, живший за 15 столетий до автора, совершает то же самое паломничество и видит те же величественные пейзажи, что и автор. Очевидно, невозможность хоть сколько-нибудь далеко отойти от собственных впечатлений и переживаний заложена в самой природе творчества Шатобриана. Его произведения — это или лирический монолог героя, по духу и характеру близкого автору, или описание мест и событий, в которых автор принимал участие.

Поэтому не удивительно, что именно «Записки» о себе и о своей эпохе стали для Шатобриана завершающим и наиболее важным произведением. Все написанные им произведения он называл «Материалами и оправдательными документами» для своих мемуаров. Записки давали ему возможность снова, еще раз пережить все события его непростой жизни, причем пережить их не точно так, как это уже однажды было, а лучше, интереснее, правильнее. Примеров этого трансформирования реальности можно привести чрезвычайно много; не один французский литературовед посвятил статьи и целые книги своеобразному «уличению» Шатобриана во лжи. В «Замогильных записках» Шатобриан рассказывает, например, о своем свидании с Вашингтоном — литературоведы доказывают, что Шатобриан никак не мог видаться с Вашингтоном, ибо Вашингтон в это время находился совсем в другом месте. В записках Шатобриан почти ни разу не упоминает знаменитую баронессу Юлию де Крюденер, под чьим влиянием в 1815—1818 гг. находился Александр I, — литературоведы утверждают, что Шатобриан весьма заискивал перед ней, желая попасть в милость к русскому императору. Подобных примеров множество.

Итак, одним из движущих мотивов при создании мемуаров было стремление по-новому, лучше, ярче, интереснее, чем прежде, прожить свою жизнь. Однако дело тут не только в этом личном желании Шатобриана. Вспоминать и обращаться к прошлому его заставляла эпоха, на которую пришлась его старость.

Портрет Ф.-Р. де Шатобриана

У Шатобриана есть грустное рассуждение о взаимоотношениях гения и эпохи, в которую он живет: «Гениальные люди — обычно дети твоего века; — они — как бы его краткое содержание; в них воплощается его разум, его убеждения и его дух; но бывает, что они рождаются или слишком рано или слишком поздно. Если они рождаются слишком рано, задолго до своей родной эпохи, они проходят незамеченными, их слава приходит лишь вместе с эпохой, к которой они должны были бы принадлежать; если они рождаются слишком поздно, когда их родная эпоха уже позади, они бессильны и им не суждены слава и

известность. На них бросают мимолетный любопытный взгляд, словно на стариков, вышедших на людную улицу, в костюмах прошлого столетия. Эти гении, пришедшие слишком поздно, существуют в той же безвестности, что и гении, пришедшие слишком рано, но в отличие от этих последних, они лишены будущего; потомки и последователи не прославят их; они могли бы вызвать восхищение лишь у своих предшественников, лишь у мертвецов — но эта публика молчалива»¹.

Это рассуждение — глубоко личное. Чем ближе подходила старость, тем яснее становилось Шатобриану, что наступающая эпоха ему чужда. Шатобриан всю жизнь был уверен, что талант политика столь же свойствен ему, сколь и талант литератора. Он гордился тем, что занимал в течение года пост министра иностранных дел Франции и был инициатором войны в Испании (1823); гордился тем,

¹ F.-A.-R. de Chateaubriand. Oeuvres complètes. T. XXII, 2e, 1828, p. 285.

что после поражения Наполеона принимал активное участие в реставрации Бурбонов, гордился своими брошюрами в защиту свободы печати. Но его отношения с теми, кто стоял во главе государства, складывались по большей части неудачно для него. А в 1830 г. Шатобриану пришлось навсегда отказаться от политической карьеры — к власти пришел Луи-Филипп, а для Шатобриана буржуазная монархия была неприемлема. Он присягал Бурбонам и считал законными королями Франции их, всех же других — узурпаторами (прекрасно понимая, впрочем, всю степень личной неталантливости последних представителей королевского рода). Поэтому Шатобриан не признал нового, незаконного, с его точки зрения, короля Франции, отказался от звания пэра и всех прочих должностей, оставшись практически без средств к существованию, ибо за предыдущие годы он ничего не накопил, кроме долгов. И в дальнейшем он последовательно отказывался от любых форм сотрудничества с Июльской монархией.

Поскольку путь политической деятельности был для Шатобриана закрыт, а наступивший век буржуазности был для него чужим, отталкивающим, он оказался в положении того самого гения, опоздавшего родиться, о котором писал в «Мыслях, раздумьях и максимах». Чужой казалась Шатобриану и новейшая французская литература с ее «мелочным» физиологизмом, вниманием к материальной детали, с ее «плотским преклонением перед вещью». А критики уже начинали потихоньку нападать на авторитет Шатобриана, хотя этот авторитет вплоть до смерти писателя оставался в принципе непоколебимым. «Большая часть Вальтера Скотта и Шатобриана уже покрыта мраком, — писал в 1831 г. Сент-Бев в журнале „Ревю де Пари“. — Начинает казаться вероятным, что из всего здания творчества Шатобриана на расстоянии можно разглядеть лишь одинокую башню „Рене“, выделяющуюся на фоне неба».

И тогда Шатобриан вплотную приступает к тому сочинению, в котором, как ему кажется, он может найти выход из сложившейся ситуации, — к «Замогильным запискам». В них он противопоставляет себя — политика, защищавшего величие и политическую активность Франции, — нынешнему французскому правительству, не решающемуся утвердить мощь своего отечества (пусть даже це-

ной войны); противопоставляет себя — писателя — нынешнему положению дел в литературе, вспоминая о своих заслугах и о своей славе. Более того, он вообще не удостоивает современность, столь далекую ему и чужую, своим вниманием — он обращается не к ней. Современники его старости не удостоятся того, чтобы прочесть страницы его мемуаров, — книга увидит свет лишь после смерти ее автора. Вначале Шатобриан даже назвал срок в 50 лет, который отделит публикацию от его смерти. Но впоследствии ему пришлось оставить лишь основную часть условия «после смерти».

Дело в том, что Шатобриан вынужден был заботиться о появлении «Замогильных записок» в печати не только из авторского самолюбия — в 30-е гг. ему приходилось писать и печатать «для куска хлеба». По словам Пушкина, «тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность» («О Мильтоне и переводе „Потерянного рая“ Шатобрианом»). Поэтому весной 1836 г. Шатобриан заключил договор с книгопродавцем Деллуа и его компаньоном Адольфом Сала. Деллуа и Сала стали во главе целого акционерного общества, состоящего из 190 членов, которое обязалось выплачивать Шатобриану ежегодную ренту вплоть до его смерти, приобретя взамен право на издание «Замогильных записок» сразу после смерти автора. Рукопись Шатобриана и две ее копии в 1837 г. были заперты в трех шкатулках (на каждой из них было по три замка). Шкатулки хранились у книгопродавца, нотариуса и у самого писателя. Шатобриан сохранял за собою право изменять и дорабатывать рукопись (что он и делал почти до самого 1848 г.), а также право в любой момент дать компании разрешение напечатать ее. Компания же могла опубликовать записки лишь после смерти автора.

Эта практическая сторона дела не обошлась без осложнений. В октябре 1844 г. разразился скандал: компания продала журналисту Эмилю де Жирандену право на печатание «Записок» в виде «фельетонов» (то есть небольшими фрагментами из номера в номер) в газете «Ля Пресс» также после смерти автора, но еще до того, как появится отдельное издание (газета гораздо мобильнее и расторопнее). Для Шатобриана это было равносильно публичному

оскорблению. Газетный «фельетон» казался ему наименее подобающей формой для опубликования воспоминаний о любви, страниц, посвященных близким его сердцу людям. «Я — владелец собственного пепла, и я не позволю, чтобы его швыряли по ветру», — писал он. Пытаясь противостоять катастрофе, Шатобриан составил завещание, где указывалось, что подлинная рукопись (а именно о ней шла речь в его контракте с акционерным обществом) — та, на которой стоит дата 22 февраля 1845 г., и хранится она у четырех верных друзей Шатобриана, акционерное же общество ею не обладает и, следовательно, не имеет прав ни на какие торговые спекуляции «Записками».

Впрочем, ничто не помогло, и, лишь только Шатобриан скончался, Жиранден воспользовался своими правами.

Таким образом, «замогильность», о которой говорит заглавие книги Шатобриана, была отнюдь не просто метафорой. Писатель действительно принял все меры к тому, чтобы написанные им строки пришли к читателям как произносимые из могилы. Он постоянно напоминает, что в тот момент, когда страницы книги предстанут перед читателями, их автора уже не будет в живых. Так, сравнив собственные свои творения с творениями Байрона и Руссо и предугадывая возможные возражения критиков-недоброжелателей, Шатобриан писал в «Записках»: «Я бы постеснялся показываться на этих страницах между Байроном и Жан-Жаком, не зная, каким я буду казаться потомкам, если бы эти „Записки“ должны были выйти в свет при моей жизни или когда мой пепел еще не остынет. Но это случится через много лет после того, как я покину этот мир и последую за своими знаменитыми предшественниками к иным, неизведанным берегам»².

Шатобриан словно бы постоянно умерщвляет себя на страницах своих «Записок»: он еще жив, он пишет, вспоминает — но это с точки зрения современности; с точки же зрения будущего читателя, он уже мертв. Его голос доносится (а вернее, донесется) к читателю из могилы.

Главное в этом подчеркивании «замогильности» — выбор читателя-потомка, обращение к будущему. Шатобриан считал, что современники всегда пристрастны, они мыслят памфлетами, они оскорбляют гения и насмеваются

² Chateaubriand. Memoires d'outre-tombe. T. IV, P., 1949, p. 363.

над ним. (Надо заметить, что у Шатобриана были основания для подобных выводов: его самого критиковали очень жестоко; например, в 1816 г. вышла в свет анонимная брошюра под названием «Письмо одного Бретонца к своему знаменитому соотечественнику», автор которой, подчеркивая свои якобы самые добрые намерения, высказывал прямо в лицо Шатобриану, постоянно обращаясь к нему лично, массу неприятных и почти оскорбительных вещей об отсутствии у него вкуса, чувства меры, политической прозорливости и рассудительности и т. д.) Итак, современники пристрастны. Лишь историческая дистанция позволяет оценить величие свершившегося, гениальность политика и писателя. Поэтому Шатобриан и избирает себе позицию «говорящего из могилы» и обращается к потомкам — они, как он надеется, оценят его талант по заслугам. Современники же недостойны услышать воспоминания знаменитого писателя.

Надо заметить, что современники были достаточно чутки к этому пренебрежительному отношению и довольно быстро его почувствовали. Шатобриан долгое время не мог найти издателя, который хотел бы купить у него записки. Поэтому в 1834 г. в Аббе-де-Буа, где жила старинная приятельница Шатобриана, знаменитая госпожа Рекамье, были устроены публичные чтения восемнадцати частей «Замогильных записок», длившиеся половину февраля и март. На чтения были допущены лишь очень немногие: самые близкие друзья Шатобриана и Рекамье, а также представители основных политических партий и журналов. Сент-Беву, как завсегдатаю салона Рекамье, было позволено перелистать рукопись на столе у ее автора, после чего он опубликовал статью о «Записках» в журнале «Ревю де Де Монд». В худшем положении оказался журналист и писатель Жюль Жанен, которого на чтение не пригласили. Ему пришлось пробавляться перечитыванием опубликованных произведений Шатобриана, в которых, как мы уже сказали, элемент автобиографичности был весьма велик, а также устными рассказами тех, кто был допущен в салон Рекамье. Из этих обрывочных сведений он скомпоновал отчет о пяти чтениях, на которых не присутствовал³.

³ Такой способ работы послужил причиной комического эпизода. узнав, что в воспоминаниях упоминалась история о приведениях, расска

На страницах «своей композиции» Жанен с глубокой обидой восклицал: «Боже мой, что мы сделали г. Шатобриану, мы, почитатели его гения, дети, возросшие под его поэтическим взором, мы, коих юность он предохранил от ложного скептицизма и вольтеррианской иронии?.. Чем прогневали мы великого поэта, что он не сообщил нам этих последних завещаний своего гения?»⁴

Шатобриана, без всякого сомнения, более интересовало мнение будущих читателей — потомков (вернее, их доброжелательности он больше доверял). Однако, к его счастью, ему уже не пришлось узнать, что потомки не оправдали его надежд. Первым «отомстил» Шатобриану «его же оружием» не кто иной, как Сент-Бев, многолетний друг писателя и поклонник его таланта. Он взял на себя роль судей-потомков, но судья оказался весьма едким и пристрастным. В год смерти Шатобриана Сент-Бев прочел курс лекций, легший в основу книги «Шатобриан и его литературная группа в период Империи». Свою недоброжелательность, сменившую прежние комплименты, критик объясняет очень просто: раньше он молчал, щадя самолюбие старого писателя, теперь же, когда знаменитый автор умер, настала пора произнести слово правды.

Другие читатели и критики в более или менее резкой форме присоединились к мнению Сент-Бева.

Энтузиазм, сопровождавший печатание «Замогильных записок» в «Ля Пресс», был очень велик. Наконец-то после более чем десятилетнего ожидания, читатель получил возможность познакомиться с этими мемуарами Шатобриана.

Смерть писателя совпала с бурными и трагическими событиями революции 1848 г.; постепенно успокаивавшемуся обществу было тем более интересно обернуться назад, к полувековому прошлому, прочесть о событиях двух других революций — 1789 и 1830 гг.

Итак, читатели были заранее расположены к чтению «творения отлично написанного, труда не нового, но труда, принадлежащего перу первоклассному, перу писателя ве-

---

занная Шатобриану матерью, Жанен «дополнил» услышанное эпизодами из читанных им «готических романов» и привел «историю» целиком — в то время как сам Шатобриан лишь упомянул о легенде, не рассказав ее.

⁴ Цит. по: Жюль Жанен. О записках Шатобриана. — «Телескоп», 1834, ч. XX, с. 450.

ликого во Франции»⁵. Но вскоре наступило разочарование. Оказалось, и стиль Шатобриана уже не тот, что в первых, прославивших его повестях, и слишком большое внимание он уделяет себе самому, и часто он слишком выпрнен и чересчур красноречив. И вообще, «Записки» принадлежат какой-то иной, «старинной эпохе». Они пришлись «не ко времени», и революции, о которых шла речь в книге, не были для читателей так завлекательны, как новости из сегодняшней газеты. По словам «одного немецкого критика», процитированным «Москвитянином», «в Париже в настоящее время участие публики к литературе, видимо, охладело, книги стали одним из самых трудных для сбыта товаров... до Шатобриана ли тут? Француз, читая газету „Ля Пресс“, обращает внимание не на помещаемые там „Записки“ Шатобриана, а на рассказы об однодневных событиях, между тем, как в этих записках содержится величественный рассказ о великом времени»⁶.

Шатобриан писал о том, что все преходяще в этом мире, что Байрона уже при его жизни забыли в тех местах, где он когда-то бывал, — и точно так же забудут и его, Шатобриана, побывавшего здесь после Байрона, — а «Библиотека для чтения» упрекала его в неприличном тщеславии и бранила за то, что он осмелился сравнить свой талант с байроновским. Читатели середины XIX в. (и французские, и русские) как-то перестали понимать саму шатобриановскую манеру мыслить. То, что было следствием его убеждений и представлений об истории как воспроизведении схожих ситуаций, которые нужно воскрешать в воспоминаниях, дабы они не канули в небытие, в забвение, — читателям и критикам казалось ходульностью и манерностью.

Жизнь не подтвердила надежд Шатобриана, и реальная судьба его обращенных к потомкам «Записок» оказалась не такой радостной, как ему хотелось. И тем не менее сам замысел обращения к грядущим читателям примечателен, а судьба книги Шатобриана представляется нам одной из интереснейших книжных судеб.

⁵ Литературные новости в Париже. — «Библиотека для чтения», 1848, т. 91, раздел «Смесь», с. 33.

⁶ О «Замогильных записках» Шатобриана. — «Москвитянин», 1840, ч. IV, раздел V, с. 44.

«ИДЕАЛЬНЫЙ» БИБЛИОТЕКАРЬ

«Друг книги, — писал известный советский искусствовед и книговед А. А. Сидоров, — просветитель, общественный человек. Деятель. Собственником, собирателем он быть не обязан. Быть может, исключительным примером друга книги является скромный и бескорыстный библиотечкарь (история русской культуры помнит таких), который именно потому, что он друг книги, становится незаменимым другом читателя»¹. О таком скромном и бескорыстном библиотекаре и пойдет сейчас речь.

Имя его — Николай Федорович Федоров. Как сказано в его аттестате, хранящемся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 25 лет — с 1874 по 1898 г. — он прослужил «дежурным чиновником при читальном зале Московского Публичного и Румянцевского Музеев». И этот скромнейший коллежский асессор не только четверть века трудился в доме Пашкова, но был душой музея. В 70 лет, узнав, что новый библиотечкарь, профессор и действительный статский советник Н. И. Стороженов брал библиотечные кни-

ги домой и не мешал читателям делать то же самое, Федоров, для которого книга в музее была святыней, ушел в отставку с мизерной пенсией. После его ухода и сотрудники, и читатели почувствовали себя беспомощными и осиротевшими, как они написали ему в коллективном письме, подписанном 14 сотрудниками, в том числе и Николаем Ильичом Стороженом. Но в музей Федоров не вернулся и последние годы жизни работал в читальном зале московского архива МИДа.

Этот удивительный библиотечкарь, заведующий «Каталожной», мог дать любую справку о книгах библиотеки. Мало кто знал его по фамилии. Для большинства читателей он был услужливым, необычайно приветливым и бесценным библиотекарем — «Николаем Федоровичем».

Кто оставался в библиотеке после 3 часов дня, когда она закрывалась, мог оказаться свидетелем и участником бурных дискуссий, которые проходили при участии Николая Федоровича. И тогда посетитель обнаруживал глубину, широту познаний и своеобразие ума скромного библиотечкаря.

Это была жизнь человека, героически служившего просвещению. В ней были только книги,

¹ Цит. по кн.: П. Н. Берков. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1971, с. 6.

музеи, библиотеки, ученые беседы, споры о судьбах человечества... Не все полностью принимали его мысли. Немногие могли по достоинству их оценить. Среди этих немногих были Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. А. Фет, В. С. Соловьев, В. Я. Брюсов, А. М. Горький...

«Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком», — признавался Толстой Фету. Последний писал в 1887 г. в письме к Н. Ф. Федорову: «Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы»².

Федоров привлекал внимание уже одним своим видом. Ходил он всегда в ветхой, изношенной одежде, высокий, слегка согбенный, но всегда полный энергии. В последние годы это был седой старик, с вьющимися серебристыми волосами, небольшой бородкой, могучим лбом и огромными горящими глазами, которые поражали всех. Стоило кому-нибудь проявить живой интерес к книге, как его величественная строгость обращалась в удивительную внимательность.

Заказав книги по той или иной теме, читатель через некоторое время обнаруживал в книжной кипе экземпляры, которые он не просил. Часто об этих книгах читатель ничего не знал. Если его занятия приобретали серьезное направление, через некоторое время следовало приглашение: «Вас просит пожаловать к себе Николай Федорович». И тогда происходило личное знакомство. Тут обнаруживались его огромные познания. Для ученого

или писателя он был идеальным библиотекарем. Фонды Румянцевской библиотеки Федоров изучил досконально, свободно читал на нескольких языках.

В журнале «Библиотекарь» за 1911 г. была помещена статья А. А. Гинкена «Идеальный библиотекарь — Николай Федорович Федоров». Эта же статья позже была помещена в книге А. А. Гинкена «О чтении и книгах» (СПб., 1914). Здесь приводятся свидетельства современников о феноменальных знаниях Николая Федоровича: «В начале девяностых годов истекшего столетия партия инженеров, отправляясь на изыскание Сибирского железнодорожного пути и проезжая через Москву, зашла в библиотеку Румянцевского музея для получения необходимых сведений. Их направили к Николаю Федоровичу. После недолгого разговора с ними он указал им такое описание Сибири, о котором они раньше и не подозревали, а когда они показали Николаю Федоровичу проект предполагавшегося пути, то последний сразу заметил два упущения на карте: в одном месте неверно была показана высота горы, а в другом совсем пропущен большой ручей. Инженеры, хотя и неуверенно, но все-таки спорили и стояли за верность своей карты. Однако, на обратном пути, года через два, их партия прислала своего сочлена к Николаю Федоровичу засвидетельствовать ему свое уважение и сказать ему, что он был безусловно прав».

До 1874 г. он шесть лет был помощником библиотекаря Чертковской библиотеки в Москве. Раньше Федоров четырнадцать лет, начиная с 1854 г., трудился в уездных училищах, где преподавал историю и географию. Липецк, Богородск, Одоев,

² См.: В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 1908 г., с. 320.

Углич, Богородицк, Боровск, Подольск — во всех этих городах он оставил о себе память как об учителе необычайно добросовестном. Долг учителя заставлял Федорова мужественно защищать своих учеников перед несправедливым начальством и заботиться о них. Однажды, узнав, что в бедной семье одного из учеников заболел отец, а денег на лекарства не хватает, он отдал ей свои скромные сбережения. Когда же больной умер, Федоров, не задумываясь, продал свой единственный виц-мундир и деньги отдал осиротевшей семье на похороны.

На следующий день в училище он явился в такой ветхой одежде, что поверг в изумление приехавшего в этот день в школу инспектора. Только заступничество непосредственного школьного начальства спасло его от отставки.

В жизни Федорова материальные расчеты, жизненные блага и комфорт не играли никакой роли. Когда он стал библиотекарем, то полностью отдался книгам. Никаких перемен и улучшений Федоров не желал, от повышения по службе и чинов упорно отказывался. Если ему предлагали прибавку к жалованию, то просил ее сделать какому-либо семейному сослуживцу...

Библиотекарем он работал как никто до него: на работу приходил на полтора-два часа раньше; пока не было читателей, подбирал им книги, рылся в каталогах и справочниках. Чтобы принести нужную книгу, редко обращался к техническим служащим, а если и поручал им отнести книгу, то необычайно заботился о том, чтобы поставлена она была обязательно на место. Если требуемой книги не оказывалось в библиотеке, он подсказывал, где можно ее достать.

Если же ее не было в общественных библиотеках, он просил знакомых библиофилов дать нужную книгу во временное пользование. Если же книгу нельзя было достать, то Николай Федорович старался купить ее на свои деньги и предоставить читателю.

Румянцевский музей, как мы знаем, заканчивал работу в 3 часа, но Федоров еще час или два оставался с некоторыми своими читателями и знакомыми. Эти сверхурочные беседы Федоров особенно любил. Ю. Бартев, поместив в № 1 журнала «Русский архив» за 1904 г. статью, посвященную памяти Федорова, писал об этих занятиях: «...многие ученые обязаны ему за его указания, и скромная библиотека Румянцевского музея долгие годы была какою-то лабораторией мысли, служила умственным центром Москвы, куда тянулись люди, имена которых широко прославлены».

Часов в шесть вечера Федоров возвращался домой. «Вернувшись в свою каморку, — сообщает Ю. Бартев, — Николай Федорович обедал чем попало, по большей части пил чай с хлебом, ложился спать на голом сундуке часа на полтора, затем читал и писал до 3—4 часов ночи, опять засыпал часа на два и, напившись чаю, часов в 7—8 шел в музей».

И такую жизнь вел он десятки лет.

Замечательно, что он не только не считал себя аскетом, но даже сердился, когда ему об этом говорили».

Аскетизм личной жизни Федорова поражал многих. Например, Льва Толстого, который часто посещал Николая Федоровича в его каморке на Остоженке (ныне Метростроевская улица). В своем дневнике 1881 г. Толстой записал: «Николай Фе-

дорович — святой... Каморка. Нет жалования. Нет белья, нет постели»³.

Друзья Николая Федоровича много раз пытались улучшить его жизнь. Нанимали ему дачу, давали перину, подушку, приказывали хозяйку квартиры кормить двумя обедами из двух блюд. Но по уходу друзей постельные принадлежности тут же раздавались беднякам, а из обедов съездал только один. При переезде на новую квартиру раздавалось все, даже книги. А ведь в книгах Федоров видел источник силы и мудрости, которые спасут человечество от бедствий. Но именно потому, что книги имеют столь исключительное значение в жизни, он считал невозможным владеть ими единолично.

Ставя книгу во главу научного и нравственного прогресса, Федоров с негодованием говорил о пренебрежении к ней в эпоху, в которую ему пришлось жить. В своей статье «Уважал или презирал книгу XIX век?» замечательный библиотекарь приходил к горьким мыслям: «Уважение к книге — фальшь, а презрение — действительность. Больше же всего презирают книгу сами книжники. Авторское тщеславие и самообожание стоят у них далеко впереди любви к своему произведению, не говоря уже о чужом».

Книгу Федоров понимал как могучее средство восстановления прошлого и воссоединения его с настоящим и будущим. Книга или рукопись для него всегда были проводниками жизни. Книга — «неумирающее звено между прошедшим и настоящим; она устанавливает, с одной стороны, свой генезис,

свои прецеденты, с другой — указывает на будущее, на следствия, на дальнейшие запросы»⁴. Книга в глазах Федорова — живое существо, и он требовал относиться к ней, как к живому. Вся работа Федорова как библиотекаря обрела черты высокого служения Книге. Он считал, что необходимо тщательным образом сохранять всю печатную продукцию человечества, все, что содержит в себе печать мысли, слова и проявления творческого духа.

Средоточием знания он считал библиотеки, где скапливается человеческая мудрость. Библиотека, «представляющая всю совокупность книг, есть книга, содержащая в себе всю думу человеческого рода, начиная от первой мысли первого человека; и не одну думу только, но и чувство, душу, так что из всех собраний, коллекций, останков человеческих... ни одно не заключает в себе такой полноты жизни, как библиотеки»⁵. Поэтому все «библиотеки должны быть не только хранилищами книг, не должны служить для забавы, для легкого чтения, они должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа. Все должно быть предметом знания и все — познающим», — неоднократно повторял Федоров. Библиотеки приобретают, по его мнению, характер лабораторий, где осознается мир и проектируется его будущее. Огромное значение придавал Федоров совершенствованию библиотечного дела. В статье «Что значит библиотечная карточка?» он го-

⁴ В. А. Кожевников. Указ. соч., с. 6.

⁵ См.: Н. Ф. Федоров. Философия общего дела. Т. 1, Верный, 1906, с. 605.

³ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 49. М., 1934, с. 58.

ворил о библиографии как об основе библиотеки. «Библиография, эта сухая, презируемая наука, и тем не менее ведущая всех к участию в самом труде знания, а не бесплодному лишь знакомству с его верхушками»⁶. Именно библиография должна научить по-настоящему пользоваться знаниями.

Понимая важность библиотек, в которых собрана мудрость, чувства и думы человечества, Федоров был озабочен тем, что книги порой лежат на полках мертвым грузом и годами не используются, а некоторые отдельные издания и даже библиотеки недоступны читателям. «Библиотека при нынешнем своем устройстве, когда большое количество книг, оставаясь постоянно на своих местах, все более и более покрывается пылью, должна быть названа книгою закрытою»⁷. Постоянное обращение книг, извлечение их на свет божий и на людской суд должно создать ту деятельную атмосферу пульсирующего знания, которая не даст важным идеям, когда-то рожденным и высказанным в книгах, томиться на полках забвения. И Федоров страстно мечтал о том, чтобы знание было открытым для всех. «Если же к библиографическим трудам присоединить еще указание мест, на которых в библиотеках хранятся перечисленные в этих трудах книги, то не значит ли это предупредить требования читателей, не значит ли это отыскать книгу прежде, чем поступило на нее требование, и тем устранить необходимость иметь при

библиотеках самих отыскивателей книг»⁸.

Видя всю грандиозность человеческой культуры, которая вызвала к жизни целую книжную Вселенную, Федоров предлагал библиотечную карточку превращать в сжатое изложение содержания книги. Он считал, что при выпуске своего сочинения автор должен написать к нему карточку, содержащую квинтэссенцию сущности книги. Несколько карточек он предлагал изготавливать из материала абсолютно неподвластного ни огню, ни времени. В случае гибели книги по сохранившейся карточке можно будет до известной степени ее восстановить.

Федоров не признавал права личной собственности ни на книгу, ни на знание. Книги создаются не только автором и его умом, они вытекают из других книг: «... под книгою кроется автор, и не один непосредственный ее автор, но и все те, чьи мысли вошли в книгу, чьи мысли автор книги явился выразителем...»⁹. Поэтому знание, если оно истинно, не может быть собственностью отдельной личности: знание принадлежит всем, и только при этом оно обретает подлинную ценность. Только принадлежа всем, знание выявляет себя сполна. Поэтому Федоров не имел личной библиотеки, а собирание частных библиотек признавал в том случае, если конечная цель — пополнение общественных хранилищ. Всем владельцам частных библиотек, всем библиофилам Федоров предлагал создать картотеки своих собраний и соединить их в каком-либо одном месте, где они должны быть

⁶ Н. Ф. Федоров. Философия общего дела. Т. 1. Верный, 1906, с. 681.

⁷ Там же, с. 683.

⁸ Там же, с. 684.

⁹ Там же, с. 605.

абсолютно доступными для каждого и при желании любой интересующийся мог бы выписать любую книгу во временное пользование в специально устроенном читальном зале. Этот зал должен находиться при учреждении, которое несло всю ответственность за сохранность книг. Так при минимальных затратах возникла бы огромная общедоступная библиотека, созданная бескорыстием книголюбов. Подобная библиотека могла бы обслуживать читателей всего мира.

В последние годы имя Федорова упоминается все чаще и чаще. Самыми интересными были две публикации. Повесть-хронику В. Львова «Загадочный старик» в 1974 г. напечатал журнал «Нева». Подробнее идеи библиотекара изложены С. Г. Семеновой в очерке «Николай Федорович Федоров. (Жизнь и учение)», опубликованном в № 11 альманаха «Прометей».

Главным источником наших знаний о взглядах Федорова являются два тома, изданные после смерти Николая Федоровича его учениками. Первый том вышел в 1906 г. Полное название книги — «Философия общего дела, статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона». Напечатали книгу в типографии Семиреченского областного правления в городе Верном (ныне Алма-

Ата). Издание книги в Верном объясняется тем, что ближайший друг Федорова, знавший его 38 лет, Н. П. Петерсон, в эти годы работал в окружном суде г. Верного. В 1913 г. вышел второй том в Москве.

На книге Федорова издатели поставили надпись: «Не для продажи». Тираж был мизерным — 480 экземпляров. Надпись расшифровывается просто. Николай Федорович не признавал частную собственность на вещи и на идеи. Все принадлежит всем, в том числе и книги, и знания. Продажи книг и авторства на них не признавал. Охотно печатал свои статьи без подписи, под псевдонимом или под чужим именем. Поэтому выпущенные посмертно книги Федорова не продавались, а дарились библиотекам, научным обществам и всем желающим.

Николай Федорович умер 15 декабря 1903 г. Его похоронили на кладбище Московского Скорбященского монастыря, но могила неизвестна. Нет и прижизненных фотографий: философ-библиотекарь не хотел никаких знаков внимания к своей персоне. Но подвижническая, полная высоких дум жизнь великого библиотекара и в последней четверти двадцатого века вызывает уважение не только историков русской культуры, библиотековедов, но и всех, кому дорого бескорыстное служение Истине и Книге.

Москва

Книжный развал

ПАМЯТЬ О ПОЛТАВЕ
К биографии И. А. Бунина

Подробности жизни И. А. Бунина в Полтаве занимают меня давно. К сожалению, не посчастливилось встретить людей, которые бы лично знали Бунина в полтавский период (1891—1897 гг.). Зато я беседовал с несколькими старожилами, помнившими интересные детали бунинского окружения в Полтаве.

Старый врач Ольга Даниловна Тригуб подарила мне старинную фотографию, на которой снята семья Волошиновых на крыльце своего дома. Как известно, Бунины (сначала Юлий, а затем и Иван Алексеевич) некоторое время снимали квартиру в доме Волошиновой.

Ольга Даниловна показала мне также и дом Женжуристов по Пушкинской улице (бывшей Кузнецкой), с которыми Бунины дружили. Много жарких молодых бесед, стихов, песен слышали когда-то стены этого тихого и неприметного теперь домика. Сюда приходили Бунины после работы в губернском земстве, обедали, отдыхали, читали газеты, спорили с друзьями; здесь Иван Алексеевич писал стихи. Во всяком случае, о том, что в семье «славных» Женжуристов ему было очень хорошо, «как дома», признавался Бунин в письме от 28 февраля 1892 г. В. В. Пашенко. Иногда поэт и ночевал здесь.

Круг полтавских знакомых Ивана Алексеевича был очень обширен. Некоторых из этих людей Бунин описал в своих художественных произведениях.

Сохранились и другие дома, которые посещал в молодости Бунин (врача А. Волкенштейна, Констанции Лисовской). По старым окраинным улочкам Полтавы можно и теперь пройти за город, к бывшему толстовскому хутору, где не однажды бывал Иван Алексеевич в пору

увлечения толстовством и о котором рассказывал в «Жизни Арсеньева».

Бунин любил Украину, народные песни, кобзарей, стихи Т. Г. Шевченко. На музыкальном вечере в Полтаве 10 марта 1896 г., где молодой писатель читал свой грустный рассказ об украинских переселенцах «На край света», он слушал «Заповіт» на стихи Шевченко в исполнении мужского хора.

Из «Отчета Полтавской общественной библиотеки за 1898 г.» нам удалось узнать, что Иван Алексеевич был в числе «лиц, пожертвовавших книгами». По-видимому, это был сборник «На край света», вышедший в 1897 г., именно он значится в каталоге Полтавской библиотеки под № 2869. К сожалению, книги этой в нынешних фондах областной библиотеки им. Котляревского обнаружить не удалось.

Зато сохранились земские сборники того времени, когда брат писателя Ю. А. Бунин возглавлял статистическое бюро Полтавского губернского земства. В сборнике «Обзор сельского хозяйства в Полтавской губернии за 1895 год» (Полтава, 1896), в предисловии сказано, что глава X («Краткие сведения об обеспечении населения продовольствием в зиму 1894—1895 гг. и посевными семенами весной 1895 г.») написана И. А. Буниным под редакцией брата. Нельзя не вспомнить при этом слова Л. А. Женжурист, наблюдавшей взаимоотношения братьев: «Обладая глубоким умом, всесторонним образованием, развитием, Юлий Алексеевич внес, со своей стороны, немалую долю в развитие таланта брата, расширяя его кругозор, углубляя наблюдательность и руководя его духовным развитием»¹.

Лет семнадцать назад в Пушкинском доме я с интересом читал книгу В. Н. Муромцевой — жены писателя — «Жизнь Бунина», изданную в Париже. В этой книге я обнаружил и выписал для себя немало интересных деталей из жизни И. А. Бунина в Полтаве, фамилии его сослуживцев по земству, адреса квартир. Однако некоторые сведения, приведенные в книге В. Муромцевой-Буниной, требовали объяснений. Тогда-то я осмелился

¹ Литературное наследство, т. 84. Иван Бунин, кн. 2, М., 1973, с. 239.

послать несколько своих вопросов автору книги. В ответ из Парижа пришла уже знакомая мне по Ленинграду книга «Жизнь Бунина», с дарственной надписью — пожеланием «успеха в работе». Книга была подписана Верой Николаевной 21 февраля 1961 г.

Теперь уже в спокойной домашней обстановке, перечитав книгу еще раз, я нашел на ее страницах много новых, ценных сведений. Некоторые же факты требовали расшифровки.

Не раз мое внимание останавливала, казалось бы, обычная фраза: «Начинающие местные поэты иногда просили его [Бунина] послушать их стихи и сказать свое мнение»². Кто они, эти местные поэты?

Случай помог мне напасть на след.

Работая над полтавским словарем писателей, разыскивая необходимые сведения, я познакомился письменно с московским ученым, доктором исторических наук К. Л. Селезевым, сыном известного в свое время русского писателя Льва Василевского, уроженца Полтавы. В переписке выяснилось, что Василевский в юные годы находился под сильным влиянием Бунина и пользовался его помощью. Дочь писателя Наталия Львовна, ленинградский врач, доктор медицины, обнаружила у себя архив отца: рукописный альбом «В часы досуга» (1891—1897) с пометами И. А. Бунина, письма, книги с дарственными надписями многих писателей, среди них и бунинский автограф на повести «Деревня» («Московское книгоиздательство», 1910).

К. Л. Селезев занялся изучением архива и, написав несколько статей, вывел имя отца из забвения. Л. М. Ва-

Фотография молодого И. Бунина

² В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. Париж, 1958, с. 76.

силевский (1876—1936) оказался личностью незаурядной. Был он писателем, критиком, журналистом, врачом, занимался общественной деятельностью.

Начало поэтического творчества Василевского относится к гимназическим годам (1890—1891). Среди его первых стихов — интимная и пейзажная лирика, встречаются и стихи гражданского содержания. Тогда же он увлекается переводами, в частности, с украинского языка (Б. Гринченко, М. Старицкий). И. А. Бунин читал первые литературные опыты Василевского и оставил в его альбоме пометы синим карандашом. Первая такая помета была сделана на полях стихотворения «Аккорды полились, гармонии полны», написанном 23 января 1892 г.; последняя — в стихотворении «Как страстно я любил» (1894—1895 гг.).

«Синие» пометы остались на стихотворениях Л. Василевского «Осень», «Мой рай» (перевод из М. Старицкого), «Колыбельная песня», «Из Гейне» и др. — всего рука Бунина коснулась 14 стихотворений и переводов. Этот факт говорит о том, что уже в самом начале пребывания Бунина в Полтаве местная творческая молодежь знала его как талантливого поэта, считалась с его мнением.

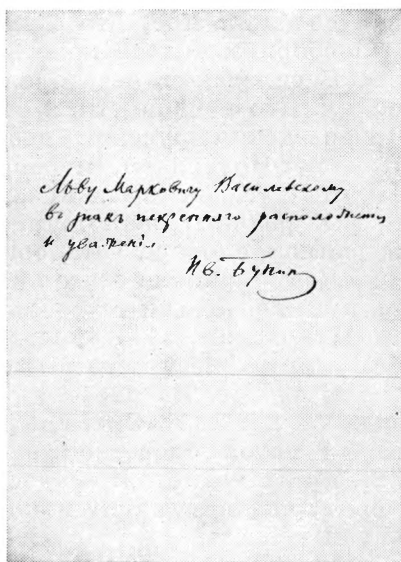
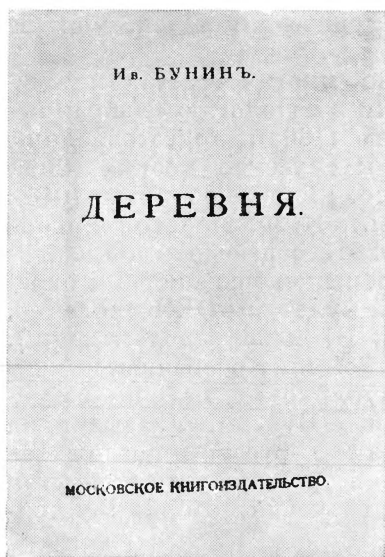
От Бунина у Василевского и интерес к украинской тематике. Выделяется его стихотворение «М. К. Заньковецкой». Написано оно под свежим впечатлением выступления актрисы, которую в это время видел в Полтаве и Бунин, о чем он вспоминает в «Жизни Арсеньева».

Молодой поэт говорит о вдохновляющей силе игры М. Заньковецкой:

Бессмертною игрой
Ты исполняешь долг священного искусства;
Ты нас ведешь в храм истины святой,
Ты будишь в нас благие мысли, чувства!

Стихотворение «М. Заньковецкой» датировано 6 мая 1892 г.

Много переводил Василевский из Гейне. Два перевода — «Томится негой лотос» и «Безумные мечты» — с помощью Бунина были опубликованы в июле 1895 г. в «Полтавских губернских ведомостях» (номер с этой публикацией Лев Маркович хранил всю жизнь, газета и теперь находится в его архиве). Таким образом, 1895 г.

Титульный лист книги И. Бунина «Деревня» и автограф писателя

следует, очевидно, считать началом его литературной деятельности.

Василевский навсегда сохранил к своему первому литературному учителю благоговейную привязанность. Посылая в 1908 г. Бунину свои стихи для сборников «Земля», он писал: «Когда-то, в Полтаве, Вы были моим литературным крестным отцом, впервые послав в печать несколько моих стихотворений. С того времени мне случилось встречаться с Вами очень редко, случайно и мельком, но особое, непередаваемое словами отношение к Вам как к крестному отцу сохранилось у меня доньше. И оттого моя любовь к Вашим стихотворениям овеяна каким-то особым ароматом юности и благодарности к воспоминаниям». (Оригинал письма находится в Орловском музее им. Тургенева.)

Как видно из дальнейшей переписки, Бунин прочитал стихи Василевского и посоветовал предложить их «Московскому книгоиздательству», о чем свидетельствует письмо Василевского от 7 октября 1908 г. «Л. З. Марко-

вич сообщил мне, что Вы находите для Моск. книг-ва мой сборник стихов приемлемым».

Василевский печатался во многих газетах и журналах. Его лучшие стихи вошли в антологию «Избранные произведения русской поэзии» (1908), подготовленную В. Бонч-Бруевичем, и сборник «Русские поэты» (Спб., 1909). Писал он также прозу (сб. «Земные обманы», 1916), пьесы, редактировал журналы... И. Ф. Масанов в своем известном словаре установил 26 его псевдонимов.

Лев Маркович состоял в переписке со многими писателями, деятелями театральной культуры (В. Короленко, К. Чуковским, Л. Андреевым, В. Мейерхольдом и др.). С Буниным же у него были отношения особенные.

В 1909 г. Василевский опубликовал в «Речи» рецензию на 2-й том «Стихотворений» Бунина. Указывая на серый поток словесной шелухи в русской поэзии тех лет, критик отмечал: «Радостно встретить среди этой кучи моритури книгу длительного значения, сборник устойчивой красоты».

Бунин следил за развитием дарования Василевского и питал к нему чувство уважения и дружеского участия. Об этом свидетельствует надпись на книге «Деревня», подаренной Василевскому, по-видимому, сразу же после выхода ее в свет — в 1910 г. С Василевским была связана для него память о прекрасных пяти годах жизни, проведенных в Полтаве, о городе, который он трогательно любил.

Лев Маркович бережно хранил дорогой подарок. Он одел книгу в твердый переплет красного цвета, сделал тиснение на корешке: «Бунин. Деревня», а дальше — собственные инициалы «Л. В.». Сохранилась бумажная наклейка с каталожным номером — «599».

Есть своя закономерность в том, что эта книга очутилась теперь в Полтаве. Однажды почтальон принес мне этот бесценный дар с трогательным письмом Константина Львовича. И сейчас, когда знаменитая «Деревня» Бунина стоит на заветной полке рядом с парижским подарком, мне кажется, Бунин вернулся в Полтаву, такой же влюбленный в «гоголевский край», в Украину. И юные полтавские поэты снова тянутся к нему...

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ ВАСИЛИЯ АНДРОНИКОВА

Недавно мне удалось познакомиться с редким человеческим документом — двумя рукописными книгами Василия Александровича Андроникова, жителя Тобольска середины прошлого века¹. В его записях, кажется, нет ничего особенного, выдающегося. Книги заполнялись без какой-либо системы, часто случайно, но в то же время они характеризуют их хозяина — его интересы, симпатии, устремления, они свидетельствуют о движении общественной мысли, говорят о быте и обычаях людей прошлого...

Почти нет человека, прожитая жизнь которого не оставила бы следа в обществе. Всегда можно обнаружить в архивных документах, в воспоминаниях современников, в позабытых печатных материалах отзвуки содеянного человеком, по которым в некоторой степени, пунктирно, вырисовывается его житейский путь. Так было и с В. А. Андрониковым.

Его рукописные книги небольшого формата, переплетены в желтый плотный картон с темно-коричневыми кожаными уголками и такими же корешками. Бумага в первой книге белая, с отдельно вшитыми листками розового и синего цвета, во второй книге — однотонная голубовато-серая. Книги не содержат хронологических записей, однако, под многими записями даты имеются. Местная жизнь на страницах книг почти не отражена. Интересны они для нас другим.

---

¹ Книги хранились у внучки В. А. Андроникова Нины Павловны Никольской, которая предоставила мне возможность ознакомиться с ними. В настоящее время рукописные книги В. Андроникова она передала в Тобольский краеведческий музей-заповедник.

Но прежде всего — о нем самом.

В исповедных ведомостях Березовского Воскресенского собора за 1819 г. в графе о березовском начальстве имеется запись: «...березовский исправник Александр Петров Андроников — 36 лет, его жена Ольга Васильевна — 26 лет и их сын Петр одного года»². Не отец ли это нашего Андроникова?

В официальном издании «Месяцеслов, или Общий штат Российской империи на 1829 год» мы снова встречаем А. П. Андроникова — он именуется уже надворным советником, приставом Туринского земского суда. Одновременно с ним мы обнаруживаем еще нескольких Андрониковых. В Туринске в это же время служит заседателем по корчемной части губернский секретарь, т. е. один из самых низших чинов тогдашней табели о рангах, — Степан Васильевич Андроников, который, по другим данным, в 1826 г. жил в Тобольске и значился заседателем окружного суда. В архивных документах 30-х гг. прошлого века встречается фамилия архивариуса, коллежского асессора Андроникова, который составил рапорт в Тобольское губернское правление о патриотических пожертвованиях по Тобольской губернии в 1812 г. «для зашитения Отечества от неприятельского нападения»³. В списках учащихся Тобольской гимназии числился Павел Андроников, окончивший курс в 1840 г. и направленный в Казанский университет на казенный счет⁴. Все это, возможно, родственники... Но где же след хозяйина рукописных книг?

Путеводная ниточка обнаружилась в письмах декабристов — оказывается, именно в доме А. П. Андроникова в Туринске жил декабрист И. И. Пущин, а «союзница» декабристов, скрытая в письмах Пущина, Фонвизина и Штейнгеля под инициалами «О. В.», никто иная как жена А. П. Андроникова — Ольга Васильевна, о которой мы

² А. Ф. Палашенков. Социальный ландшафт Березова в первой четверти XIX столетия. Рукопись. Омский краеведческий музей.

³ ГАТО, ф. 329, оп. 544, д. 61, л. 16. (Цит. по кн.: «Наш край в документах и иллюстрациях». Свердловск, 1966, с. 216).

⁴ См.: С. Замахаев и Г. Цветаев. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за сто лет ее существования. 1789—1889. Тобольск, 1889. Приложение, с. 18. См. также: «Прибавления к ЖМНП» за 1840 г., с. 102.

уже знаем из исповедных ведомостей Березовского собора. Через нее Пущин вел переписку со своими друзьями, живущими в Тобольске⁵. Василий Александрович Андроников был ее сыном.

Судя по записям в тетрадях, В. А. Андроников в 1847 г. окончил Казанский университет, где учился сначала три года на медицинском факультете, а затем перешел на юридический. В тетрадях имеется запись, что В. Андроников окончил Тобольскую гимназию с золотой медалью, однако в списках учеников Тобольской губернской гимназии за 1830—1840 гг. Василия Андроникова мы не нашли. Из Туринска, где, вероятно, прошло его детство, он выехал в конце 30-х гг. Косвенным доказательством этого является надпись на обороте иконы Василия Великого, хранящейся у Н. П. Никольской: «Сей образ писал города Туринска крестьянин Федор Козлов 17 лет, 1837 года, октября 29 дня Василью Андроникову». Возможно, эта икона, по обычаю того времени, была вручена Василию Андроникову при его отъезде из Туринска.

По окончании университета В. А. Андроников вернулся в Тобольск, где жила его овдовевшая мать. Там он сблизился со многими местными жителями. В записной книжке П. П. Ершова, хранящейся в Тобольском музее, имеются две записи, сделанные рукой автора «Конька-Горбунка» 4 ноября 1859 г. и 3 сентября 1863 г.; обе записи свидетельствуют, что В. А. Андроников был восприемником сыновей поэта — Николая и Александра.

Портрет В. А. Андроникова

⁵ См. «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. III. «Декабристы». М., 1939, с. 25, 48.

С Ершовым Андроникова связывали и родственные узы — вторая жена поэта была двоюродной сестрой Андроникова. Родная сестра В. Андроникова — Юлия — вышла замуж за сослуживца Ершова, учителя русского языка и географии Г. П. Казанского, человека передовых взглядов, одного из активных борцов с рутиной, которую насаждал в гимназии ее тогдашний директор Е. Качурин. Дом Казанских-Андрониковых в Тобольске в 40-е гг. был своего рода центром, где собиралась передовая молодежь города. Бывал в этом доме и Ершов, и члены семьи Менделеевых. В рукописном собрании стихотворений П. П. Ершова, хранившемся в Омском музее, имеется стихотворение автора «Конька-Горбунка», посвященное В. А. Андроникову («Ты просишь на память стихов...»)⁶. Тесно был связан В. А. Андроников и с тобольскими декабристами — у Н. П. Никольской хранились редкие фотографии декабристов, оставшиеся у нее от деда и переданные ею безвозмездно в Тобольский краеведческий музей.

С ноября 1861 г. В. А. Андроников служит исправляющим должность товарища председателя Тобольского губернского суда. Из Тобольска он уехал в конце 60-х гг., сначала — в Нижний-Новгород, где встретился с Анненковыми, близкими его знакомыми по Сибири, а затем — в Тверскую губернию. Последние годы жизни В. А. Андроников служил в судебном ведомстве, часто бывал в Петербурге, встречался там с А. Ф. Кони, В. А. Арцимовичем, пасынком Ершова Н. Н. Лещевым, семьей Менделеевых. Умер Андроников в 1882 г.

На обороте переплета первой книги В. А. Андроникова написано — «1842 года, 20 Декабря», ниже: «В. А. Андроникова. С 1842 по 1869 г.». Книга заполнена преимущественно стихотворениями. Среди них мы находим шедевры русской поэзии, переписываемые в книгу то молодым человеком, только что вступающим в жизнь, то уже зрелым, занимающим видный пост в губернской чиновничьей иерархии. Со страниц книги мы видим, как глубоко проникали в те времена в провинцию творения лучших русских поэтов.

⁶ Стихотворение впервые появилось в печати только в 1950 г. в книге: П. П. Ершов. Сочинения. Омск, 1950. Вступительная статья В. Уткова «Творчество Петра Павловича Ершова», с. 25 (печаталось по рукописи П. Ершова).

Наряду со стихотворениями ныне забытых, но в то время находивших отклик в сердцах многих читателей авторов, таких, например, как Н. Греков и Л. Якубович, мы встречаем много стихотворений А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, Н. Ф. Глинки. В наше время такой подбор не показался бы примечательным, но в середине прошлого века любимые стихотворения надо было находить на страницах журналов и альманахов, редких отдельных изданий, не всегда попадавших в руки любителей поэзии, или заимствовать из рукописных альбомов местных знатоков русской поэзии. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что рукописные книги В. А. Андроникова отражают литературные устремления и вкусы культурного слоя жителей Тобольска прошлого столетия и характеризуют его самого как подлинного ценителя русской поэзии.

Вот, например, какие стихи Пушкина мы встречаем на страницах первой книги: «Если жизнь тебя обманет», «Узник», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною»), «Дар напрасный, дар случайный», «Туча» («Последняя туча рассеянной бури»), «День каждый, каждую годину», первое четверостишие стихотворения «Я помню чудное мгновенье», «Пью за здоровье Мери». Все эти стихотворения переписаны в книгу в начале 50-х гг., т. е. уже в Тобольске. Во второй книге есть более ранние записи стихотворений Пушкина — «Пробужденье» («Мечты, мечты, где ваша сладость»), «Телега жизни», «Отчего» («Мне грустно потому, что весело тебе»).

Кроме стихотворений Пушкина, в первой книге есть стихи В. А. Жуковского — «Любовь, надежда и терпенье», «Птичкою певницею», «Скатившись с горной высоты», «Воспоминание», «Утренняя звезда». Интересна и ранняя запись — 2 июня 1843 г. — «Русской песни» А. Кольцова («Так и рвется душа из груди молодой»). Кольцов датирует это стихотворение апрелем 1840 г., напечатано оно было впервые в № 12 «Отечественных записок» за 1840 г. Белинский в письме к В. П. Боткину назвал это стихотворение «чудесной песней»⁷.

---

⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., Том XI. М., 1956, с. 531 (письмо от 13 июня 1840 г.).

Интересовался Андроников и Бенедиктовым. Быстро-течная мода на этого поэта в столицах давно уже прошла, но в провинции вирши Бенедиктова еще долго пользовались успехом. В начале 60-х гг. Андроников записывает бенедиктовскую «Тучу» («Темна и громадна, грозна и могуча») и знаменитый «Утес» («Отвсяду объятый равниною моря»).

Есть в книге и полный текст замечательных мятлевских «Фонариков», пользовавшихся в то время уже большой популярностью.

В первой книге имеется запись прозаического перевода одного из сонетов Шекспира и перевод стихотворения Байрона «Душа моя мрачна».

Встречаем в книгах и стихи местных поэтов. Среди них — стихи самого Андроникова, его сестры Юлии, стихотворение тобольского врача Н. Н. де Карлино. Все эти стихотворения не выходят за пределы обычного провинциального альбомного творчества.

Из записей местных поэтов выделяется только стихотворение П. Ершова «Три взгляда», написанное им в 1846 г. и посвященное двоюродной сестре В. А. Андроникова О. В. Кузьминой, на которой поэт женился после смерти первой жены.

На страницах 44—45 первой книги переписано стихотворение «Смерть на чужбине», под которым стоит подпись — «Петр Павлович Ершов». Утверждать, что это стихотворение принадлежит автору «Конька-Горбунка» мы пока не можем. Записано оно неизвестным почерком, подпись к нему сделана, вероятно, позднее, другой рукой. Если это действительно стихотворение Ершова, неизвестное еще исследователям, то нужно сказать, что оно основательно искажено при переписке — отдельные строфы чужеродны его стилю, нарушен ритм и размер. Скорее всего атрибуция стихотворения была сделана позднее, после смерти В. А. Андроникова, который хорошо знал поэта.

Наряду со стихотворениями лучших поэтов того времени в книгах Андроникова встречаются и характерные для провинциального молодого человека того круга «произведения», кочевавшие из альбома в альбом. Это стихи душещипательного свойства или пошрое переименование известной песни о ямщике.

Нужно сказать, что подобные записи относятся к молодой поре хозяина книги. Вероятно, альбомные произведения помогали общению молодых людей, облегчали знакомства на семейных и общественных вечерах.

О принадлежности хозяина книг к чиновничьему сословию свидетельствует запись «Состав чернил обыкновенных». Вряд ли где можно сейчас прочесть, как делали наши предки чернила, благодаря которым мы, спустя столетие, можем знакомиться со свидетельствами прошлого. Вот эта запись:

«В глиняную кружку или горшочек положить фунт лучших чернильных орешков, полфунта гранатной корки — столченных, полфунта зеленого Английского купороса, три золотника поваренной соли, (шампанскую) бутылку ренского уксусу и три таких бутылки воды, закрывши поставить на горячую печь или в вольный печной воздух, через несколько минут (или даже секунд) из этого выйдут совершенно черные чернила, которые будут прочные и никогда не заплесневеют». Далее следуют рецепты восстановления выцветших чернил и, что особенно важно для чиновника, — «Состав истреблять написанное чернилами из бумаги и пятна чернильные».

Но есть в книгах записи иного характера. Вот, например, одна из них, сделанная 1 января 1845 г.: «Я получил жизнь без своего согласия и лишусь ее так же без своего согласия. Кто дал мне жизнь, тот властен всегда и взять ее. Если начало моего существования произошло без моего ведома, то и конец будет зависеть не от меня. Мало того, я даже не знаю, что будет со мною. Я весь во власти создавшего меня. Он вызвал меня к жизни из ничтожества и в его воле обратить меня опять в ничтожество».

От этой записи веет фатализмом.

Весьма интересна короткая запись из первой книги, сделанная в марте 1848 г., вероятно, под влиянием известий о февральских событиях во Франции: «Твое и мое — исключая эти слова из естественных вещей, люди жили бы в вечной тишине». Возможно, что эта запись своего рода отражение бесед Андроникова с тобольскими декабристами, которые очень живо обсуждали события 1848 г. во Франции. М. А. Фонвизин называл их «чудесными событиями, совершившимися на Западе».

Таковы рукописные книги В. А. Андроникова. Для нас нет сомнения, что начало интереса их хозяина к поэзии Пушкина и Жуковского было положено еще в Туринске, в общении с И. И. Пуциным, а в Тобольске — с П. П. Ершовым, с декабристами, с которыми многие годы дружила семья Андрониковых.

Влияние декабристов, общение с ними, сказалось и на отношении Андроникова к «государственным преступникам». Когда в начале 60-х гг. прошлого века в Тобольск прибыл новый узник царя поэт М. Л. Михайлов, то Андроников оказался одним из активных участников пресловутой, на шумевшей в свое время «михайловской истории». Сведения о ней проникли даже за рубеж. Газета Герцена «Колокол» сообщила о нем в статье «Тобольское дело (М. Л. Михайлов, тобольское общество и доносчики)»⁸. В этой статье говорилось, что В. А. Андроников «брал в дом» Михайлова, и узник у него обедал, что Андроников посещал Михайлова в тобольской тюрьме и отнесся к нему не как чиновник, а как человек, принявший близко к сердцу судьбу поэта-узника.

Рукописные книги В. А. Андроникова — правдивая весточка из прошлого в нашу современность, рассказавшая нам о том отдаленном времени, когда лучшие произведения Пушкина, Жуковского, Кольцова и других поэтов проникали в глубину России, жили в рукописных сборниках и помогали неустанной работе «все совершенствующейся человеческой природы».

Громаден путь от сына захолустного березовского исправника до человека, которому дорого стало слово русских поэтов, который дружил с декабристами, задумывался над проблемой частной собственности и оказывал дружескую поддержку кандальнику-поэту...

---

⁸ «Колокол», 1863, лист 169, 15 авг.

СОБРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ О ПИЗАНСКОЙ БАШНЕ

10 марта 1964 г. газета «Правда» писала:

«Знаменитая Пизанская наклонная башня, построенная еще в конце XII века, оказалась в аварийном состоянии, и Италия бросает клич к специалистам всех стран мира: помогите спасти этот удивительный памятник архитектуры!»

Вот с этой-то заметки и пробудился интерес московского инженера Д. И. Малкова к Пизанской башне. Уже на следующий день в букинистическом магазине иностранной книги (тогда он располагался на ул. Герцена) Малков просматривал прекрасную иллюстрированную книгу на итальянском языке «Соборная площадь в Пизе» с подробным изложением строительства и описанием всего комплекса сооружений на Площади Чудес в Пизе. С этой книги и началась коллекция.

Увлечение, захватившее Малкова, и удивительно и закономерно. Удивительно оно тем, что пришло к человеку, которому было уже за пятьдесят, а закономерно... хотя бы тем, что проблема предотвращения падения башни оказалась близкой его профессиональным интересам — Давид Ильич заканчивал в свое время строительный факультет Московского института инженеров тран-

спорта. И впоследствии Малков разработал весьма смелый и оригинальный проект стабилизации Пизанской башни.

Но это было потом. А пока шел сбор материалов, их систематизация и изучение. Постепенно круг интересов собирателя расширялся, и в настоящее время в собрании Малкова — свыше 2100 книжных источников информации на двадцати четырех языках о башне и городе Пизе, из них свыше 600 книг, около полутора тысяч фотокопий и выписок из книг, а также 2,5 тысячи журналов и газет, более 500 открыток и репродукций. Значки, медали, спичечные этикетки, фотографии — все, что относится к Пизе, интересуется Малкова. Но главное, разумеется, — книги, и в первую очередь работы, целиком посвященные Пизе. Таков, например, сборник «Rustichello da Pisa», выпущенный в Пизе в 1970 г. и удостоенный специальной международной премии журналистов. Удачная подборка статей всесторонне отражает прошлое и настоящее города. Есть в собрании и книги, раскрывающие отдельные периоды его жизни. Таков, например, сборник, рассказывающий о знаменитом Пизанском университете, одном из древнейших (после Парижского и Болонского) в Европе, изданный

в Пизе в 1933 г. Сборник хранится у Малкова в виде фотокопий отдельных страниц — это одна из особенностей коллекции. Дело в том, что книг, целиком посвященных Пизе, сравнительно немного. В то же время разнохарактерные сведения о ней разбросаны по великому множеству изданий. И обнаружив интересную, с точки зрения предмета увлечения, книгу, Малков просматривает ее и затем заказывает фотокопии интересующих его страниц. Иногда же дело ограничивается просто-напросто необходимыми выписками. На каждое поступление заводится карточка со всеми выходными данными книги, в случае необходимости с нею целиком можно ознакомиться в библиотеке.

Работа собирателя утомительна и кропотлива — нужно просмотреть множество изданий, чтобы обнаружить нужные для пополнения коллекции сведения. Малков — завсегдатай всех крупных московских библиотек, его знают букинисты и многие собиратели. Поиски инженера приносят пользу. Так, работники Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина узнали от Малкова о существовании неизвестной им книги.

Впоследствии библиотека приобрела ее у лондонских букинистов.

Пиза — очень древний город с интересной и сложной историей. У Малкова есть книга литератора Николая Греча «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (т. 2, Спб., 1843), в которой отмечается, что Пиза была основана выходцами из легендарной Трои и считалась одной из важнейших римских колоний. А известный трехтомник «История Италии» (М., 1970) буквально пеэстрит закладками, отмечаящими страницы, где рассказыва-

ется о месте Пизы в становлении государства.

Много любопытных сведений могут почерпнуть из коллекции Малкова любители истории. До сих пор, например, исследователей волнует вопрос о личности княжны Таракановой. Одна из версий такова: княжна Тараканова — незаконнорожденная дочь Елизаветы Петровны, внучка Петра I, следовательно, претендентка на российский престол, опасная соперница царствующей Екатерины II. И вот Екатерина поручает графу Орлову выследить скрывающуюся в Европе конкурентку и доставить ее в Россию. В Пизе и настигает ее Орлов... Эта версия подробно изложена в биографических очерках из русской жизни Д. Л. Мордовцева «Русские женщины нового времени» (Спб., 1874).

У Малкова имеется также копия книги, вышедшая в Париже в 1913 г. на французском языке и полностью посвященная Пизе. Автор ее — княгиня Зинаида Волконская, блестящая хозяйка великосветского петербургского салона. Княгиня, связанная родственными узами с декабристом Сергеем Волконским, отличалась вольнодумством в своих высказываниях, чем навлекла на себя недовольство Николая I, вынуждена была покинуть Россию и поселилась в Италии. Высокообразованная женщина, восхищенная Пизой, написала о ней книгу.

О многочисленных памятниках старины упоминает в своей книге «Путешествие в Европу» известный грузинский просветитель, писатель и поэт, государственный деятель и дипломат Сулхан-Саба Орбелиани, совершивший в начале XVIII в., с деликатными дипломатическими поручениями, трудное путешествие в Париж и Рим (Тбилиси, 1969, на рус. яз.):

«Только в Пизе я видел великое множество дворцов из тесаного мрамора... Внутреннее убранство [собора] поразило нас, но когда мы вышли наружу, то не хотелось возвращаться во внутрь».

Для любителя искусства большой интерес представляют имеющиеся в коллекции книги итальянского историка Джорджо Вазари, например, «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» в академическом издании (М.—Л., 1933). Вазари и сам был художником и архитектором — он реставрировал дворец святого Стефана в Пизе. В своей книге он упоминает выдающихся представителей эпохи Возрождения: Джотто, расписывавшего фресками тамашные соборы, Филиппо Брунеллески, флорентийского скульптора и архитектора, занимавшегося также строительными работами в Пизе, скульптора Донателло, украсившего многие итальянские города, в том числе и Пизу, замечательными скульптурами, надгробиями.

Много любопытного можно почерпнуть из книги «Жизнь Бенвенуто Челлини» (М., 1958). Флорентийский золотых дел мастер и скульптор XVI в. Челлини совершенствовался в ювелирном деле в Пизе, многочисленные произведения искусства которой вдохновляли его художественное воображение:

«Мне поистине казалось, что я был в раю целый год, когда я жил в Пизе...»

К важным выводам для изучения искусства, его законы и принципы приводит знакомство с книгой Ле Корбюзье «Творческий путь» (М., 1970), снабженной многочисленными рисунками и дневниковыми записями автора. В свое время, до войны, в Москве предполагалось строительство

Дворца Советов. Был объявлен международный конкурс.

В нем принял участие и знаменитый французский архитектор.

В 1931 г. он выполнил проект Дворца Советов, признанный одним из лучших. Через некоторое время, проезжая через Пизу, Корбюзье непроизвольно набрасывает на листке путевого блокнота комплекс зданий на Площади Чудес — собор, башню, баптистерий и крытое кладбище Кампо-Санто, а рядом — боковой фасад своего проекта Дворца Советов. И тут же на рисунке, пораженный, отмечает: «то же единство». В своей книге Корбюзье пишет:

«Если вы зарисуете Пизанскую башню, сильно наклонившуюся по отношению к собору, или баптистерию, то почувствуете, что это удивительное сооружение необыкновенно поэтично. Объясните это! Попытайтесь понять это для себя!»

Как сооружение, практически с самого начала стоящее наклонно, Пизанская башня занимает умы не только архитекторов, но и строителей. В книге венгерского автора Ференца Шебёка «Пирамиды, дворцы, панельные дома» (Будапешт, 1968, на рус. яз.) именно ей отведена целая глава, хотя в мире известно множество наклонных сооружений. Для строителя в коллекции Малкова будут интересны и книги с описанием геологических разрезов вокруг башни, с различными проектами ее спасения и т. д.

Коллекция много дает и для изучения истории науки. Например, в книге Р. С. Гутера и Ю. Л. Ползунова «От абака до компьютера» (М., 1975) отмечают заслуги пизанского математика Леонардо Фибоначчи, создавшего в 1200 г. труд под назва-

нием «Абака», иначе — «Книга о счете». Это одна из первых работ по теории счисления, в том числе и по решению задач на сложные проценты. Леонардо Фибоначчи использует в своем сочинении элементы античной математики, принесенной арабами и византийцами. Он же составляет пособие по геометрии, основанное на положениях Эвклида.

Разумеется, в собрании имеется обширная литература о Галилео Галилее, родившемся, учившемся и работавшем в Пизе. Такова, например, книга А. Штекли «Галилей» (М., 1972). Лаура Ферми, жена выдающегося физика Энрико Ферми, тоже учившегося в Пизе, в своей книге о муже «Атомы у нас дома» (М., 1958) упоминает: «...должно быть, тень великого пизанца витала над городом и вдохновляла юных физиков: здесь Галилей некогда производил опыты с падением тел с вершины Пизанской башни, мимо которой каждый день ходили студенты в годы ученья Ферми; люстра, которая своим колебанием навела Галилея на мысль о законе маятника, по-прежнему висела на своем месте под сводом старинного собора».

Собрание Малкова подарит много сведений любителям литературы. Великий Байрон в 1821 г. приезжает в Пизу. Здесь он интенсивно работает, здесь сближается с известным английским поэтом Шелли, который вынужден порвать с родиной. Жизнь Байрона в Пизе описана, в частности, в книге М. Кургинян «Джордж Байрон» (М., 1958). Совместная деятельность двух поэтов-бунтарей в Пизе внезапно прерывается трагической смертью Шелли, утонувшего во время морской прогулки.

С Пизой связан и так называемый эпизод Уголино в «Божест-

венной комедии» Данте (он подробно рассматривается в сборнике «Дантовские чтения», М., 1976). Граф Уголино — историческое лицо. Чтобы не допустить разгрома всего города, он предпочел уступить врагам часть Пизы. За это его сочли изменником, а место изменников и предателей — выходит, и жителей Пизы — в девятом круге ада. Вот за это пизанцы, якобы, и не любят Данте. Говорят, до сих пор в школах Пизы о Данте стараются не упоминать вообще...

Представляют интерес и «Мемуары Гольдони» (Л., 1930). Несколько лет этот великий итальянский драматург провел в Пизе, где вел дела в суде по земельным и имущественным вопросам.

Пиза связана и с творчеством Метерлинка. В труде Ф. П. Шиллера «История западно-европейской литературы нового времени» (т. 3, М., 1938) отмечается, что сюжет для лучшей из драм Метерлинка «Монна Ванна» заимствован из истории Италии XI в.: «Принцивалле, полководец флорентийской армии, осаждает город Пизу, отрезанный от всего мира и лишенный продовольствия. Принцивалле согласен пощадить город при условии, чтобы Монна Ванна, жена Гвидо Колонна — коменданта крепости Пизы, пришла к нему в палатку на одну ночь, без сопровождения слуг, и нагая, в одном плаще. Чтобы предотвратить неизбежную гибель города со всем его населением, Монна Ванна против воли мужа отправляется к Принцивалле. Принцивалле, любивший Монну Ванну еще мальчиком, восхищенный ее чистотой и моральной стойкостью, отпускает ее нетронутой. Гвидо же не верит этому. В Монне Ванне пробуждается любовь к Принцивалле, вынужденному оставить свою армию и укрыться в Пизе, и она бросается в его объятия».

Малков рассказывает, что ему долго пришлось разыскивать одну из ранних публикаций романа Жорж Санд «Даниэла». Дело в том, что действие романа происходит в Италии и, в частности, в Пизе. И сейчас у собирателя есть эта книга (Спб., 1857).

Творчество современного итальянского писателя Джанни Родари известно многим. Кроме произведений для детей, Родари пишет фантастические рассказы. В сборнике «Огненный цикл» (М., 1970) мы находим рассказ «Карпиане и Пизанская башня», в котором описываются залетевшие к нам инопланетяне, пожелавшие забрать башню с собой. Житель Пизы, патриот своего города, предотвратил межпланетный разбой.

Многие ли из почитателей Н. А. Некрасова смогут «увязать» творчество поэта с предметом увлечения Малкова? Некрасову неоднократно приходилось сталкиваться с вездесущей русской цензурой, вынюхивающей «крамолу»

повсюду. И вот в стихотворении «Газетное» Некрасов остроумно обыгрывает прием, к которому вынуждены прибегать русские литераторы:

Если скажешь: «В дворянских
имениях

Нищета ежегодно растет»,—

«Речь идет о сардинских

владениях»,—

Поясню,— и статейка пройдет!

Точно так: если страстную Лизу

Соблазнит русокудрый Иван,

Переносится действие в Пизу —

И спасен многотомный роман!

Конечно, обо всей библиотеке в небольшой статье не расскажешь. Коллекция Малкова постоянно пополняется, и в этом ему помогают многочисленные друзья. В свою очередь, Малков щедро делится знаниями и находками — организует лекции и выставки, консультирует историков, инженеров, журналистов. Узкая на первый взгляд тема оказывается полезной для многих.

Москва

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Вышло несколько книг, которые, как нам представляется, не оставят без внимания истинные библиофилы. Книги эти так или иначе связаны с яркими событиями отечественной культуры, с деятельностью выдающихся наших соотечественников.

Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Т. 1, ч. 2. М., «Книга», 1975.

Издание это рассчитано на несколько лет. Часть I первого тома вышла в 1972 г., второй том вышел в 1978 г. (опись периодических изданий в яснополянской библиотеке). Ждет своей очереди книга, в которой будут описаны книги на иностранных языках, находящиеся в библиотеке великого писателя.

Библиографическое описание библиотеки выполнено сотрудниками музея-усадьбы «Ясная Поляна» под руководством личного секретаря Л. Н. Толстого Валентина Федоровича Булгакова, которого автор этих заметок хорошо знал. Необходимо отметить, что Булгаков еще раньше проделал колоссальную работу по описанию яснополянской библиотеки — один рукописный экземпляр этого описания хранится в Ясной Поляне, другой — в Московском Государственном

музее Л. Н. Толстого. Долгое время эти два рукописных экземпляра и были уникальными источниками для всех исследователей жизни и творчества Толстого.

Предпринимаемое ныне издание обладает большей научной точностью, чем первоначальные булгаковские рукописи, значение которых несмотря на это для науки трудно переоценить.

В конце обозреваемой книги даны соответствующие указания по следующим разделам: «Книги с пометами Л. Н. Толстого», «Книги, определенно читанные Л. Н. Толстым, но не имеющие помет», «Книги, использованные Л. Н. Толстым в работе над его произведениями» и др., что подчеркивает хорошую научную культуру издания.

В яснополянской библиотеке сейчас 25 книжных шкафов, 10 000 названий, 22 000 томов.

Перед нами открывается огромный мир Толстого-читателя. За многими книгами, которые он читал, угадываются интереснейшие истории, неповторимые судьбы. Сколько бы мы ни были осведомлены в широте интересов Льва Николаевича, все равно Толстой-читатель поражает. Примеров можно привести бесчисленное множество. Ну вот хотя бы один

из них: Толстой, внимательно читающий статью В. И. Ленина «Против бойкота» в книжке «О бойкоте», изданной в Москве в 1907 г.

Ленин, глубоко чувствовавший и знавший Толстого. Толстой, читающий Ленина. Мир — полный неразрывных связей и переплетений.

Книги величайших философов, историков, писателей всех времен и народов, тесно стоящие на книжных полках яснополянской библиотеки, и рядом с ними — малоизвестных литераторов, авторов одной книги...

«Библиотека Ясной Поляны составляет целым миром» — заметил в своем дневнике Душан Петрович Маковицкий. Эти слова, приведенные в предисловии к первому тому, могли бы стать эпиграфом ко всему изданию, очередные книги которого мы ожидаем с большим нетерпением.

Д. Д. Благой. Душа в заветной лире. Очерк жизни и творчества Пушкина. М., «Советский писатель», 1977.

Новая книга крупнейшего пушкиниста нашего времени принесет радость всем, кому дорого творческое наследие русского национального гения. Живой язык, которым написана книга, глубокие мысли, освещающие ее страницы, сочетаются с фундаментальными знаниями.

Богато представленная автором библиография придает этому труду дополнительную ценность.

«Душа в заветной лире» — книга многообразная, мы же хотим обратить внимание наших читателей лишь на некоторые аспекты этого издания.

Д. Д. Благой убедительно показывает, как совершеналась сверхколоссальная работа Пушкина по извлечению из мировой литера-

туры — для будущей национальной литературы — архиситуаций и архитипов.

Солнечная мощь гения сочеталась в творчестве великого поэта с глубоким осмыслением культуры и, в том числе, книжной культуры.

Быть может, впервые в нашем литературоведении Благой показывает с такой полнотой и убедительностью, что знаменитая речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском юбилее — не только дань уважения гениального романиста гениальному поэту, но и подтверждение огромного влияния Пушкина на Достоевского. Д. Д. Благой, приводя примеры того, как Федор Михайлович в своем художественном творчестве обращается к произведениям Пушкина (к «Станционному смотрителю» — в «Бедных людях», к «Медному всаднику» — в повести «Слабое сердце» и т. д.), убеждает нас, что Достоевский ни в коей мере не противоположен Пушкину и даже как бы предсказан им — при всем том, что Пушкин всегда стремится к гармонии, к равновесию, а Достоевский, как правило, нарушает их. Удивительная, верная мысль.

Виктор Утков. В поисках Беловодья. Западно-Сибирское книжное издательство, Новосибирск, 1977.

Увлекательная повесть о жизни и творчестве замечательного русского поэта Петра Павловича Ершова, чье имя связано в нашем сознании в основном с гениальным «Коньком-Горбунком». Между тем перу Ершова принадлежат многообразные по форме литературные произведения. Благородна его педагогическая и просветительская деятельность. До сих пор лежит где-то в архивах его научно-педагогический трактат

о формах воспитания молодого поколения...

Новая книга Уткова, вышедшая в Сибири, — это продолжение его повести-хроники «Рожденный в недрах непогоды» (Новосибирск, 1966). Она еще раз убеждает нас в необходимости издания полного собрания сочинений П. П. Ершова, чья деятельность до сих пор еще недостаточно известна и по заслугам не оценена.

С. Лесневский. Завещанное, заветное. М., «Молодая гвардия», 1977.

В книге Лесневского наиболее интересна та ее часть, которая связана с жизнью и творчеством Александра Блока, с блоковскими местами в Подмосковье. Эти страницы написаны с живым чувством и благородной заинтересованностью. И еще эти строки дышат страстным желанием восстановить Шахматово, дом Блока.

Лесневский записал рассказы местных жителей, некоторые из которых еще помнят великого поэта. С большим интересом читается глава о том, как была разыскана Петром Алексеевичем Журовым шахматовская библиотека поэта, и тем самым развеялась легенда о «сожженной библиотеке» Блока.

Василий Ерошенко. Избранное. М., «Наука», 1977.

Имя Василия Ерошенко (1890—1952), слепого русского писателя, путешественника и просветителя до сих пор у нас, к сожалению, мало известно. Между тем оно, судя по всему, прочно войдет в историю мировой культуры как одно из незаурядных имен.

В ранние годы слепой музыкант покидает дореволюционную Россию и отправляется в Англию, затем в Японию, Китай, Индию... Живет в Сиаме, Бирме.

И, наконец, возвращается на Родину. Он встречался со многими выдающимися людьми своего времени, беседовал с Рабиндранатом Тагором, дружил с Лу Синем, читал лекции о русской классической литературе, организовывал школы для слепых. Русский человек, он в совершенстве овладел японским языком и эсперанто — и так уж сложилось в его судьбе — почти все созданное Ерошенко написано именно на этих двух языках. Случай уникальный в мировой практике, ибо произведения Василия Яковлевича, скажем, на японском языке — по свидетельству самих же японцев — являются своего рода образцами стиля. (Известно, к примеру, что великий Эрих Мария Рильке пытался писать стихи на русском языке, но они весьма далеки от совершенства.)

В Японии вышло собрание сочинений Ерошенко в трех томах (1959). Отдельными изданиями появились очерки жизни и творчества Ерошенко, принадлежащие перу прогрессивного литературоведа Такасуги Итиро (1956) и известной писательницы Хирабаяси Тайко (1972).

В Китае рассказы и сказки В. Ерошенко издавались неоднократно; в собрании сочинений Лу Синя — творчество Ерошенко занимает почти целый том (переводы с японского). Кроме того, Лу Синь пишет о Василии Яковлевиче невыдуманную новеллу «Утиная комедия»... Как раз читая эту новеллу, впервые обращают внимание на имя «русского писателя» Ерошенко независимо друг от друга академик В. М. Алексеев и журналист Вл. Рогов. Личностью Ерошенко начинают интересоваться литераторы Р. Белоусов, А. Харьковский, Н. Андрианова, Э. Пашнев, ученый-экономист В. Г. Першин, библиограф М. В. Бирючков,

учитель математики из Кисловодска А. И. Масенко... Усилиями исследователей и почитателей Ерошенко у нас в стране были изданы два небольших его сборника «Сердце орла», в 1962 г. в Белгороде, и «Цветок справедливости», в 1969 г. в Киеве на украинском языке. Наконец, в издательстве «Наука» вышло «Избранное» Василия Ерошенко.

Однако все эти книги, небольшие по объему, выпущены малыми тиражами и сразу же стали библиографическими редкостями.

Современного читателя еще ждет настоящая большая встреча с Ерошенко. Это было бы справедливо, ибо его имя, пожалуй, можно поставить рядом с именем Брайля, создавшего азбуку для слепых.

Москва

ЗА КНИГОЙ

Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор, как дождь пошел хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя.

Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
Стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
В них набрано: закат, закат, закат.

Как нити ожерелья, строки рвутся
И буквы катятся, куда хотят.
Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно еще раз было оглянуться
Из-за охваченных зарей оград.

А вот как будто ночь по всем приметам,
Деревья жмутся по краям дорог,
И люди собираются в кружок
И тихо рассуждают, каждый слог
Дороже золота цenia при этом.

И если я от книги подыму
Глаза и за окно уставляюсь взглядом,
Как будет близко все, как станет рядом,
Сродни и впору сердцу моему!

Но надо глубже вжиться в полутьму
И глаз приноровить к ночным громадам,
И я увижу, что земле мала
Околица, она переросла
Себя и стала больше небосвода,
А крайняя звезда в конце села,
Как свет в последнем домике прихода.

Перевод с немецкого *Б. Пастернака*

ФРОНТОВОЕ ИЗДАНИЕ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»

Подготавливая академическое издание поэмы «Василий Теркин», я познакомился с многочисленными черновиками этого выдающегося произведения, с дневниками и письмами А. Твардовского. На основании изученных материалов мне хочется рассказать о первом издании «Книги про бойца».

Война застала А. Твардовского в глухой деревушке Грязи под Москвой, где он облюбовал место для спокойной работы над задуманной поэмой о Василии Теркине — веселом и мудром, удачливом бойце кратковременной финской кампании, завершившейся более чем за год до того, в марте 1940 г.

Воскресный день 22 июня резко нарушил эти планы: едва услышав о нападении на нашу страну гитлеровской Германии, в переполненном поезде звенигородской ветки Твардовский выезжает в Москву. Получает назначение в армейскую газету. Многие сотни километров проходит фронтовой поэт Александр Твардовский вместе с боевыми частями Красной Армии по дорогам войны на особенно беспокойном, мобильном и во всех отношениях «жарком» Южном фронте. Он написал и напечатал много стихотворений и фронтовых очерков и совсем забыл об оставленной дома поэме, замысел которой уже не представлялся ему актуальным.

Но когда в июне 1942 г. ему пришла счастливая мысль продолжить поэму о Теркине, уже как о бойце новой, большой войны, работа сразу же приняла соответствующий военному времени фронтовой темп. С 4 сентября 1942 г. фронтовая газета «Красноармейская правда» одну за другой помещала на своих страницах главы возобнов-

ленной поэмы Твардовского. В то же время они печатались в московских журналах «Красноармеец» и «Знамя».

Считается, что впервые отдельным изданием «Василий Теркин» вышел в центральном издательстве «Молодая гвардия». Так, в примечаниях к новейшему шеститомному собранию сочинений А. Твардовского книжка «Молодой гвардии» представляется как «первое отдельное издание» поэмы «Василий Теркин»¹. Так же представлено дело и в «Семинарии» П. С. Выходцева².

Таким образом, почти неизвестен тот факт, что месяцем раньше, 25 ноября 1942 г. в издательстве фронтовой газеты «Красноармейская правда» было подписано к печати действительно первое издание знаменитой книги Твардовского. Вот его выходные данные: А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Библиотечка газеты «Красноармейская правда», вып. 16. Издательство газеты «Красноармейская правда». Действующая армия. Западный фронт. 1942. 104 стр.

Книжка отпечатана в Москве, в типографии «Гудок» (ул. Станкевича, 7). Тираж не указан. Издание книги приурочивалось к XXV годовщине Октября.

Тогда знаменитая поэма Твардовского не была еще создана в том виде, в каком она существует сейчас, однако автор, вероятно, считал ее на данном этапе законченной. Вслед за вступлением «От автора» в книгу вошло десять глав: «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере» и «Поединок».

Обложку и заставки к этому изданию сделал фронтовой художник Орест Георгиевич Верейский, ныне Народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, творческое содружество которого с поэтом с этого времени становится постоянным. Художник создал впоследствии несколько серий замечательных иллюстраций к «Василию Теркину».

Первое издание поэмы, выполненное для нужд фронта, стало теперь чрезвычайной редкостью. В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина экземпляр этой книги хранится в Отделе редких книг, в коллекции

¹ А. Т. Твардовский. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 2. М., 1977, с. 419.

² П. С. Выходцев. А. Т. Твардовский. Семинарий. Л., 1960.

А. К. Тарасенкова (1909—1956). На титульном листе — автограф: «А. Тарасенкову. Это первое издание поэмы. А. Твардовский. 17.III.47». Книгой и надписью Твардовский, надо думать, извещал Тарасенкова, автора специальных статей о «Теркине»³, о первом издании произведения.

В архиве поэта хранятся два экземпляра первого издания, присланные автором с фронта жене, Марии Илларионовне Твардовской, один за другим, с небольшим перерывом. Один из сборников обозначен поэтом как «первый экземпляр первого издания». «Пусть хоть немного порадует тебя, — писал А. Твардовский жене об

этой книжке, — пусть она будет тебе моим большим письмом-отчетом за время после последней встречи».

Оба экземпляра имеют внесенные Твардовским рукописные вставки и сокращения. В частности, поэт основательно сократил главу «Поединок»: он вычеркнул всю начальную часть, в которой рассказывалось, как Теркин ходил в разведку за линию фронта в паре с физически очень сильным, но необстрелянным бойцом Иваном Савчуком. Здесь были превосходные стихи, впечатляющие фронтовые картины:

Ночь. Идут в разведку двое.
Светит снег, а все ж темно.
Охраненье боевое
Позади уже давно.

Обложка поэмы
«Василий Теркин» (1942)

³ См.: А. Тарасенков. О «Василии Теркине» А. Твардовского. — «Звезда», 1945, № 5—6; его же. Стихи и поэмы А. Твардовского. — В его кн.: Статьи о литературе, т. 2. М., 1958.

На пожарищах деревни,
На земле торчат ничьей
Обгорелые деревья
У обрушенных печей.

За пустынным, странным тыном,
За какой-нибудь стеной —
Ни собаки, ни скотины,
Ни одной души живой...

. . . . .

Просидели ночь в овраге,
Ночь не жаркая была.
Раза два из общей фляги
Потянули для тепла.

Втихомолку закусили,
Закурить бы — так побудь.
Ночь прошла. Вздохнул Василий
И — ни с чем в обратный путь.

Не с великою отвагой
Подползал Савчук к оврагу,
Но зато в обратный путь
Не пришлось его тянуть.

На обратном пути разведчики нос к носу столкнулись с немцем, возвращавшимся из разведки с нашей стороны. Савчук, несмотря на свою медвежью силу, был быстро сбит упитанным немцем, и тогда в рукопашный бой с ним вступил Теркин. В конце главы очнувшийся Савчук догнал уползавшего, измотанного в бою, врага в расчете добыть у него трофейную «зажигалку».

Вся эта довольно пространная часть перечеркнута в архивном экземпляре рукой Твардовского: как ни хороши были стихи сами по себе, они уводили от развития главной темы. Иван Савчук оказывался единственным, кроме Теркина, персонажем поэмы, наделенным собственным именем и детальной характеристикой, что нарушало замысел автора представить Теркина максимально обобщенной фигурой, типом советского солдата, и даже шире — вообще русского человека.

В конце главы «Поединок», на странице 103, автор вписал в присланный экземпляр новые стихи:

Фронт налево, фронт направо
Поперек страны-державы,
И в февральской вьюжной мгле
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Сделанные сокращения и доработки были учтены в следующем, московском издании поэмы Твардовского, вышедшем в издательстве «Молодая гвардия». Оно было подписано к печати позднее — 21 декабря 1942 г.

В обоих изданиях 1942 г. глава «О войне» (в книжке издательства «Молодая гвардия» она называется «После боя») имеет нигде более не печатавшееся, известное еще только по рукописям поэта, начало:

— Банка шпротов! Мы им честь
Должную окажем.
Как и с чем их нужно есть,
Мы сейчас расскажем.
Потерпи? С утра терплю.
Хлеба нет? Ну что же —
И без хлеба их люблю,
С сухарями тоже.

Посмотрите вы, каков
Ужин наш трофейный.
Разрешите пару слов,
Вовсе не шутейных.
Не гадал, не думал фриц,
Чтобы эта банка
Вдруг могла из-за границ
К нам попасть в землянку.

Что ж, корысть невелика,
Рассуждая здраво,
Да впридачу есть река
Вместе с переправой.
Наша, кровная она
С самого верховья.
С кровью немцу отдана,
Нынче взята кровью.
И позвольте доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

В то время Твардовский считал свое произведение законченным, так что обе вышедшие в 1942 г. книжки имели вид законченного произведения и не членились на части.

Но война продолжалась, и вел свой поэтический бой с фашизмом Александр Твардовский. Уже 12 декабря того же 1942 г. в газете «Красноармейская правда» началось

печатание второй части его «Книги про бойца», а в феврале 1944 г. автор приступил к работе над третьей частью.

В 1943—1945 гг. вышло еще пять изданий «Василия Теркина» — в Магадане (издательство «Советская Колыма», 1943), в Москве (Госполитиздат, 1944; Воениздат, 1944), в Смоленске (1944) и в Чкалове (1945). В дальнейшем, после присуждения в 1946 г. Твардовскому за поэму «Василий Теркин» Государственной премии первой степени, издания стали частыми и полными.

Первому изданию произведения выпала, однако, особая честь: как первое из вступивших в войну «кадровое» поколение советских бойцов-воинов, оно приняло на себя главный удар врага и послужило его разгрому непосредственно на поле боя.

Москва

Наши
публикации

Мы открываем новую рубрику Альманаха — «Наши публикации». В ней будут печататься произведения (или отрывки из них) отечественных и зарубежных писателей и ученых, посвященные Книге. Это будут романы, повести, рассказы, публицистические произведения прошлых лет, забытые, не публиковавшиеся ранее и не переводившиеся. Предполагаем помещать также оставшиеся в рукописях воспоминания старых книжников, книгопродавцев, книговедов, сохранившие интерес и актуальность.

Новую рубрику начинаем публикацией фрагментов из произведения Жюль Жанена «Книга».

Жюль Жанен

КНИГА

(ОТРЫВКИ)

Перевод и предисловие В. Мильчиной

Жюль Жанен (1804—1874) — французский писатель и журналист. Он прославился романом «Мертвый осел, или Гильотинированная женщина» (1829), рисуящим картины жизни городских низов. Это одно из первых произведений так называемой «неистовой словесности», или, по выражению акад. В. В. Виноградова, «романтического натурализма». В России роман появился отдельным изданием уже в 1831 г. и вызвал бурные споры. Противники Жанена («Северная пчела») упрекали его в том, что он вводит в литературу «грязную», необлагороженную натуру, описывает морг, бойню, темницы и чужд сентиментально-романтическим идеалам. Доброжелательные читатели ценили в романе Жанена внимательность писателя к самым различным сторонам жизни, его способность описывать равно и привлекательные, и отвратительные предметы. Пушкин восхищался Жаненом. Романы французского писателя с их унаследованной от Стерна ироничностью Пушкин противопоставлял тогдашней романтической французской литературе, которую он считал высокопарной и неискренней. В письме к В. Ф. Вяземской от конца апреля 1830 г. он называет «Мертвого осла» «преlestным» и ставит Жанена даже выше В. Гюго.

Творчество Жанена разнообразно. В течение 42 лет он вел театральный раздел в правительственной газете «Журнал де деба», печатая там рецензии, фельетоны, литературные портреты. Он, в частности, одним из первых оценил талант знаменитой французской трагической актрисы Рашель. Одна из книг Жанена о театре, повесть о знаменитом французском миме Дебюро, вышла в России в 1835 г. (об этом издании см., например: Н. П. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека. Т. 1. М., 1969, с. 490, 491).

Писал Жанен и фантастические новеллы, отвечая тем самым на интерес к этому жанру французской публики, упивавшейся в 30-е гг. произведениями Гофмана. В 1834 г. сборник новелл Жанена «Фантазии» был издан на русском языке. Был Жанен и переводчиком — он познакомил французских читателей с творчеством Ричардсона и Стерна. Стерн сильно повлиял на стиль самого Жанена: его повествование фрагментарно, отрывочно, он быстро переходит от одного предмета к другому, повинаясь прихотливым ассоциациям.

«Книга» — позднее произведение Жанена, написанное им за четыре года до смерти (в год, когда оно вышло из печати, Жанен был избран во Французскую академию). Это произведение представляет собой собрание всевозможных историй и изречений о знаменитых писателях, редких кни-

гах, библиофилах и библиотекарях, построенное в форме бесед, которые ведут между собой несколько персонажей, разных по возрасту и общественному положению, но одинаково влюбленных в книгу.

КНИЖНЫЕ КРАЖИ

Историй, связанных с кражей книг, великое множество. Даже сам папа римский, бывший, впрочем, тогда еще кардиналом, воровал книги у писателя Менажа. В начале XIX века был в Париже один знаменитый книгопродавец, чьим первым движением, когда он оказывался рядом с книгой, было положить ее себе в карман. Всем была известна эта его «привычка», и если на аукционе председатель выкрикивал название неожиданно исчезнувшей книги, то после удара молотком из слоновой кости он добавлял: «Записана за господином таким-то». На следующий день этот господин получал счет с обозначением цены украденной книги и платил, не торгуясь и не споря. Если же ему случалось накануне публичной распродажи выходить из зала с двумя-тремя роскошными изданиями в карманах, то его вежливо останавливали у дверей и интересовались, не захватил ли он случайно с собою Вергилия в издании Альдов или Горация Эльзевиров? Тогда он, осмотрев собственные карманы, изумленно восклицал: «Действительно! вы правы. Я ужасно рассеян». И безропотно отдавал свою книгу с тем, чтобы на завтра купить ее законным образом. Смотреть на него было одно удовольствие; никто и не думал сердиться и прибегать к штрафам и доносам, которые так часто омрачают жизнь коллекционера, лишая его маленьких радостей.

Однако самым убежденным и самым несчастным из всех книжных воров был, без всякого сомнения, некий монах дон Винцент, из монастыря Побле в провинции Арагон. Этот дон Винцент, после того как испанская революция лишила его монастырь всех книг, обосновался в Барселоне, в квартале букинистов, старьевщиков и перекупщиков. Он занимал темную и тесную лачугу и хранил в ней книжные сокровища, которые не видело уже ни одно человеческое существо после того, как они попадали в руки дона Винцента. Он жил в одиночестве,

Портрет Ж. Жанена

безрадостный и поглощенный лишь одним желанием: приобретать любой ценой все редкие книги, которые продавались в соседних лавках. И вот однажды при продаже первого издания знаменитой книги под названием «*Ordinacions per les gloriosos reus de arago als regnicols del regne de Valentia*» книгопродавец по имени Огюстен Патксот назначил цену 557 реалов, в то время как дон Винцент располагал не более, чем 155 реалами, составлявшими в тот момент всю его личность. Из присутствующих никто не любил дона Винцента, поэтому

все были рады победе его соперника, и дон Винцент удался весьма рассерженный и даже отказался от утешительных реалов, причитавшихся ему как предложившему предпоследнюю цену. Через три дня, темною ночью, жители Барселоны были разбужены криками: «Пожар! Пожар!» Горела лавка Патксота. Когда огонь потушили, обнаружили мертвого книгопродавца в постели с трубкой в руке; на столе рядом с ним лежала крупная сумма денег, и все решили, что Патксот нечаянно устроил пожар, кура трубку.

Через неделю полиция стала находить то на улицах, то в канавах, иногда в реке, трупы людей разного возраста, не замешанных ни в каких преступлениях и известных только своей ученостью: молодого кюре, немецкого студента, испанского поэта. Незвестная рука пронзила им сердце кинжалом, не взяв у них ни кошелька, ни часов, ни драгоценностей. Значит, убийцы не были ворами... Воображение у людей разыгралось, и весь город был уже убежден, что возвратились времена инквизиции и что убийства были совершены по приказанию

секретного трибунала. Поэтому коррехидор приказал устроить в городе обыск. Добравшись до лачуги дона Винцента, сыщики сначала не обнаружили ничего подозрительного. Алькальд уже собрался уходить, когда один из солдат сбросил с полки, прибитой над дверью, знаменитую книгу, проданную Огюстену Патксоту. Коррехидор забеспокоился и спросил у дона Винцента, каким образом попала к нему эта уникальная книга, сгоревшая в пламени пожара полтора месяца тому назад? Вопрос был не из легких, но дон Винцент не смутился. Прежде всего он потребовал, чтобы вся его коллекция была сохранена в своем теперешнем виде и передана в собственность города Барселоны от имени дона Винцента; а после того, как обещание было ему официально дано, он признался, что убил двенадцать библиофилов, купивших у него книги, с которыми он не хотел расставаться.

— Да, — сказал он, осенив себя крестом, — я скажу вам правду, как я и обещал; я убийца, но у меня были добрые намерения. Я хотел обогатить науку и сохранить бесценные сокровища. Если я поступил плохо, накажите меня так, как вы считаете нужным; но не разделяйте по разным библиотекам мои книги: ведь несправедливо наказывать мешок за ошибки осла, который его везет. Я не по доброй воле согласился продать первую из моих драгоценных книг старому кюре; меня вынудила нехватка денег. Но святой Иоанн, славный покровитель писателей, свидетель, что я, как мог, старался отговорить святого отца от этой покупки: я говорил ему, что экземпляр плохого качества. Я показал ему, что одна страница переписана от руки; но он не обратил внимания на мои замечания и уплатил мне ту цену, которую я назвал. Не успел он уйти с покупкой, как я ощутил непреодолимое желание вернуть свою книгу. Я побежал за кюре и догнал его. «Вот, — сказал я, — возьмите назад ваши деньги, и отдайте мне мою книгу». Он отказался. Мы были в пустынном месте. Я видел, что не могу убедить его. Я ударил его кинжалом. Он упал, истекая кровью. Тогда я дал ему полное отпущение грехов и прикончил вторым ударом.

Книгу свою я унес с собою: вот она.

Алькальд спросил у дона Винцента, каким образом он убил остальных несчастных.

— Клянусь пресвятой девой и всеми святыми, нет ничего проще, чем способ, которым я пользовался,— отвечал дон Винцент.— Когда я видел, что покупатель настолько упрям, что непременно купит у меня книгу, я незаметно вырывал из нее, перед тем как отдать ее ему, несколько страниц и аккуратно прятал их. Через некоторое время покупатель возвращался с жалобой. Я брал у него книгу, как бы желая рассмотреть ее получше, а потом, когда книга была уже у меня в руках, оставалось только отвести покупателя в дальнюю комнату, а там уж не было нужды в наемных убийцах; моя рука ни разу не дрогнула. Ночью я относил труп туда, куда подсказывало воображение: то в одно место, то в другое.

— Но неужели вам не приходило в голову, что ужасно лишать жизни человеческое существо?

— Люди смертны. А хорошие книги живут вечно, если о них позаботиться. Поэтому я каждый раз старательно приклеивал на прежнее место вырванные страницы.

На суде дона Винцента приговорили к смертной казни. Адвокат, пытаясь спасти его, заявил, что в одном из французских каталогов он обнаружил другой экземпляр книги 1482 г., погубившей Патксота. Таким образом, мог существовать и третий экземпляр, и, возможно, дон Винцент не поджигал лавки Патксота. Однако старания адвоката не увенчались успехом. Винцент же, до тех пор хранивший непоколебимое спокойствие, во время речи адвоката начал рыдать.

— Итак, Винцент, вы начинаете ощущать всю тяжесть заблуждений? — спросил судья.

— О да, сеньор! Моя ошибка чудовищна. Если бы вы знали, как я несчастен. Мой экземпляр не был уникальным!

* * *

Среди книжных воров встречаются и невинные воры. К таковым можно причислить даже самого Дидро. В его архиве недавно были обнаружены следующие страницы:

«... как я познакомился с Малышом? Право, не знаю. Однажды я возвращался домой, грезя бог знает о чем, и встретил Малыша, который с величайшей почтительностью проводил меня до дома. Отчасти из тщеславия, отчасти

по доброте душевной я познакомился с ним. Через несколько дней я снова встретил его. Я очень устал в тот день, и он помог мне подняться на мой третий этаж.

В следующий раз, воспользовавшись хорошим настроением жены, я пригласил Малыша на обед. Он был весел и рассудителен и скоро стал у нас другом дома. Вскоре он знал все мои каждодневные огорчения и заботы, никогда не покидающие нас, писателей. Я скоро привык к тому, что Малыш всегда под рукой и у него можно навести справки по самым различным вопросам. Кто бы мог подумать? Он почти всегда был способен протянуть мне руку помощи и вытащить меня из этого огромного болота, называемого «Энциклопедией».

Однажды он спросил меня:

— Почему вы ничего не пишете о Яне Креле, авторе «Христианской этики»? Польские и немецкие читатели будут недовольны таким упущением.

В тот же вечер он принес прекрасный ин-фолио — «Христианскую этику». В другой раз мы разговаривали о «Предисловии» Даламбера. «Господин Даламбер, — сказал Малыш, — написал превосходное предисловие; но неужели вы никогда не читали предисловия, которое написал к своей «Истории» президент де Ту, а также предисловия Казобона, издателя Полибия, и, в особенности, предисловия Кальвина к его «Наставлению в христианской вере»? А ведь это отлично написанные произведения. Этот Кальвин был пройдоха вроде вас; только у него было больше гибкости и приятности. Добрая королева Наваррская дня без него не могла прожить. Он тогда был молод, этот великий враг ересей; жестоким он стал позже...»

На следующий день он принес книгу Кальвина.

Благодаря Малышу я стал обладателем «Библиотеки» Фотия, который был одновременно великим схизматиком и великим ученым, прекрасным грамматистом, неплохим поэтом, красноречивым оратором, начальником стражи императрицы Ирины, послом в Персии и государственным секретарем.

— Он гораздо лучше вас закончил бы «Энциклопедию», — сказал Малыш, отдавая «Библиотеку», — потому что лучше знал жизнь людей, с которой вы знакомы только понаслышке.

В другой раз он сопровождал меня в типографию, где я воевал не на жизнь, а на смерть с моим типографом, который твердил, что не желает садиться в Бастилию из-за атеистов вроде меня.

— Тоже мне нашел атеистов! — вскричал Малыш. — Да эти атеисты и не слыхали никогда об уроженце Неаполя Лучилио Ваннини, профессоре атеизма в школах Тулузы. Он кончил тем, что его сожгли на костре в благословенном 1619 году. И когда перед казнью его пытались убедить, чтобы выпросил прощения у короля, у судей и у самого бога, он ответил, что религиозные убеждения не имеют ничего общего с королевской властью, что он не верит в бога, а судей посылает ко всем чертям. Это был настоящий мужчина. Он погиб из-за любви к жене сенатора и из-за того, что открыто боролся за свое учение и за свою страсть. Его дама, которая сначала относилась к нему благосклонно, испугалась его богохульства и донесла на него Тулузскому городскому совету. Так что, господин Дидро, не проповедуйте особенно громко свои взгляды нынче вечером у мадемуазель Волан.

Он уже знал все мои тайны, а я даже не знал его настоящего имени. Трудно перечислить все услуги, которые оказал мне Малыш, и все книги, которыми он пополнил мою библиотеку. Именно ему я обязан, например, той прекрасной полкой, которую украшают «Рыцари круглого стола», «Роман о розе», «Амадис Галльский» и «Рыцарь Солнца».

Но вскоре его щедрость стала меня беспокоить. Ведь он явно был беден и плохо одет; он часто говаривал о себе то же самое, что и Генрих IV: «У меня все, что снаружи, — серого цвета: серый плащ, седая борода, седые волосы, зато все остальное — чистое золото...»

— В конце концов, я хочу знать, — сказал я Малышу, — куда вы уходите, откуда вы приходите, кто вы такой, откуда вы взяли эти замечательные книги, которые принесли сегодня утром для статьи «Предрассудок», — «Маленький карманный пистолет против еретиков», «Ружье покаяния и спичка любви к богу»?

Мне чудились в каждом из этих даров тайна, опасность, сообщничество, которое опозорит меня.

Малыш, однако, оставался невозмутим; он улыбался моему гневу:

— Какая муха вас укусила сегодня, и куда девалась вся ваша философия? Что здесь непостижимого? Я решил, что кроме меня некому помочь человеку вроде вас, невежественному, вечно торопящемуся и вечно опаздывающему, и взял эти книги, чтобы отдать их вам.

— Как? Что вы говорите, несчастный? Вы взяли эти книги? Иначе говоря, вы украли их, чтобы принести их мне?

— Можно было бы сказать, что я украл их, господин Дидро, если бы взял их для собственного удовольствия или если бы они были нужны их владельцу. Но владелец не входил в свою библиотеку более четырех лет, и я, естественно, подумал, что эти умные книги будут гораздо полезнее вам. Что может быть справедливее и разумнее?

Его хладнокровие бесило меня. Я даже и вообразить не мог подобную благородную развращенность. Я обливался потом, я был в горячке... а ведь находятся мученики, которые говорят, что страдание прекрасно!

Немного успокоившись, я сказал:

— Малыш, вы совершили преступление. Вам надо немедленно исправить свою ошибку. Завтра вы отнесете эти книги туда, откуда их взяли, а за ними и все остальные. Через полтора месяца все должно вернуться на место, и тогда я смогу простить вас.

— Господин Дидро, это невозможно. Эти книги принадлежали аббату де Гасьену, канонику Собора Парижской богоматери. Я был его секретарем и библиотекарем; позавчера он умер, и библиотека его опечатана...

— Прочь отсюда, несчастный! — закричал я и отправился за советом к здравомыслящему Даламберу.

— Вы не даром волнуетесь, — сказал мне Даламбер. — Этот аббат Гасьен был ученым богословом, но большим фанатиком, неоднократно проклинаявшим «Энциклопедию» и ее дьявольских создателей. Но я попытаюсь навести справки.

На следующее утро Даламбер разбудил меня:

— Ну вот что, совестливый человек, сказал он, — вам везет... Я познакомился с наследницей каноника. Поезжайте к ней. Будьте красноречивы. Вымолите себе прощение....»

Здесь записки Дидро кончаются. Кто была эта дама и каким образом он вымолил прощение? Об этом мы

ничего не знаем, но прощение оказалось столь полным, что книги были подарены писателю, а Малыш стал его библиотекарем и оставался им до того момента, пока Екатерина II не купила у Дени Дидро его книги.

В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ

Трудно даже вообразить себе, до чего могут дойти усердие и страстность человека, воодушевляемого благородной любовью к написанной им книге. Был, например, в XVI в. один священник, принадлежавший к Ордену братьев-миноритов. Звали его отец Никез. Он написал прекрасные комментарии к «Одиссее» и «Илиаде», к Вергилию и Лукрецию. Однако наибольшим удовольствием для доброго священника было переписывание всех этих совершенных творений собственной рукой. Рукописи он дарил своим восхищенным ученикам, сопровождая их отеческими посвящениями. Легко ли найти более доброго и щедрого ученого?

Но, говоря о посвящениях, можно рассказать и гораздо более грустные истории. Один из записных льстецов, некий Анри Дюпюи, посвятил свою «*Historia barbarica*» принцу Оранскому. Но вскоре ему пришлось заменить имя принца Оранского именем Филиппа IV, короля Испании. Эразм однажды посвятил свою книгу венгерской королеве, но в адресованное ей посвящение вкралась опечатка, превратившая похвалу в оскорбление. Сколько проклятий обрушил он на голову негодяя-наборщика!

Многие писатели XVI в. так сильно желали поведать потомству о собственной славе, что писали хвалебные посвящения сами себе от лица своих издателей. Так, по свидетельству Менажа, поступил некий доктор Морен, который от имени Венсена Панюржа превознес до небес ученость и известность знаменитейшего и образованнейшего доктора медицины и королевского профессора математики Жана-Батиста Морена. Поступал подобным образом и поэт Малерб. По словам Геза де Бальзака, «он воздавал себе хвалу, достойную не столько благородного человека, сколько хвастуна из комедии».

Были и такие авторы, которые, не имея собственного Мецената, посвящали свои скромные творения Всемогущему Господу, святой Троице, святой церкви или просто «дорогой родине». Прозаические и стихотворные посвящения, написанные по латыни, адресовались обычно Аполлону, Грациям и Музам.

Наоборот, многие богословы, стремясь лишний раз уязвить своих противников и нанести им очередное оскорбление, посвящали им свои труды, надеясь, что упреки и обвинения произведут тем больший эффект, чем менее ожидают их читатели посвящения.

Нельзя не упомянуть и знаменитое посвящение «Священной Географии» трем великим князьям, единственным властителям неба и земли, а именно: «Иисусу Христу, Фридриху Августу, князю Саксонскому, и Морицу-Вильгельму, наследному принцу Саксонскому!» Автор посвящения не забыл ни одного титула своих покровителей. Так, Иисус Христос назван «коронованным генералом небесной армии, августейшим и вечным главою христианской церкви, архиепископом и властителем душ человеческих, избранником истины, эрцгерцогом славы, герцогом жизни, князем мира, рыцарем врат ада, победителем смерти, сеньором справедливости, главным советником Бога-отца» и т. д.

Был и такой немецкий писатель, который перед смертью написал сам себе надгробную речь, но остался жив, и произведение, вышедшее из-под его пера, вмиг стало никчемным и смехотворным. Если б лихорадка могла назначать пенсии поэту, наверное, писали бы похвальные речи и в ее честь. Посвятил же один поэт свою книгу палачу Гийому.

Когда речь идет о славе, люди становятся дьявольски изобретательными. Гоббс написал на обложке своей книги: «Астрономия обязана своим рождением Копернику, физика — Галилео Галилею, медицина — Вильгельму Гарвею; но наука политики не существовала до появления моей книги „О гражданине“». Другой гордец (единственный в своем роде, ибо подражателей у него не было даже среди королей, больших любителей хвалебных кантат) оставил сумму в двадцать тысяч экю с тем, чтобы из этих денег ежегодно оплачивались оды, написанные в его честь. Его имя было Жан Вовер (пусть оно

станет известным потомству хоть теперь). Наверняка завещание его не было выполнено, потому что никто не слышал о Жане Вовере и одах в его честь. Был и такой скромник, который написал в послании королеве Анне (той самой, что описана в «Человеке, который смеется»): «По правде говоря, Мадам, я осмелюсь утверждать, что книга, которую я преподношу Вашему Величеству, будет не последним украшением ее века». Ученый по имени Жан Понтано разорил свое семейство и себя самого, но зато построил себе еще при жизни великолепную гробницу с надписью:

Здесь могила Жовьена Понтано,
Его слава не знала изъяна;
Все ученые его почитали,
Все дворяне его уважали,
Короли все его прославляли.

Бальзак (первый Бальзак), рассказывает, что видел однажды собрание сочинений древнегреческого писателя, завидовавшего Геродоту, каждая из девяти книг которого была посвящена одной из Муз. Бедняга сочинил девять посланий — к каждой из дочерей Минервы, и речь в честь каждой из Граций. «Даже если бы небеса были сделаны из бумаги,— писал он,— все деревья на земле — из перьев, а моря и океаны — из чернил, всего этого не хватило бы для перечисления моих произведений и заслуг».

Некто по имени Жак Клавери никогда не выходил на улицу, не наполнив карманы пирогами и текстами своих песенок. Каждому встречному мальчишке он говорил: «Спой мою песню — получишь кусок пирога».

Фанатичные поклонники собственной славы сочинили и посвятили великим королям, а также очаровательным королевам такие сочинения, как «Трактат о четвертой части небытия», «История о том, что расположено ниже, чем ничто» или «Гороскоп Иисуса Христа». Среди этих изготовителей посвящений одни адресовали одну и ту же речь разным покровителям; другие, если книга состояла из трех частей, выбирали для каждой части отдельную жертву.

В 1649 г. сьер де Рангуз, более ничем не прославившийся, напечатал книгу панегириков, обращенных к особам королевской крови и важным духовным особам,

предусмотрительно не пронумеровав страницы своей книги. Каждой из знаменитых особ, чьи достоинства он прославлял, Рангуз послал экземпляр, где первым стояла речь в честь этого адресата, так что всякий получивший книгу был уверен, что она посвящена именно ему.

Лафонтен, чьи посвящения принесли бессмертие многим адресатам (уж его-то не обвинишь в лести или корысти), посвятил первое издание своих «Сказок и новелл» герцогине Буйонской. Это та самая бесследно исчезнувшая книга, куда вкрались два непристойных стиха, из-за которых книгопродавец вынужден был сжечь весь тираж целиком! Следующее издание, вышедшее в 1671 г. без этих стихов, было посвящено уже не герцогине Буйонской, а герцогу де Гизу. Первое издание басен Лафонтен посвятил своему достойному покровителю и защитнику, господину дофину. На фронтиспise книги был помещен портрет баснописца, а под ним — изображение Волка и Ягненка. «Месье, — сказал дофин, — вы имеете полное право поместить под Вашим портретом Ваш герб».

Впрочем, будем снисходительны к любителям славы в тех случаях, когда они хотя бы немного достойны ее. «Друг, — писал Цицерон одному историку, своему современнику, чьи сочинения до нас не дошли, — вы добрались уже, я полагаю, в своем труде до эпохи, в которую живем мы с вами. Так не удивляйтесь же, если я буду просить и умолять вас преувеличить до невообразимых размеров то хорошее, что вы пишете обо мне. Забудьте законы истории в мою честь; пусть наша дружба будет вам дороже истины...» Письмо это прелестно и вполне достойно Цицерона. Тем более, что, к счастью для него, несмотря на все его старания, история сохранила и его недостатки.

ЛАФОНТЕН И ЕГО «СКАЗКИ»

История, которую мы сейчас расскажем, связана с неподражаемым и несравненным шедевром изящества, легкости, обаяния и волшебства — со «Сказками» Лафонтена, одним из самых прекрасных и самых известных произведений великого века.

Не было ни одного человека, обладающего чувствительностью, воспитанностью, светскостью и естественностью, который не отдал бы должного «Сказкам» Лафонтена. И тем не менее именно эта книга навлекла на ее автора гнев недавно приступившего к своим обязанностям третьего викария церкви Святого Роха аббата Пуже. Лафонтену было уже 75 лет, и он был болен, когда новоявленный доктор Сорбонны явился к нему под каким-то незначительным предлогом. Он нашел, что поэт — человек весьма наивный, простак, раз он говорит с шутливым легкомыслием: «Я недавно читал Новый Завет, это хорошая книга, но я никак не могу поверить в вечные муки». На это молодой аббат отвечал, что поверить необходимо. В конце концов Лафонтен сдался и больше не задавал вопросов. Тем не менее он очень волновался, когда аббат, осмелев при виде терпеливого прихожанина, провозгласил, что для поэта настал час покинуть опасную стезю.

— Как? Уже сейчас?

— Разумеется, сейчас же. В вашем возрасте и с вашими болезнями трудно рассчитывать прожить долго. Прежде всего, нам нужно с вами объясниться по поводу нечестивой книги, называющейся «Сказки».

Лафонтен попытался возразить, но непреклонный викарий настаивал, повышая голос:

— Вы обязаны сделать две вещи в связи с этой книгой, иначе служители церкви не смогут предать вас христианскому погребению. Во-первых, вы должны перед святым причастием, а если вы все-таки встанете на ноги, то в присутствии членов Французской Академии, официально объявить о том, что вы раскаиваетесь в написании подобной книги и просите за нее прощения у бога и церкви. Во-вторых, вы должны публично и по доброй воле пообещать, что никогда не будете способствовать ни печатанию, ни продаже этой книги, никогда не будете получать с нее никакого дохода, а если господь возвратит вам здоровье, то посвятите остаток ваших дней покаянию.

Подобные случаи уже были в истории: духовник великого Корнеля потребовал от него перевода «Подражания Христу» в прекрасных стихах; Расин искупал страстные монологи «Федры» красноречием «Аталии» и смирением «Эсфири». Но требовать от автора «Сказок»

книгу, пропитанную христианским духом, значило требовать невозможного.

Хотя Лафонтен был мало обеспокоен угрозой материального ущерба, он продолжал оспаривать требования своего духовника. Он не соглашался на публичное покаяние; он не был уверен, что оно необходимо; наоборот, он находил новые и новые доказательства невинности своих сказок и комедий. Он был готов показать аббату Пуже свою последнюю комедию, которую еще не успел прочесть актерам... На это аббат Пуже отвечал, что отдавать комедию актерам недопустимо, потому что профессия актера — нечестивая профессия, и церковь исключает актеров из своего лона. Именно эти слова больше всего возмутили поэта. Он не слишком дорожил своей собственной комедией; он хорошо видел ее слабости; но он обиделся за комедию в целом, и в особенности за комедии Мольера, которые защищал с неопишуемым мужеством (это признавал даже его жестокий противник).

— Господин де Лафонтен,— рассказывал потом аббат Пуже,— никак не желал согласиться на публичное покаяние. Он не мог вообразить, что книга его сказок столь опасна, хотя и не утверждал, что это — совершенное создание, лишенное недостатков. Он говорил, что его книга ни разу не внушала порочных мыслей ему самому, когда он ее писал,— значит, она не может быть вредной и для тех, кто ее читает. Знавшие лично господина де Лафонтена без труда признают, что, говоря так, он был искренен, как ни трудно в это поверить умному человеку, знающему свет...

Но Лафонтен именно потому, что знал свет и его опасности, не желал признать, что заслужил публичное покаяние. Как всякий смиренный католик, он соглашался покаяться наедине со своим духовником, но отвергал всякие публичные церемонии возле своего смертного ложа. К тому же он умолял о снисхождении к несчастным актерам и в особенности к очаровательным актрисам, которых он так много любил и которые с удовольствием отвечали ему тем же. Он находил требования аббата Пуже чрезмерно жесткими, и решил посоветоваться с более осведомленными людьми.

— Я сказал ему,— продолжает свой рассказ аббат,— что счастлив предоставить ему такую возможность, лишь

бы это были люди, известные своей ученостью и своим благочестием. Он согласился и обратился в Сорбонну. Ответ тамошних профессоров был сходен с моим. Ему объяснили, что я вел себя с ним прямо и честно и ничего не преувеличивал. Тогда, перестав сомневаться, он бросил свою комедию в огонь, не оставив копии, и труппа актеров так и не получила ее.

Приходится поверить, что так оно и было и что Лафонтен, честный и благородный человек, действительно не оставил копии своей пьесы. Лафонтену пришлось согласиться и на остальные требования аббата Пуже. 12 февраля 1693 года, в первый четверг Великого поста, в присутствии посланников Французской Академии, Лафонтен принял святое причастие. При этом он произнес тщательно обговоренный с духовником текст «отречения», где каялся в написании «Сказок» и отказывался от их переиздания. В конце своей речи он попросил господ, приглашенных из Академии, рассказать о слышанном ими всем членам Академии. Столько смирения и самоуничтожения было в его словах, что поистине удивительно, как среди всех присутствующих не нашлось ни одного ученого или просто благородного человека, который бы не обнял великого поэта со словами: «Нет, нет, вы не заслужили того, чтобы каяться перед лицом стольких людей, которые вас любят и вами восхищаются! Нет преступления в том, что вы говорили самым великолепным языком, каким когда бы то ни было говорили люди или боги! И если лишать церковного причастия вас, в вашем преклонном возрасте, то придется лишить его и всех нас, знающих вашу волшебную книгу наизусть и с наслаждением повторяющих ее!»

Увы! эти слова не были произнесены; без сомнения, не один академик чувствовал в глубине души тайное негодование, но ни один не осмелился признаться в нем. Мало того, викарий добавил удивительные по жестокости слова: «Нет, этим вы не исправите зла, причиненного вашей нечестивой книгой! Она будет жить столько, сколько будет жить французский язык, и грехи, которыми вы запятнали себя, написав ее, будут жить вместе с нею!»

И все же он был вынужден позволить Лафонтену причаститься.

Через два года Лафонтен скончался. И тогда истина восторжествовала — Фенелон, великий религиозный писатель, один из умнейших людей своего времени, написал «Надгробное слово Жану де Лафонтену», где воздал должное поэту, не заботясь о мнении ретивого викария церкви Святого Роха.

Это надгробное слово кончалось так: «Увы! если бы все наши знаменитые писатели имели столько ума и изящества, сколько животные из лафонтеновских басен!».

Давид Кугультинов

КНИГОГРАД

В моем шкафу теснится к тому том,
И каждый том на полке — словно дом,
Обложку — дверь откроешь второпях —
И ты вошел, и ты уже в гостях...
Как переулок — каждый книжный ряд,
А весь мой шкаф — чудесный Книгоград.
Когда ты будешь в этот город вхож —
Из Прошлого в Грядущее пройдешь,
Заглянешь в страны и во времена:
Любая книга — время и страна...
Здесь, в комнате моей, из года в год
Все человечество в ладу живет.

Перевод с калмыцкого Ю. Нейман

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек-Баратынская А. Д. 34, 35
 Агин А. А. 43
 Адамович А. М. 22
 Аделунг Ф. П. 71
 Аксаков С. Т. 53, 175
 Александр I 113, 193
 Александр II 85
 Александр Македонский 62, 72
 Александров П. П. 104
 Алексеев В. М. 231
 Алексей Михайлович, царь 165
 Альды 243
 Альтшуллер М. Г. 182
 Амфилохий, архимандрит (Сергиевский) 161
 Анастасевич В. Г. 114
 Андреев Л. Н. 214
 Андрианова Н. Н. 231
 Андроников А. П. 216
 Андроников В. А. 215, 217, 220, 222
 Андроников П. А. 216
 Андроников С. В. 216
 Андроникова О. В. 216
 Анна, королева 252
 Анна Иоанновна, имп. 72
 Анненковы 218
 Антониони М. 14
 Анушкин А. И. 52
 Апушкин Вл. 87
 Арсеньев А. В. 123
 Арцимович В. А. 218
 Ауэзов М. О. 7
- Байрон Дж. Г. 197, 199, 226
 Баланюк В. 180
 Бальзак Г., де 250, 252
 Бальзамо Дж. 24
 Баранович Л. П. 173
 Баратынский Е. А. 32, 37
 Бартенев П. И. 36, 44
 Бартенев Ю. Н. 203
 Баскин М. И. 237
 Баталина А. П. 136, 137
 Батюшков К. Н. 113—115, 122
 Бахрушин А. П. 47
 Бахтин М. М. 14
 Бекарий Ч. 190
 Белинский В. Г. 41, 43, 51, 219
 Белоусов Р. С. 231
 Бенедиктов В. Г. 220
 Бенитцкий А. П. 114
 Бенкендорф А. Х. 30
 Берг Л. С. 133
 Берков П. Н. 201
 Бесс П. 24
 Бестужев-Рюмин М. А. 37—40
 Бестужев-Рюмин М. П. 37, 39
 Биль Ф. 152
 Бирев И. 152
 Бирючков М. В. 231
 Благой Д. Д. 229
 Блок А. А. 45, 230
 Блондель Ф. 62
 Бобринский А. А. 104
 Бобылев Н. И. 44
 Болотов А. Т. 182—183
 Болховитинов Е. А. см. Евгений (Болховитинов), митрополит
 Бондони Дж., ди 225
 Бонч-Бруевич В. Д. 214
 Боргсдорф А. Э. 62
- Б-в-Р-н• см. М. А. Бестужев-Рюмин

- Бордюкова В. А. 140
 Боткин В. П. 219
 Боцяновский В. Ф. 103
 Брайль Л. 231
 Брандис М. 152
 Бренна В. Ф. 66
 Бродский И. И. 82
 Бродский Л. И. 82, 83
 Брунеллески Ф. 225
 Брусилов Н. И. 125
 Брусилов Н. П. 103—107, 112—115, 117—123, 125
 Брусилова К. Л. (Гофман) 123
 Брусиловы 104
 Бруштейн А. Я. 141, 142
 Бруштейн С. А. 142, 143
 Брюллов А. П. 36
 Брюс Я. В. 56—59, 62
 Брюсов В. Я. 202
 Брянчанинова С. А. 175, 176
 Буагильбер 189
 Бубнов Н. Ю. 174
 Бужинский Г. 62
 Буксбаум И. Х. 64
 Буйонская М. А. 253
 Булгаков В. Ф. 228
 Булгарин Ф. В. 42
 Булич Н. Н. 125
 Бунин И. А. 53, 54, 209—214
 Бунин Ю. А. 209, 210
 Бурбоны 195
 Буслаев Ф. И. 154
 Бычков А. Ф. 161
 Бэкон Ф. 184

 Вагнер П. 152
 Вазари Дж. 225
 Вальхаузен И. Я., фон 164
 Ванини Л. 248
 Ваньер, секретарь Вольтера 190, 191
 Варений Б. 62
 Варнум Ф. 186
 Василевская Н. Л. 211
 Василевский Л. М. 211—214
 Ватсон М. В. 78
 Вашингтон Дж. 186, 193
 Вейтбрехт И. Я. 179
 Венгеров С. А. 76, 103, 124
 Вендромини Ф. 71
 Венсен П. 250
 Венциан Ф. 180
 Вергилий М. П. 9, 243, 250

 Верейский О. Г. 234
 Веселый Артем 55
 Викторов А. Е. 161, 164
 Виноградов В. В. 242
 Виноградов Г. А. 163
 Винцент, монах 243—246
 Витте С. Ю. 83, 92
 Вишнев В. М. 102
 Владимир Дионисиев 167
 Владимиров Л. И. 150
 Вобан С. 62, 70, 189
 Вовер Ж. 251, 252
 Воейков А. Ф. 31
 Волан С. 248
 Волкенштейн А. А. 209
 Волконская З. А. 224
 Волконский С. Г. 224
 Волошиновы 209
 Вольтер Ф.-М. 106, 110, 115, 119, 179, 180, 186—191
 Воннегут К. 14
 Вороблевский В. Г. 24
 Воронихин А. Н. 66
 Воскресенский М. И. 42
 Востоков А. Х. 113, 154
 Вревский Б. А. 41
 Вульф В. Н. 41
 Вульф Е. Н. 41
 Выходцев П. С. 234
 Вяземская В. Ф. 242
 Вяземский П. А. 37, 38, 40

 Гайдебуров П. А. 75, 79, 80
 Гайсберг М. 156
 Галактионов С. Ф. 30, 36, 71
 Галилей Г. 226, 251
 Гамалея С. Г. 178
 Гарвей В. 251
 Гарелин Н. Ф. 151
 Гарп Ж. Л. 72
 Гасьен, де (аббат) 249
 Гачев Г. 14
 Гейне Г. 212
 Гейтман Е. И. (Г. И.) 32
 Гейченко С. С. 79
 Геннади Г. Н. 125
 Генрих IV 248
 Герберштейн С. 70
 Гергард В. 33
 Гердер И. 11
 Геродот 252
 Герцен А. И. 222
 Гибнер И. 60, 62

Гиз, де (Генрих II Лотарингский) 252
 Гизель И. 62
 Гинкен А. А. 202
 Гладков Ф. В. 55
 Глинка Н. Ф. 219
 Гоббс Т. 251
 Гоголь Н. В. 23
 Годдард Р. Х. 97
 Гойя Ф. 71
 Голендухин Л. Д. 56
 Голеневский И. К. 24
 Голубов С. Н. 22
 Голубова А. В. 22
 Гольдони К. 226
 Голяховский Е. Н. 48
 Гомер 9, 107
 Гонзаго П. Г. 66, 68, 71
 Гораций К. Ф. 243
 Горький А. М. 202
 Гофман Э. Т. А. 242
 Гранин Д. А. 22
 Греков Вл. 103
 Греков Н. П. 219
 Греч Н. И. 114, 122, 224
 Грибоедов А. С. 39
 Григорий с Жарновца 150
 Гринченко Б. Д. 212
 Грот Я. К. 35, 125
 Губар А. Г. 22
 Губар П. В. 21—24, 26—36, 40—42, 44, 45
 Гутер Р. С. 225
 Гутовский С. М. 164, 165
 Гюго В. 242
 Гюйгенс К. 62
 Давыдов Д. В. 41
 Даламбер Ж. Л. 112, 186, 187, 247, 249
 Данте А. 9, 226
 Даржанталь Ш. 187
 Дашковский Е. Ф. 33
 Дебюро Ж. Б. Г. 242
 Деллуа А.-Л. 196
 Дельвиг А. А. 36, 37, 40
 Демидов П. П. 82
 Демут-Малиновский В. И. 66
 Державин Г. Р. 119, 120
 Джефферсон Т. 186
 Дидро Д. 186, 246, 248—250
 Дионисий 154, 166, 167, 169, 170
 Добровольский Л. М. 88

Добролюбов Н. А. 43, 44
 Донателло 225
 Достоевский Ф. М. 10, 202
 Дрентельн А. Р. 81, 82
 Дюпюи А. 250
 Дюрер А. 150, 151
 Евгений митрополит, (Болховитинов 120
 Екатерина I 72
 Екатерина II 25, 26, 68, 69, 154, 178, 179, 224, 250
 Елизавета Петровна, имп. 26, 72, 224
 Елисеев А. В. 132
 Елпатьевский С. Я. 55
 Епифаний Премудрый 167
 Ерошенко В. Я. 230, 231
 Ершов А. П. 217
 Ершов Н. П. 217
 Ершов П. П. 217, 218, 220, 222, 229, 230
 Ефремов П. А. 22, 53
 Жанен Ж. 198, 199, 242
 Жанлис С. Ф. 175
 Жемчужников А. М. 23
 Женжурист Л. А. 210
 Женжуристы 209
 Живоглазов А. И. 82
 Жирарден Э., де 196, 197
 Жихарев С. П. 122
 Жуковский В. А. 31, 53, 71, 219, 222
 Журов П. А. 230
 Заветный А. см. М. А. Бестужев-Рюмин
 Замахаев С. Н. 216
 Заньковецкая М. К. 212
 Запаско А. П. 147
 Засулич В. И. 85
 Зацепина Е. В. 153, 155, 158
 Зернова А. С. 152, 157
 Зосима, старец 168
 Иван III 155
 Иванов И. А. 29
 Иванов К. А. 172
 Иванов Кондрат 163
 Иванов М. А. 29
 Измайлов А. Е. 113, 114, 122

- Ильин В. (Владимир Ильин) см.
В. И. Ленин
«ин» см. М. А. Бестужев-Рюмин
Иовий П. 70
Иосиф Волоцкий 167
Ирина, имп. 247
Исаковский М. В. 55
Итиро Такасуги 230
И. Х. см. И. И. Ханенко
- Кавелин Л. А. 161, 163
Казанская Ю. А. 218
Казанский Г. П. 218
Казинц Н. 14
Казобон И. 247
Калашников А. И. 48
Калиостро А. см. Дж. Вальзамо
Каллаш В. В. 34
Кальвин Ж. 247
Камбре 62
Каменева Т. Н. 159
Камерон Ч. 66
Каннинг П. П. 94
Кантемир А. Д. 177
Караванский Н. Я. 158
Карамзин Н. М. 106, 113, 117, 119,
184
Караччоли Л. А. 24
Карлино Н. Н., де 220
Карнович Е. П. 179
Карпинский А. П. 148
Карцан Я. 150
Качурин Е. 218
Кваренги Дж. 66
Керсновский А. 44
Кипренский О. А. 36
Киселев Н. П. 151, 152, 157—161
Клавери Ж. 252
Клейст Э. Х. 27, 28
Клепиков С. А. 169, 170
Клочков В. И. 28, 29, 32
Княжнин Я. Б. 119, 120, 175,
176, 182, 184
Князев Г. А. 22
Кожевников В. А. 202, 206
Козлов П. К. 139
Козлов Ф. 132, 217
Козловский К. С. 48
Колонне Г., де 180
Колпаков И. И. 71
Кольцов А. В. 51, 52, 54, 219,
222
Комаров М. 27
- Кони А. Ф. 218
Коперник Н. 62, 251
Кораблинов В. А. 51
Корб И. 70
Корбюзье Л. 225
Корнель П. 254
Короленко В. Г. 55, 214
Корсаков И. Н. 179
Кравцов Г. А. 48
Крамской И. Н. 50
Крапоткин Д. Н. 85
Краснораменская А. Е. 125
Креле Я. 247
Крузиус Х. 26
Крылов И. А. 52, 154
Крюденер Ю., де 193
Кубасов И. А. 114
Кузьмин Н. В. 53
Кузьмина О. В. 220
Кукольник Н. В. 122
Кунин В. А. 155
Курбатов В. Я. 67—69
Курганов Н. Г. 53
Кургинян М. С. 226
Курий К. Ф. 62
Кутейщикова В. 14
Кутузов М. И. 52
Кюхельбекер В. К. 22
- Ла Барр, де 186
Лавренев Б. А. 16
Лаврентий, епископ см. Л. П. Ба-
ранович
Лавров П. Л. 79
Лайбов Н. см. Н. А. Добролюбов
Ландсберг М. 152
Ланская Н. см. Н. В. Яковлева-
Ланская
Ланские 77, 78
Ланской В. Н. 77
Лаптев И. Я. 169
Ласунский О. Г. 46—50, 52, 54,
55
Лафатер И. 71
Лафонтен Ж., де 253—257
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 133
Лейвайлльян Ф. 71
Ленин В. И. 127, 128, 132, 134,
135, 139, 140, 229
Леонид, архимандрит см.
Л. А. Кавелин
Леопольд Первый, имп. 70
Лерз М. 157

- Лерх 64
 Лесневский С. С. 230
 Лессинг Г. Э. 27
 Лесток И. 27
 Лещев Н. Н. 218
 Ливер А. Г. 22
 Лисовская К. К. 209
 Литошенко Л. А. 48
 Лихачев Н. П. 166
 Ломоносов М. В. 110, 117, 118, 180
 Лу Синь 230
 Луи-Филипп 195
 Лукреций К. 250
 Лукьянов В. В. 168, 169
 Луначарский А. В. 132
 Луппов С. П. 57
 Луцкий 32
 Львов Вл. Евг. 94, 102
 Ляхович О. 44
 Лященко А. И. 51

 Майерберг 60
 Майков Л. Н. 115
 Макаренко М. О. 150
 Маковицкий Д. П. 229
 Максимов Г. А. 103
 Малаков Г. 48
 Малерб Ф. 250
 Малков Д. И. 223—227
 Мало Ш. 24
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 60, 61
 Мамоници 150
 Мамырев В., дьяк 155
 Манштейн Х. 72
 Марат Ж. 187
 Маргарита Валуа, королева Наваррская 247
 Мария Федоровна, имп. 69
 Маркес Г. Г. 8
 Марков Е. Л. 50
 Маркович Л. З. 213
 Маркс К. 133
 Мартос И. П. 66
 Мартынов А. Е. 66
 Мартынов И. Ф. 174
 Мартынов П. Н. 21
 Марцишевская К. А. 22, 53
 Маршак С. Я. 50
 Марья, жена С. М. Гутковского 165
 Масанов И. Ф. 83, 214
 Масенко А. И. 231

 Мезенцев Н. В. 85
 Мейерхольд Вс. Э. 214
 Мекенем И., ван 152, 157—160, 170
 Менаж Ж. 243, 250
 Менделеевы 218
 Мердок А. 12
 Мерсье Л. С. 106, 112, 115
 Местр К., де 110
 Метерлинк М. 226
 Милорадович Г. А. 105
 Мильтон Дж. 197
 Минаев Д. Д. 34
 Михайлов М. Л. 222
 Михайловский Н. К. 79
 Михневич Вл. О. 82
 Мовийон Э., де 70
 Молчанов П. С. 121
 Мольер Ж. Б. 255
 Монтескье Ш. Л., де 190
 Монтень М., де 190
 Мордовцев Д. Л. 224
 Морен Ж.-Б. 250
 Мориц К. Ф. 183
 Мориц-Вильгельм 251
 Моркунас Я. 150
 Морозов Н. А. 130, 133, 139
 Муравьев М. Н. 174—176
 Муравьев-Апостол И. М. 38
 Муромцева-Бунина В. Н. 210, 211
 Мюнхгаузен, барон 85

 «Н. Б.» см. Н. П. Брусилов
 Наполеон I Бонапарт 192, 195
 Нащокин П. В. 44
 Невежа А. Т. 154, 166
 Неверов Я. М. 30
 Нежданова А. В. 54
 Некрасов А. И. 148—153, 157, 167
 Некрасов Н. А. 33, 227
 Немцов Н. Д. 54
 Никез, отец 250
 Никитин Афанасий 155
 Никитин И. С. 16, 51, 52
 Никитина Е. Ф. 17
 Николай I 30, 224
 Никольская Н. П. 215, 217, 218
 Новиков Н. И. 24, 26, 106, 119, 178, 184
 Нордштейн А. П. 52
 Нотбек А. В. 36
 «О. В.» см. О. В. Андроникова

- Оберт Г. 97
 Одебер Ж. Б. 71
 Одоевский В. Ф. 36
 Олеарий А. 70
 Оленин А. Н. 29
 Ольденбургский К. П. 83
 Оранский, принц 250
 Орбелиани З. 53
 Орбелиани С.-С. 224
 Орлов А. Г. 224
 Орлов А. С. 148, 149
 Орлов Вл. Ник. 113
 Орлов Г. В. 190
 Орлов Я. В. 176, 183, 184
 Осповат Л. О. 14
 Остолопов Н. Ф. 113, 114, 122
 Остромир, посадник 153
 Остроумов А. М. 54
- Павел I 24, 66, 68, 69, 72, 105
 Павлова Ж. П. 179
 Паисий, старец 167
 Палашенков А. Ф. 216
 Палибин И. В. 133
 Панаев В. И. 34
 Панов В. А. 67
 Патксот О. 244—246
 Пафнутий, старец (Боровский)
 166, 167
 Пашнев Э. И. 231
 Пащенко В. В. 209
 Пекарский П. П. 62
 Перельман Я. И. 139
 Першин В. Г. 231
 Петерсон Н. П. 206
 Петр I 57, 59, 62, 70, 154, 165,
 172, 224
 Петр II 72
 Петухов Е. В. 113
 Писарев А. А. 114
 Писарев Д. И. 34
 Платон 189
 Плевицкая Н. В. 54
 Плеханов Г. В. 132
 Пнин И. П. 113, 114, 121, 122, 125
 Ползунов Ю. Л. 225
 Полибий 247
 Поликарпов Федор 62
 Полоцкий Симеон 164
 Пономарев М. 41
 Понтанус (Понтано) Дж. 252
 Попов Г. В. 155
- Попов Н. А. 64
 Порошин А. И. 60
 Порошин С. А. 72
 Похвиснев И. 114
 Почтовик П. Д. 32
 Пржевальский Н. М. 132
 Прокопович, архиепископ 62
 Прокофьев А. А. 55
 Прокофьев И. П. 66
 Пуже Ф.-Э. 254—256
 Путинцев А. М. 51
 Пуффендорф С. 60, 62
 Пушкин А. С. 16, 21—23, 25,
 29—45, 51, 56, 78, 196, 219, 222,
 229, 242
 Пушкин В. Л. 178
 Пушкина Н. Н. 77
 Пушин И. И. 216, 217, 222
 Пыляев М. И. 26
- Радищев А. Н. 113, 114, 171
 Рангуз, де 252, 253
 Расин Ж. 254
 Рашель (Феликс Элиза Рашель)
 242
 Реи М. М. 187
 Рекамье Ж. 198
 Реклю Э. 132
 Ренуар А. А. 190
 Рильке Э. М. 230
 Ричардсон С. 242
 Ровинский Д. А. 71, 148
 Рогов Вл. В. 230
 Родари Дж. 227
 Розанов И. Н. 22, 31, 33, 42, 58
 Розов Н. Н. 153
 Росси К. И. 66—68, 72
 Рубан В. Г. 172
 Рублев А. 166
 Румянцев В. Е. 148
 Руссо Ж.-Ж. 106, 110, 180, 186,
 187, 197
 Рылеев К. Ф. 22, 39, 44, 55
 Рынин Н. А. 93—102, 133
 Рязанова В. Ф. 106
- Савва, архимандрит 161
 Савватий, старец 169
 Саитов В. И. 124
 Сала А. 196
 Санги В. 13
 Санд Жорж 227

Сароян У. 14
 Свириг А. Н. 155
 Селезнев К. Л. 211
 Семевский М. И. 44, 69, 70
 Семенова С. Г. 206
 Сенека Л. А. 177
 Сент-Бёв Ш. О. 195, 197, 198
 Сидоров А. А. 150, 153, 201
 Сикорский Н. М. 184
 Синягин Н. К. 21, 32
 Скотт В. 195
 Скотти Д. 66
 Смирнов-Сокольский Н. П. 23, 25, 27, 31, 42, 44, 242
 Снайдерс Ф. 158
 Сойкин П. П. 126—142
 Сойкина В. Л. 131, 138
 Сойкина Л. А. 131, 138
 Сойкина Н. В. 126—133, 135, 136
 Соколов И. А. 122
 Сократ 108
 Соловьев В. С. 202
 Соловьев И. В. 130
 Срезневский И. И. 154
 Станкевич Н. В. 30, 50
 Старицкий М. П. 212
 Стасов В. В. 148, 169
 Степановский Н. К. 123
 Стерн Л. 110, 242
 Стороженко Н. И. 201
 Страхов Н. И. 106, 184
 Строев П. М. 123
 Суворин А. С. 21, 52, 78
 Суворов А. В. 105
 Сумароков А. П. 118, 119, 184

Тагор Р. 230
 Тайко Хирабаяси 230
 Таммерман Ф. 70
 Тараканова, княжна 224
 Тарасенков А. К. 235
 Татищев В. Н. 56—65
 Татищев Е. В. 64
 Твардовская М. И. 235
 Твардовский А. Т. 233—238
 Тимм В. Ф. 43
 Тихомиров М. Н. 153
 Толандадь Л., де 186
 Толстой А. К. 55
 Толстой А. Н. 55, 139
 Толстой Л. Н. 9, 16, 202—204, 228
 Травинский В. М. 126, 127, 129, 136

Третьяков, боярин 152
 Тригуб О. Д. 209
 Ту Х., де 245
 Туманский В. И. 42
 Тургенев И. С. 30
 Турумова К. Ф. 42
 Тучков С. А. 182

Уваров А. С. 162
 Уварова П. С. 162
 Уголино, граф 226
 Ульянинский Д. В. 47, 48
 Уткин Н. И. 31, 36
 Утков В. Г. 218, 229, 230
 Ухова Т. Б. 154, 158, 170
 Ушаков Симон 164

Федоров Б. М. 34
 Федоров В. Г. 61
 Федоров В. М. 112
 Федоров Иван, первопечатник 147—154, 157, 158, 161, 166, 170
 Федоров Н. Ф. 201—206
 Федоров Пимен см. Симон Ушаков
 Фенелон Ф. С. 52, 180, 256, 257
 Феодосий Дионисиев Изограф 152, 165—170
 Феофан Грек 167
 Ферми Л. 226
 Ферми Э. 226
 Фернандес В. 152
 Фет А. А. 202
 Фибоначчи Л. 225, 226
 Филипп IV 250
 Философов Д. В. 78
 Фитюлькин Е. 53
 Фойницкий В. Н. 127
 Фолкнер У. 9
 Фомин А. Г. 52
 Фонвизин Д. И. 27, 119, 175
 Фонвизин М. А. 216, 221
 Фонтан 70
 Фортунатов Ф. Ф. 123
 Фотий, патриарх 247
 Фрагонар О. 71
 Франклин В. 186
 Фрейлиграт Ф. 35
 Фрейман О. Р., фон 105
 Фридриц Е. К. 67
 Фридман Н. В. 113
 Фридрих Август 251
 Фролов В. А. 48
 Ханенко И. И. 83, 85, 87

Харьковский А. 231
Хвостов Д. И. 120
Хемингуэй Э. 9
Хемницер И. И. 118
Херасков М. М. 175, 178
Храбровицкий А. В. 25
Хрущов А. Ф. 180

Царский И. Н. 162
Цветаев Г. А. 216
Ценингер К. 152
Циолковский К. Э. 93—102
Цирков Б. М. 94
Цицерон 253

Челлини Б. 225
Чернышевский Н. Г. 43
Чижевский А. Л. 97, 98
Чуковский К. И. 214
Чулков М. Д. 24, 106
Чупин Н. К. 61

Шатлю Ф. 186—191
Шатобриан Ф.-Р., де 192—199
Шафиров П. Я. 62
Шебёк Ф. 225
Шевченко Т. Г. 43, 210
Шевырев С. П. 41
Шейхцер И. Я. 70
Шекспир В. 220
Шелли П. Б. 226
Шен Э. 149, 150
Шереметев П. Б. 24
Шефлер, кадет 53
Шиллер Фр. 27
Шиллер Ф. П. 226
Шилов Ф. Г. 21, 172
Шишков В. Я. 139
Шляпкин И. А. 172

Шнель А. 32
Шокальский Ю. М. 133
Шолохов М. А.
Шоффен Д. Э. 180
Шрамм А. 155, 157
Штейнгель В. И. 216
Штекли А. 226
Шумахер 63, 64

Щеголев П. Е. 40
Щепкина М. В. 152

Эвклид 226
Эдельштейн Я. С. 133
Эйхенбаум Б. М. 55
Эльзевиры 243
Эмин Н. Ф. 175, 180
Энзе К. А. В., фон 30
Эразм Роттердамский 250
Эренбург И. Г. 55
Эртель А. И. 54

Юзефович В. М. 28
Юзефович М. В. 28, 29
Юнг К. Г. 180
Юркевич В. В. 52

Яворский С. 172
Языков Д. И. 121
Яковлев В. Н. 78, 80
Яковлев Л. С. 78, 80, 82
Яковлева-Ланская Н. В. 75—
82, 84, 87
Якубович Л. А. 219
Яновский С. 77
Янсон Г. Ю. 139—141
Ярон С. Г. 82

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Чингиз Айтматов.</i> Книги, открывающие нас . . .	7
--	---

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>А. Сигрист.</i> Библиотека П. В. Губара	21
<i>В. Будаков.</i> Воронежский библиофил	46
<i>И. Шакинко.</i> Книжное собрание Татищева	56
<i>Г. Фирсов.</i> Библиотека Росси в Павловском дворце-музее	66

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Владимир Безъязычный.</i> Книга загадочной судьбы	75
<i>Велимир Петрицкий.</i> Первая в мире	93
<i>Ю. Акутин.</i> Метаморфозы Николая Брусилова .	103
<i>С. Белов.</i> В поисках материалов о старом русском издательстве	126

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Е. Немировский.</i> Иллюстрации и заставки. Главы из документальной повести	147
<i>А. Блюм, И. Мартынов.</i> «О! книги, книги прелюбезны!..»	171
<i>Л. Альбина.</i> Вольтер и Шатлю, забытый просветитель XVIII века	186
<i>В. Мильчина.</i> Судьба последней книги Шатобриана	192
<i>В. Борисов.</i> «Идеальный» библиотечкарь	201

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>П. Ротач.</i> Память о Полтаве	209
<i>В. Утков.</i> Рукописные книги Василия Андроникова	215
<i>Ф. Малкин.</i> Собрание материалов о Пизанской башне	223
<i>В. Лазарев.</i> Заметки на полях	228
<i>А. Гришунин.</i> Фронтное издание «Василия Теркина»	223

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Жюль Жанен.</i> Книга. (Отрывки)	242
---	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

<i>Евгений Долматовский.</i> Страна читателей	18
<i>Ирина Снегова.</i> Ода книге	89
<i>Давид Кугультинов.</i> Книгоград	257
<i>Михаил Фильштейн.</i> Читая Гарсиа Лорку	143
<i>Эмили Дикинсон.</i> «Нет лучше Фрегата — чем Книга...»	185
<i>Райнер Мария Рильке.</i> За книгой	232
<i>Указатель имен</i>	258

АЛЬМАНАХ ВИБЛИОФИЛА

Выпуск шестой

ИБ № 721

Редактор М. Я. Фильштейн

Художественный редактор Н. Д. Карандашов

Технический редактор Н. И. Аврутин

Корректор О. И. Поливанова

Сдано в набор 25.10.78 г. Подписано в печать 13.03.79 г. А11344

Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура школьная.

Высокая печать. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 15,12.

Тираж 50000 экз. Заказ № 3375. Изд. № 2726. Цена 4 р.

Издательство «Книга»,

Москва, К-9, ул. Неждановой, д. 8/10.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

A57

Альманах библиофила. Вып. 6 — М.: Книга, 1979
272 с. с ил.

Задуманный как продолжающееся издание, Альманах рассказывает о прошлом и настоящем Книги, о людях, изучающих ее историю, о роли печатного слова в жизни современного человека. В этом выпуске публикуется интервью Ч. Айтматова, статья А. Гришунина о фронтовом издании «Василия Теркина», А. Сигрист рассказывает о библиотеке П. В. Губара, Г. Фирсов — о библиотеке Росси в Павловском дворце-музее. Публикуется продолжение документальной повести Е. Немировского о русском первопечатнике Иване Федорове. В разделе «Наши публикации» печатаются отрывки из книги Жюль Жанена.

Издание хорошо иллюстрировано. Предназначено для широкого круга любителей книги.

A 61001—050
002(01)—79 4503000000

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»

Редакционная коллегия просит авторов присылать статьи в двух экземплярах, перепечатанные в соответствии с установленными нормативами.

Все цитаты в тексте должны сопровождаться ссылками на источники.

В конце статьи необходимо сообщить краткие сведения об авторе и его подробный почтовый адрес.

Иллюстративный материал просьба присылать в двух экземплярах размером 13х18 см, желательно с негативами.

Редакционная коллегия рассматривает не только готовые материалы, но и заявки. Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: 103031, Москва, ул. Пушкинская, 7/5, Центральное правление ВОК.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Выходит из печати книговедческий сборник «Встречи с книгой». В него включены избранные статьи из первых выпусков «Альманаха библиофила» и новые работы из портфеля редакции.

Авторы сборника — известные советские книговеды и библиофилы — рассказывают об истории советской книги, редких отечественных и зарубежных изданиях, библиотеках деятелей отечественной литературы.

Выход в свет сборника приурочен к открытию II съезда Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

Объем сборника 16 а. л.

* * *

Выходит из печати книга А. И. Анушкина «Рассказы о старой книге». В ней рассказывается о поисках и находках книговеда, посвятившего долгие годы изучению рукописей первых русских печатных книг. Автор привлекает малоизвестные материалы, использует архивные документы. Книга написана в увлекательной, популярной форме. Объем книги 7 а. л.